

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 2 (143)

Социально-экономические и общественные науки

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве
информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ, Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU и банк данных Национального
центра правовой информации
Республики Беларусь

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора Д.Л. КОВАЛЕНКО,
канд. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора А.Р. МИРОТИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор
Зам. главн. редактора Г.Г. ГОНЧАРЕНКО,
д-р биол. наук, профессор, чл.-корр. НАН Беларуси

Члены редакционной коллегии:

Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.,
чл.-корр. НАН Беларуси
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по социально-экономическим и общественным наукам:

С.Н. Лебедева, д-р экон. наук, проф.
Г.И. Нарскин, д-р пед. наук, проф.
Р.М. Нижегородцев (Россия), д-р экон. наук, проф.
В.Г. Никитушкин (Россия), д-р пед. наук, проф.
В.Г. Ротань (Россия), д-р юрид. наук, проф.
М. Шеневуа (Франция), д-р. наук, проф. права

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus High-
er Attestation Commission list of scientific publications
of the Republic of Belarus, which publish the main re-
sults for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(Order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The journal is included in the bibliographic Databases of
the All-Russia Institute of Scientific and Technical Infor-
mation (VINITI), Scientific Electronic Library
eLIBRARY.RU and Database of the National Center of
Legal Information of the Republic of Belarus

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief D.L. KOVALENKO,
PhD, Associate Professor
Deputy editor-in-chief A.R. MIROTIN,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief G.G. GONCHARENKO,
Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB

Members of editorial board:

F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the socio-economic and social sciences

S.N. Lebedeva, Sc. D., Professor
G.I. Narskin, Sc. D., Professor
R.M. Nizhegorodtsev (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Nikitushkin (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Rotan (Russia), Sc. D., Professor
M. Shenevua (France) Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2024
© Educational Establishment «Francisk Skorina Gomel State University», 2024

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2024, № 2 (143) •

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ:
ПЕДАГОГИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

СОДЕРЖАНИЕ

Педагогика

Бейзерова И.Л. <i>Современные тенденции организации повышения квалификации педагогов дошкольного образования</i>	5
Будрик Е.Г. <i>Формирование культуры отцовства у старшеклассников учреждений общего среднего образования</i>	9
Володько О.М. <i>Нравственное мышление будущих менеджеров: сущность и пути формирования</i>	13
Захаренко М.В., Нарский А.Г., Трофимович И.И. <i>Сравнительный анализ техники соревновательного упражнения у толкателей ядра разной квалификации</i>	18
Ковалевич М.С., Леонюк Н.А. <i>Самозффективность как условие достижения карьерного успеха будущими специалистами</i>	24
Мельников С.В. <i>Обоснование эффективности технологии управления спортивной тренировкой высококвалифицированных пловцов на основании данных этапного контроля</i>	29
Сун Сян. <i>Развитие системы музыкального образования в Китае</i>	35
Сунь Сяо. <i>Педагогические основы применения технологий дополненной реальности в подготовке преподавателей традиционной китайской музыки</i>	40
Чжан На. <i>Развитие гуманитарного образования в высших профессиональных колледжах Китая в рамках инициативы «Пояс и путь»</i>	44

Право

Авдеев Д.А. <i>О проблеме соотношения заблуждения и обмана органов управления юридического лица и самой организации, чья дееспособность реализуется через соответствующие органы управления</i>	49
Антоненко С.Б. <i>Формирование политических и правовых взглядов Георгия Конисского в академический период</i>	54
Брилёва В.А. <i>К вопросу об условиях и основаниях конституционной ответственности</i>	60
Горбель А.Г. <i>Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего уголовно наказуемое деяние в состоянии алкогольного опьянения</i>	64
Малишевский С.Т. <i>Юридическая природа действий по списанию денежных средств со счета без распоряжения его владельца</i>	70
Михневич В.Н. <i>Структура возбуждения уголовного дела: криминалистический аспект (на примере коррупционных преступлений)</i>	76
Набатова А.Э. <i>Цифровые технологии в противодействии преступности: перспективы использования</i>	80

Тенюта Е.С. <i>Специфика предписаний, образующих содержание технического нормативного правового акта</i>	86
Цыкунова И.Н., Синица И.М. <i>Некоторые правовые аспекты обращения с женщинами, оказавшимися в сфере уголовного правосудия</i>	92
Шляхтова О.Г., Емельянов С.Л. <i>К вопросу о кибершпионаже как инструменте совершения преступлений, связанных со шпионажем</i>	98
Эсмантович Е.И., Эсмантович И.И. <i>Всебелорусское народное собрание и повышение активности субъектов гражданского общества</i>	103
Яцко Т.П. <i>Взаимодействие таможенных органов государств-членов ЕАЭС в условиях цифровой экономики</i>	107

ЭКОНОМИКА

Авдейчик О.В., Струк В.А., Антонов А.С., Лесун А.Н. <i>Методологические аспекты реализации концепта «Университет 3.0» в белорусской высшей школе. Ч. 2. Факторы, влияющие на развитие современных университетов</i>	111
Земцов А.Г. <i>Цифровизация здравоохранения в Республике Беларусь: проблемы внедрения и перспективы</i>	118
Исайчикова Н.И. <i>Эволюция маркетинговых коммуникаций</i>	123
Лапицкая О.В. <i>Особенности противоречия и единства между экономикой лесоводства и экономикой промышленного производства в лесном хозяйстве Беларуси</i>	127
Микулко Д.И., Беспанская-Павленко Е.Д. <i>Инновационное предпринимательство как фактор экономического развития современного государства</i>	133
Русак И.Н. <i>Сельская местность как одно из направлений региональной политики Беларуси</i>	137

PROCEEDINGS

of Francisk Skorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

Published since 1999

Released bimonthly

• 2024, № 2 (143) •

SOCIO-ECONOMIC AND SOCIAL SCIENCES:

PEDAGOGICS • LAW • ECONOMICS

CONTENTS

PEDAGOGICS

Beizerova I.L. <i>Modern trends in organizing advanced training for preschool teacher</i>	5
Budrik E.G. <i>Formation of a culture of fatherhood among high school students of general secondary education institutions</i>	9
Volodko O.M. <i>Moral thinking of future managers: essence and ways of formation</i>	13
Zakharenko M.V., Narskin A.G., Trofimovich I.I. <i>Analysis of competitive exercise technique for shot putters of different qualifications</i>	18
Kovalevich M.S., Leonyuk N.A. <i>Self-efficacy as a condition for achieving career success by future specialists</i>	24
Melnikov S.V. <i>Justification of the effectiveness of technology for managing sports training of highly qualified swimmers based on stage-by-stage control data</i>	29
Sun Xiang. <i>Development of music education system in China</i>	35
Sun Xiao. <i>Pedagogical basis for the use of augmented reality technologies in training teachers of traditional Chinese music</i>	40
Zhang Na. <i>Development of humanities education in higher vocational colleges of China under the background of the «Belt and Road» initiative</i>	44

LAW

Avdeev D.A. <i>On the problem of the correlation of delusion and deception of the governing bodies of a legal entity and the organization itself, whose legal capacity is realized through the relevant governing bodies</i>	49
Antonenko S.B. <i>Formation of political and legal views of George Konisky in the academic period</i> ..	54
Brileva V.A. <i>On the conditions and grounds of constitutional responsibility</i>	60
Gorbel A.G. <i>Criminological features of identity of a person who committed a criminal act under the influence of alcohol</i>	64
Malishevsky S.T. <i>The legal nature of actions to write off funds from an account without an order from its owner</i>	70
Mikhnevich V.N. <i>The structure of the initiation of criminal proceedings: the criminalistic aspect (on the example of corruption crimes)</i>	76
Nabatova A.E. <i>Digital technologies in combating crime: prospects for use</i>	80
Tenuta E.S. <i>Specificity of the regulations forming the content of a technical normative legal act</i> ...	86
Tsykunova I.N., Sinitsa I.M. <i>Some legal aspects of the treatment of women involved in the criminal justice system</i>	92
Shlyahotova O.G., Emelyanov S.L. <i>To the question of cyber espionage as a tool for committing espionage-related crimes</i>	98

Esmantovich E.I., Esmantovich I.I. <i>All-Belarusian People's Assembly and intensification of civil society subjects' activity</i>	103
Yatsko T.P. <i>Interaction of customs authorities of the EAEU member states in the digital economy</i>	107
ECONOMICS	
Avdeichik O.V., Struk V.A., Antonov A.S., Lesun A.N. <i>Methodological aspects of the implementation of the «University 3.0» concept in Belarusian higher education. Part 2. Factors influencing the development of modern universities</i>	111
Zemtsov A.G. <i>Digitalization of healthcare in the Republic of Belarus: problems of implementation and prospect</i>	118
Isaichikova N.I. <i>The evolution of marketing communications</i>	123
Lapitskaya O.V. <i>Features of the contradiction and unity between the economy of forestry and the economy of industrial production in the forestry of Belarus</i>	127
Mikulko D.I., Bepanskaya-Pavlenko E.D. <i>Innovative entrepreneurship as a factor in the economic development of a modern state</i>	133
Rusak I.N. <i>Rural areas as one of the directions of regional policy of Belarus</i>	137

Педагогика

УДК 37.018.46-057.86:373.2

EDN: CWWCXQ

Современные тенденции организации повышения квалификации педагогов дошкольного образования

И.Л. БЕЙЗЕРОВА

В данной статье изучаются современные тенденции организации повышения квалификации педагогических кадров в целом и педагогов дошкольного образования в частности. Анализируется опыт повышения квалификации педагогических кадров в ряде стран мира. Анализ и синтез философско-педагогической и психологической литературы по профессиональному развитию педагогических кадров позволяет раскрыть особенности этого процесса в разных странах. Результаты проведенного теоретического исследования позволяют использовать лучший опыт в развитии национальной системы повышения квалификации педагогов, в том числе широко использовать практико-ориентированные подходы и методы к организации мероприятий по повышению квалификации. Основными базовыми принципами при организации повышения квалификации педагогов должны стать гибкость, модульность, системность и технологичность.

Ключевые слова: педагоги дошкольного образования, повышение квалификации педагогов, педагогические кадры, система образования.

This article examines current trends in organizing advanced training for teaching staff in general and preschool teachers in particular. The experience of advanced training of teaching staff in a number of countries is analyzed. The analysis and synthesis of philosophical, pedagogical and psychological literature on the professional development of teaching staff allows us to reveal the features of this process in different countries. The results of the theoretical study make it possible to use the best experience in the development of a national system of advanced training for teachers, including the widespread use of practice-oriented approaches and methods for organizing professional development activities. The main basic principles when organizing advanced training for teachers should be flexibility, modularity, consistency and manufacturability.

Keywords: preschool teachers, advanced training of teachers, teaching staff, education system.

Повышение качества и обновление содержания современного образования требуют от педагогов знания тенденций инновационных изменений в системе современного образования, владения современными образовательными технологиями, знания интерактивных форм и методов обучения, рефлексивных, проектировочных, диагностических умений.

Необходимость повышения квалификации педагогов дошкольного образования обусловлена рядом факторов. Во-первых, современные методики обучения и воспитания детей постоянно развиваются, и педагоги должны быть в курсе последних достижений в этой области. Повышение квалификации поможет им изучить новые методики работы с детьми, адаптировать свои знания и навыки под современные требования. Во-вторых, повышение квалификации педагогов дошкольного образования поможет им лучше удовлетворять потребности разнообразных детей, в том числе детей с особыми потребностями. Это поможет обеспечить индивидуальный подход к каждому ребенку, что важно для их успешного развития. Таким образом, повышение квалификации педагогов дошкольного образования является важным шагом в повышении качества образования и воспитания детей в этом возрасте. Обучение новым методикам и подходам позволит педагогам эффективнее работать с детьми и поможет им лучше реализовать свои профессиональные обязанности.

Основной целью системы повышения квалификации является ознакомление педагогов с теоретическими и практическими новинками образовательной деятельности, прогрессивными технологиями обучения, а также закрепление у них навыков самостоятельного приобретения знаний, необходимых для их профессионального развития.

Традиционные курсы повышения квалификации не всегда отвечают реальным потребностям педагога и оказываются неэффективными. Важным вопросом является существенное изменение системы последиplomного образования, в том числе поиск новых моделей его организации. К наиболее распространённым формам повышения квалификации педагогов дошкольного образования в настоящее время можно отнести целевую, каскадную, преподавание в сотрудничестве и обучение на собственном примере.

Вопросу повышения квалификации педагогических кадров, в том числе педагогов дошкольного образования в большинстве стран уделяется большое внимание. Тем не менее подходы к организации повышения квалификации педагогов различаются. К примеру, повышение квалификации всех педагогических кадров в ряде стран Европы (в частности во Франции, Нидерландах и др.) осуществляется различными учреждениями последиplomного образования, университетами и региональными центрами непрерывного образования. Особенностью повышения квалификации педагогических кадров в этих странах является отсутствие четкого регламента по срокам обучения и количеству курсов. Программы повышения квалификации призваны помочь учителям обновить свои профессиональные знания и одновременно переориентировать их на реальные проблемы. Среди приоритетов преобразования системы непрерывного повышения квалификации – значительное улучшение подготовки педагогов, обучение посредством научных исследований, повсеместное внедрение инноваций в учебный процесс, создание новых образовательных и научно-исследовательских учреждений более высокого уровня. Особенностью повышения квалификации педагогических кадров во Франции является личностно-ориентированное профессиональное развитие.

Традиционные проблемы для многих стран – это проблема личности педагогов, мотивация, решения руководителя учреждения и возможность замены воспитателей при повышении квалификации, нехватка бюджета. Особенностью содержания повышения квалификации педагогических кадров во Франции является гармоничное сочетание общеобразовательных, специально-предметных дисциплин и теоретического психолого-педагогического компонента и использование полученных знаний на практике. Преподавателями на повышении квалификации предлагается широкий спектр курсов по педагогике, психологии и методике. Они используют обучающие демонстрационные видеоролики, моделирование, микрообучение, «мини-курсы», ролевые игры, презентации проектов, телекоммуникационные и информационные технологии и т. д. Средняя продолжительность повышения квалификации во Франции за счет бюджета или предприятия от начала активной профессиональной жизни до выхода на пенсию должна составлять один год (или 1200 часов в случае обучения без отрыва от производства) [1].

В Финляндии и ряде других стран Северной Европы повышение квалификации педагогических кадров организуется в основном непосредственно в учреждениях дошкольного образования под эгидой национальных органов управления образованием, а также кафедр и лабораторий учреждений высшего образования. Педагоги пользуются правом повышения квалификации в течении 2–3 дней месяца, что является частью их рабочего времени. Эта система, безусловно, стимулирует профессиональное развитие педагогов, их стремление к повышению квалификации [2].

Ежегодно педагоги посещают учреждения образования разного типа и в течение недели наблюдают за организацией образовательного и воспитательного процесса или изучают отдельные аспекты (привлечение общих примеров, скрытое лидерство, контроль за обучением, поддержка воспитанников с ограниченными возможностями и детей из числа национальных меньшинств). Во время такого обучения педагоги ведут дневники, фиксируют новые идеи и делают доклад на педагогическом совете после прохождения стажировки. Посещение других учреждений не является обязательным и осуществляется только по взаимной договоренности между учреждениями образования. В стране также реализуется модель профессионального развития педагогов, которая предполагает тесную связь ступеней системы образования – дошкольного, среднего и высшего. Основная концепция этой модели заключается в том, что школьные учителя, воспитатели дошкольных учреждений и преподаватели учреждений высшего образования на основе собственного профессионального опыта «обучают» друг друга. Кроме того, ежегодно проводятся совместные семинары и образовательные дни [2].

В Великобритании повышение квалификации осуществляется по следующим траекториям: курсовая модель на базе учреждений высшего образования и учреждений дошкольного об-

разования без отрыва от производства. Повышение квалификации имеет гибкий и вариативный характер. Учебные программы предполагают очную и заочную формы, включают практические занятия. Повышение квалификации является бесплатным, а во время обучения педагог не осуществляет своей профессиональной деятельности. Наибольшей популярностью пользуются узкоспециализированные краткосрочные курсы повышения квалификации по отдельным аспектам или темам образовательной или воспитательной деятельности. В составлении программ используется технологический подход, согласно которому особое внимание уделяется не только прогнозированию формируемых знаний и умений педагогов, но и ожидаемым изменениям уровня развития воспитанников после прохождения обучения их педагогов (воспитателей) по этим программам. В учебных программах более 60 % времени занимают дискуссии и другие групповые формы обучения, используются активные методы обучения, такие как деловые игры, инсценировки, решение учебных задач, просмотр и обсуждение видеороликов из практики; методические семинары; конференции, «круглые столы»; дискуссии; групповая разработка планов, программ, учебно-методических материалов; дни повышения квалификации. Система непрерывного повышения квалификации направлена на создание индивидуальных стратегий и стилей работы воспитателей, способных к саморазвитию [3].

Система повышения педагогических кадров в Германии включает два основных направления: повышение квалификации и дополнительное обучение. Круг задач первого направления связан с профессиональным развитием педагога в соответствии с его основной специальностью. Задача второго направления связана с приобретением новой педагогической специальности или повышением своей профессиональной квалификации для перехода на более высокую должность. Система последиplomного образования страны характеризуется децентрализацией управления, административной и организационной вертикальной дифференциацией и в каждой из 16 земель реализуется на межземельном (федеральное повышение квалификации), земельном (центральное повышение квалификации), местном (местное повышение квалификации) и индивидуальном (персональное повышение квалификации) уровнях [4]. Повышение квалификации в Германии является добровольным делом педагога, который может получить дополнительную специальность на курсах, организуемых различными ведомствами (к примеру, министерствами культуры и образования земель или в университетах). Тематика образовательных программ формируется с учетом пожеланий слушателя и потребностей учреждений образования. По завершении обучения педагог сдает факультативный экзамен, и в случае его успешной сдачи получает доступ к работе по специальности во всех типах образовательных учреждений. Подобная практика широко распространена в Германии, поскольку специалист, компетентный в различных областях науки, имеет больше шансов реализовать свои способности и стремления на рынке труда, улучшить свое финансовое благосостояние. Повышение квалификации кадров на центральном (федеральном) уровне включает участие в научных конференциях, семинарах, коллоквиумах земельного и федерального уровней; посещение региональных мероприятий повышения квалификации; дистанционное обучение; повышение квалификации в вузах педагогического и специального научного профиля; обмен опытом за рубежом или в других учреждениях страны; исследования и разработки в области прикладных наук или преподавания отдельных предметов (последиplomное образование в академии повышения квалификации педагогических кадров и педагогические институты) предлагают педагогам гибкое, мобильное и динамичное обучение, стимулируя их профессиональное развитие. Среди групповых формы профессионального развития следует отметить курсы повышения квалификации, обеспечивающие взаимосвязанную теоретическую и практическую подготовку для приобретения более высокого категориального уровня; специализированные курсы и семинары по внедрению конкретных инноваций в практическую деятельность; специализированные курсы и семинары, которые призваны подготовить педагогов к выполнению новых профессиональных функций; предметно-методические конференции; предметные конкурсы и научно-популярные занятия; информация о последних научных достижениях в конкретном регионе, правовых и организационных изменениях; цикл лекций; отдельные отчеты; симпозиумы и конференции; семинары и курсы для подготовки к дальнейшему экзамену для получения новой специальности [4].

Каждый педагог учреждения дошкольного образования ежегодно проходит повышение квалификации не менее 5 раз. Курс может быть совсем кратковременным (1–3 дня), либо про-

должительным (до 2-х недель). Программа может затрагивать самые различные сферы деятельности педагога: работу с родителями, принципы наблюдения за развитием ребенка, диагностику, специальные предметы – например, как ставить эксперименты в детском саду, как проводить интересные музыкальные игры или организовать экскурсию и на ее основе сюжетные игры и т. п. Таким образом, педагог имеет возможность регулярно (раз в 2 месяца), практически без отрыва от работы повышать свой профессиональный уровень, знакомиться с современными педагогическими и психологическими инновациями, привносить новое в методики воспитания и развития детей, и, что немаловажно, делиться с коллегами новыми свежими идеями и творческими импульсами.

Повышение квалификации и переподготовку педагогических кадров в Республике Беларусь осуществляют Академия последипломного образования, 6 региональных институтов повышения квалификации педагогических кадров и 1 городской, 9 институтов повышения квалификации педагогических кадров, входящих в структуру университетов. Система учитывает весь спектр изменений в образовании: интенсификацию образовательного процесса; новое содержание и формы его организации; социальную, культурную и ценностную составляющие; освоение инновационных образовательных технологий и т. д. Периодичность повышения квалификации педагогических работников должна быть не реже 1 раза в 3 года. Кроме очного обучения в стране предусмотрена форма самостоятельной работы слушателя при реализации образовательных программ повышения квалификации: повышения квалификации в заочной (дистанционной) форме получения образования. Увеличена интенсивность учебных занятий за счет использования самостоятельной работы слушателей с электронными образовательными ресурсами.

В последнее время в Республике Беларусь и Российской Федерации одной из наиболее популярных форм становится внутрикорпоративное повышение квалификации. Для него характерны командная работа (привлекаются все специалисты организации), гибкость и мобильность; непрерывность в приобретении профессиональных знаний, навыков и умений; широкая целевая направленность [5].

В развитии и совершенствовании системы повышения квалификации педагогов дошкольного образования в нашей стране важно учитывать лучший опыт повышения квалификации педагогических кадров стран мира, в то же время не отказываться от положительных достижений отечественной системы образования, а именно от развития системы непрерывного повышения квалификации педагогических работников, использование традиционных форм (курсы повышения квалификации, семинары, конференции, круглые столы), современных форм (корпоративное обучение, тренинги, проектные формы и др.), параллельного использования очных и дистанционных форм и технологий.

Литература

1. Cornu, B. Teacher education in France : Universitization and professionalization / B. Cornu // *Education Inquiry*. – 2015. – № 6 (3). – P. 289–307.
2. Asunta, T. Developments in teacher education in Finland. In-service education and training / T. Asunta // *Modernization of Study Programmes in Teachers' Education in an International Context*. – Ljubljana : University of Ljubljana, 2006. – P. 137–146.
3. Pound, L. Early childhood teacher education in the United Kingdom / L. Pound // *Early Child Development and Care*. – 1992. – № 78 (1). – P. 25–42.
4. Heimerer, L. Die zentrale und regionale Lehrerfortbildung [The Central and Regional Teacher Training] / L. Heimerer, K. Lohrer // *Die berufsbildende Schule*. – 2000. – № 12. – P. 644–657.
5. Репринцева, Г. А. Внутрикорпоративное повышение квалификации воспитателей детского сада в вопросах развития игровой деятельности дошкольников / Г. А. Репринцева // *Психолог*. – 2019. – № 3. – С. 48–55.

Формирование культуры отцовства у старшеклассников учреждений общего среднего образования

Е.Г. Будрик

В статье отмечается кризисное состояние отцовства в современном обществе, которое, по мнению автора, характеризуется двумя тенденциями. С одной стороны, сами отцы не совсем готовы выполнять воспитательные функции как родителя, и, с другой стороны, практическое отсутствие деятельности учреждений образования по стимуляции отцов к воспитательной деятельности в семье. Трансформация современного отцовства очевидно указывает на необходимость создания программ, методик по формированию культуры отцовства, по подготовке будущих отцов. Автор статьи раскрывает сущность формирования культуры отцовства у старшеклассников учреждений общего среднего образования, основанную на принципах субъективности, мыслекоммуникации, самообразования, культуросообразности и рефлексии.

Ключевые слова: отцовство, культура отцовства, методика формирования культуры отцовства, учащиеся, подготовка к отцовству.

The article points to the crisis state of fatherhood in modern society, which is characterized by two trends. On the one hand, the fathers themselves are not quite ready to perform educational functions as a parent, and, on the other hand, the practical lack of activity of educational institutions to stimulate fathers to educational activities in the family. The transformation of modern fatherhood obviously points to the need to create programs, methods for the formation of a culture of fatherhood, to prepare students as future fathers. The author of the article reveals the essence of the formation of a culture of paternity among high school students (students of grades 8–11) of general secondary education institutions, based on the principles of subjectivity, thought communication, self-education, cultural conformity and reflection.

Keywords: fatherhood, fatherhood culture, methods of formation of fatherhood culture, students, preparation for fatherhood.

Введение. В современном обществе состояние института семьи в целом, и института отцовства, в частности, расценивается как кризисное. На это указывали А. Адлер [1], Ю.В. Борисенко [2], Т.А. Гурко [3], Е.И. Зритнева [4], С.А. Сергейко [5] и др. Кризисное состояние отцовства отражается в таких аспектах, как незаинтересованность мужчин в рождении детей (babyfree семьи), отстраненность отцов от воспитания детей, неучастие в развитии и формировании личности ребенка. Основная функция, которую отцы должны выполнять в семье, по мнению самих отцов, – это финансовая поддержка семьи. Современное отцовство характеризуется двумя тенденциями. С одной стороны, сами отцы не готовы выполнять воспитательные функции, не готовы применять родительские роли к себе. С другой стороны, практически не существует программ, методик, тренингов, занятий и т. п. по привлечению отцов к воспитанию детей, поднятию престижа отцовства, формированию ответственного, вовлеченного, продуктивного отцовства, по формированию общей культуры отцовства.

Трансформация семьи, родительства, семейных ценностей и норм, в целом, и отцовства, в частности, наиболее интенсивно происходит в начале XXI в. Поэтому необходимы программы и методики по формированию культуры отцовства. В современных условиях учреждения общего среднего образования, дополнительного образования, учреждения образования, осуществляющие переподготовку кадров (педагогического профиля), должны быть нацелены на воспитание будущего отца, формирование культуры отцовства. Например, Е.И. Зритнева, определяет «добрачное воспитание» как неотъемлемую составную часть общей системы воспитания подрастающего поколения. Она пишет, что воспитание «будущего семьянина» является сложным социально-педагогическим процессом помощи ребенку, который протекает под целенаправленным регулированием освоения личностью роли семьянина. Воспитание «будущего семьянина», по мнению исследователя, включает в себя формирование ценностного образа семьи, установки на вступление в брак, формирование и развитие

качеств личности, ее знаний, умений и навыков, ценных для брачно-семейной жизни. Главный критерий воспитания – готовность личности к семейной жизни [4, с. 50]. В свою очередь, О.В. Белоус, Л.В. Саркисян в своих исследованиях подчеркивают необходимость подготовки старшеклассников к семейной жизни [6, с. 73–74].

Они пишут, что, закладывая основы воспитуемости будущих поколений, необходимо воспитывать матерей и отцов [7, с. 10]. Сегодня, как никогда, актуальна мысль, высказанная около пятидесяти лет назад, о том, что «пришло время создавать идеальную семью, идеальные взаимоотношения между матерью и отцом, между детьми и родителями» [8]. Профессор В.В. Чечет отмечает, что необходимо воспитывать мальчиков как будущих отцов с детских лет, когда педагоги должны создавать условия, которые способствуют осуществлению мальчиками семейного и жизненного опыта через полученные знания и физический труд [9].

Основная часть. В сложившихся обстоятельствах развития современного общества отцовству отводится второстепенная роль. Поэтому созрела острая объективная необходимость целенаправленного, комплексного, системного подхода к формированию культуры отцовства на всех уровнях и для всех социальных институтов в силу огромной значимости проблемы формирования культуры отцовства как важнейшего фактора развития личности учащихся, стабилизации семейных отношений, развития общества в целом. В учреждениях общего среднего образования, а также в учреждениях дополнительного образования вместе с решением других задач важно осуществлять задачу социально-психологического обеспечения готовности учащихся 8–11 классов к семейной жизни и отцовству.

Учитывая социальный заказ по подготовке учащихся 8–11 классов к отцовству и с целью формирования культуры отцовства, определения эффективных стратегий развития культуры отцовства, психолого-педагогического просвещения учащихся 8–11 классов учреждений общего среднего образования по вопросам культуры отцовства нами в 2021 – 2022 учебных годах была составлена и внедрена в образовательный процесс комплексная программа работы с учащимися 8 –11 классов учреждения общего среднего образования «Школа будущих отцов». Нами успешно решались следующие задачи:

- широкая пропаганда отцовства как важнейшего социального и культурного института, повышение его престижа в обществе;
- привлечение учащихся 8–11 классов к активному воспитанию будущих детей;
- коррекция имеющейся культуры отцовства и формирование культуры отцовства на развитом уровне;
- психолого-педагогическое просвещение учащихся 8–11 классов по вопросам культуры отцовства в современном обществе;
- координация работы учреждений образования по интеграции сил педагогов и учащихся, направленных на воспитание и развитие будущих детей;
- поднятие и поддержка отцовского авторитета.

В основу реализации «Школы будущих отцов» нами были положены принципы субъективности, мыслекоммуникации, самообразования, культуросообразности, рефлексии.

1. Принцип субъективности. Основным условием развития участвующего в деятельности индивида является его субъективная позиция. В рамках данного принципа исключается эффект манипулирования обучающимися. Педагог лишь создает условия для того, чтобы обучающийся сам заметил недостаток, сам ощутил потребность в изменении и искал средства и пути прихода к новому состоянию.

2. Принцип мыслекоммуникации. В процессе обучения информация не только передается, но и формируется, уточняется, развивается, осуществляются совместные попытки производства смысла и значения, происходит поиск общих позиций, вырабатывается качественно новая информация, не равная простой сумме информации участников.

3. Принцип самообразования. Результатом образования выступает человек, сам себя формирующий. И в этом смысле образование – это всегда самообразование, т. е. в каждом конкретном случае для индивида возможность раскрытия его сущностных сил. Эта возможность реализуется человеком прежде всего в поисках смысла своего существования.

4. Принцип культуросообразности. Еще А. Дистерверг [10] выделял различные «ступени» и «состояния» культуры. Для того чтобы добиться положительных результатов, необходимо действовать адекватно требованиям соответствующей «ступени и времени», т. е. действовать культуросообразно. Если осуществляемая деятельность не отвечает требованиям современности, не учитывает реальные условия, достижения результатов ставятся под сомнение. Конкретно-исторический тип организации культуры зависит от ведущих типов деятельности и от способов передачи их культурных образцов. В программе обучающий процесс строился в соответствии с определенным типом культуры.

5. Принцип рефлексии. Рефлексия помогает увидеть ситуацию не из внешней, а из внутренней, «включенной» точки зрения участника ситуации.

Структура занятий «Школы будущих отцов» состоит из социально-психологической, социально-культурной, воспитательной, досуговой и информационно-просветительской составляющей.

Социально-психологическая составляющая включает: мероприятия, направленные на создание эмоционального настроя, мотивирующего деятельность старшеклассников, включение чувств, подсознания, формирование личностного отношения к предмету обсуждения. А это психологические беседы, деловые и ролевые игры, групповые тренинги по активизации и коррекции культуры отцовства у учащихся; семинары-практикумы по созданию благоприятного психологического климата в семье; семейные консультации со специалистом по решению проблем в диаде отец – ребенок, а также в триаде отец – мать – ребенок. Кульминацией данной составляющей является осознание, новое видение предмета обсуждения, внутреннее сознание неполноты или несоответствия своего старого знания новому, побуждающие к углублению проблемы, к поиску ответов, сверке нового знания с научным. И, как следствие, появляется запрос.

Социально-культурная, воспитательная и досуговая составляющая предполагают такие виды деятельности, которые направлены на соотнесение своей деятельности с деятельностью остальных: работа в паре, малой группе, представление всем промежуточного, а потом и окончательного результата своего труда. Задача – не столько оценить работу другого человека, сколько дать самооценку и провести самокоррекцию; создание своего мира, текста, гипотезы, проекта, решения.

Информационно-просветительская составляющая состоит из организации и проведения мероприятий, целью которых было просвещение учащихся в вопросах семейного воспитания, формирование знаний, умений и навыков у учащихся посредством круглых столов и встреч просветительского характера.

Программа «Школы будущих отцов» состоит из логически связанных между собой занятий. Тематика занятий разрабатывалась с учетом того, чтобы охватить все проблемы, касающиеся феномена культуры отцовства. Содержание занятий «Школы будущих отцов» включает передачу информационного материала по вопросам воспитания детей, обсуждение конкретных идей, проблемных ситуаций, работу в группах, групповые дискуссии, обмен мнениями и опытом воспитательной деятельности и ее анализ. В процессе проведения занятий «Школы будущих отцов» мы максимально использовали современные образовательные технологии. Теоретический материал дополнялся различными деловыми, ролевыми и сюжетными играми и другими интерактивными технологиями.

Тематика «Школы будущих отцов» включает следующие темы занятий: вовлеченность учащихся в образовательный процесс; культура отцовства; два мира; воспитательные отношения в семье; отец-воспитатель; роль отца в воспитании ребенка; уровни культуры отцовства; теоретико-методологические основания семейного воспитания; типология отцовства; «Стать отцом совсем легко, быть отцом, напротив, – трудно»; роль отца в воспитании ребенка; правовые основания семейного воспитания; роль отца в формировании личности ребенка; дороги, которым мы выбираем; сын и отец: атрибутика мужского воспитания; модели взаимоотношений отца с ребенком; отцы и дети: с чего начинается доверие; сыновья благодарности (совместно с отцами учащихся); семья: права и обязанности; роль отца в воспитании ребенка; отец – воспитатель; мы и наши отцы (совместно с отцами учащихся); о них снимали кинофильмы...; гигиенический уход за ребенком; тренинги по гигиеническому уходу за ребенком. Завершается обучение в «Школе будущих отцов» итоговой конференцией.

На занятиях «Школы будущих отцов» для активного включения учащихся в образовательный процесс по формированию культуры отцовства используются такие современные образовательные технологии, как свободный обмен мнениями, Я-сообщение, выходная карта, рефлексивная беседа, кластер, ключевое слово, газета-анкета, алфавит, волшебный сундучок и др. Каждый участник получает краткий конспект или мнемосхему доклада, что избавляет от необходимости делать записи и увеличивает эффективность подачи материала. Кроме того, нами все время использовался принцип обратной связи. Заключительная часть каждого занятия представляла собой рефлексию (отражение, самоанализ, обобщение чувств, ощущений, возникших на занятиях) и свободный обмен мнениями. А это богатейший материал для педагога, для усовершенствования им дальнейшей работы в «Школе будущих отцов». Это дает возможность улучшать разработанную методику, отвечающую запросам современных учащихся.

Заключение. Таким образом, разработанная методика формирования культуры отцовства у учащихся 8-11 классов учреждений общего среднего образования Республики Беларусь ставит своей целью формирование культуры отцовства, определение эффективных стратегий развития культуры отцовства, психолого-педагогическое просвещение учащихся 8–11 классов учреждений общего среднего образования по вопросам культуры отцовства. Работа разработанной нами методики по формированию культуры отцовства у учащихся основана на принципах субъективности, мыслекоммуникации, самообразования, культуросообразности и рефлексии. Структура занятий «Школы будущих отцов» состоит из социально-психологической, социально-культурной, воспитательной, досуговой и информационно-просветительской составляющей. Занятия состоят из логически связанных между собой занятий и охватывают все аспекты компетенций будущих отцов.

Разработанная методика формирования культуры отцовства у учащихся 8–11 классов учреждений общего среднего образования Республики Беларусь может быть применена в учреждениях общего среднего образования, а также в учреждениях дополнительного образования, в институтах развития образования, в учреждениях образования, осуществляющих переподготовку педагогических кадров.

Литература

1. Адлер, А. Очерки по индивидуальной психологии / А. Адлер. – М. : Когито-Центр, 2006. – 290 с.
2. Борисенко, Ю. В. Психология отцовства / Ю. В. Борисенко. – М.–Обнинск : «ИГ-СОЦИН», 2007. – 220 с.
3. Гурко, Т. А. Трансформация института родительства в постсоветской России : дисс. ... д-ра социол. наук : 22.00.04 / Т. А. Гурко. – М., 2008. – 342 л.
4. Зритнева, Е. И. Воспитание будущего семьянина в современной России : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Е. И. Зритнева. – Ставрополь, 2006. – 370 л.
5. Сергейко, С. А. Характерные особенности современного отца / С. А. Сергейко // Традиции и инновации в социальной работе : сб. материалов респуб. научн.-практ. конф., Брест, 15 марта 2014 г. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; под общ. ред. А. С. Сендер. – Брест : БрГУ, 2014. – С. 125–131.
6. Белоус, О. В. Проблема содержания семейных отношений и отношения молодежи к феномену семьи / О. В. Белоус, Л. В. Саркисян // Психологические проблемы современной семьи : в 2 ч. : матер. третьей Междунар. науч. конф., Москва, 16–18 октября 2007 г. – М., 2007. – Ч. 1. – 536 с.
7. Сухомлинский, В. А. Как воспитать настоящего человека / В. А. Сухомлинский. – М. : Педагогика, 1989. – 292 с.
8. Сухомлинский, В. А. Гармония трех начал / В. А. Сухомлинский // Журналист. – 1970. – № 1. – С. 11–15.
9. Чечет, В. В. Ответственное отцовство : воспитываем с детства. Опыт работы школ по семейному воспитанию [Электронный ресурс] / В. В. Чечет // Выхаванне і дадатковая адукацыя. – 2018. – № 10. – Режим доступа : <https://elib.bspu.by/handle/doc/38058>. – Дата доступа : 28.02.2022.
10. Дистерверг Адольф [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Дистерверг,_Адольф. – Дата доступа : 26.05.2022.

Нравственное мышление будущих менеджеров: сущность и пути формирования

О.М. Володько

В статье рассматривается сущность нравственного мышления, его значимость для социального и профессионального становления будущего руководителя. Исследованы функции нравственного мышления, раскрыты его элементы: знания, мировоззрение, направленность, убеждения. Показаны пути и этапы формирования нравственного мышления у студентов специальности «менеджмент». Представлены рекомендации по формированию нравственного мышления студентов: корректировка содержания учебных дисциплин, связь общественной и культмассовой работы с вопросами нравственного воспитания.

Ключевые слова: нравственное мышление, мировоззрение, направленность, убеждения, моральные нормы, принципы, этапы формирования.

The article discusses the essence of moral thinking, its significance for the social and professional development of the future leader. The functions of moral thinking are investigated, its elements are revealed: knowledge, worldview, orientation, beliefs. The ways and stages of the formation of moral thinking among students of the «Management» specialty are shown. The recommendations for the formation of students' moral thinking are presented: adjustment of the content of academic disciplines, connection of public and cultural work with issues of moral education.

Keywords: moral thinking, worldview, orientation, beliefs, moral standards, principles, stages of formation.

Введение. В современном обществе накопилось много проблем нравственного содержания, решение которых становится настоящей социальной проблемой. Явление нравственности затрагивает как общество в целом, так и каждую отдельно взятую личность. Можно сказать, что нравственность отражает специфическую форму общественного сознания, создает особый вид общественных отношений. Нравственность проявляется в совокупности принципов мышления и норм поведения людей в личных и общественных отношениях.

Явление нравственности имеет важное значение для всех людей и профессий, но особенно оно актуально для будущих менеджеров, как руководителей трудовых коллективов. Обществу необходимы менеджеры с новым мышлением, основанным на высоких нравственных качествах, способные справиться с вызовами времени. А задачей высшей школы является подготовка таких будущих руководителей, что и определяет роль формирования нравственного мышления в содержании образования студентов специальности «менеджмент».

Основная часть. Нравственность есть «совокупность норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе на основе общественного мнения, стимулирующих или тормозящих их поведение и деятельность [1, с. 495]. Нравственность представляет собой ценностную структуру сознания, которая выступает способом регулирования действий людей в обществе, жизненной и природной среде. При этом происходит «обогащение жизни человека элементами нравственности и чувством прекрасного» [2, с. 114]. Нравственность тесно связана с моралью: нравственность проявляется как внутренняя установка личности согласно ее идеалам и жизненным ценностям; мораль выступает совокупностью требований к поступкам индивида, основанным на духовных законах и жизненных традициях социума. «Мораль – общественный институт, выполняющий функцию регулирования поведения человека» [1, с. 439]. Иными словами, нравственность является личностной характеристикой человека, а мораль выступает социальным регулятором содержания его поведения и нрава.

Сущность и содержание нравственного мышления. Мышление человека предшествует и определяет его деятельность. Мышление есть психический процесс, с помощью которого человек, «отображает существенные признаки и связи предметов и явлений окружающей действительности» [1, с. 456]. Американский психолог Д. Майерс пишет: «Мыслить – значит формировать концепции, которые организуют наш мир, решать проблемы и принимать эффективные решения» [3, с. 456].

Мышление человека всегда индивидуально, оно зависит от природных данных, приобретенных качеств, жизненного опыта, сложившихся обстоятельств. «В зависимости от характера и направленности деятельности человека, решаемых им задач, используемых при этом методов и приемов, значительно отличается характер его мышления» [4, с. 17]. Мышление людей разных профессий протекает по-разному, даже в похожих обстоятельствах. Характер мышления непосредственно зависит от нравственного сознания будущих специалистов [5].

Нравственное мышление – умственная деятельность человека, базирующаяся на моральных нормах и принципах, вне зависимости от внешних обстоятельств. Нравственное мышление оперирует моральными категориями, определяет способы принятия решений и направляет деятельность человека соответствующим образом. Нравственное мышление может быть реализовано как процесс решения этической задачи, в которой имеются определенные противоречия и сложности. Задача должна быть решена на основе нравственно-мотивационной сферы личности.

Функции нравственного мышления состоят в следующем:

- усвоение знаний – познавательная деятельность и внутреннее опосредование информации о морали и нравственности;
- анализ сведений – оценка важности и роли новой информации о морали и нравственности, присоединение ее к ранее приобретенным знаниям;
- восприятие событий – анализ происходящих явлений с позиции нравственности, выводы для собственных поступков;
- позиционирование – определение своего отношения к событиям и действиям окружающих с точки зрения морали и нравственности;
- принятие решений – выработка и реализация управленческих решений в условиях нравственного выбора;
- выводы – внутренняя оценка и необходимая коррекция позиции и деятельности с точки зрения морали и нравственности.

Для будущих менеджеров нравственное мышление означает принятие приоритета моральных ценностей в жизни и профессиональной деятельности, усвоение внутренних духовных качеств, а также следование этическим нормам и правилам в своем поведении. Можно сказать, что нравственное мышление менеджера определяет «его убеждения и моральные ценности, внутренний мир, направляющий его жизнь, мышление и поведение в соответствии с моральными нормами, собственной совестью и свободной волей» [6, с. 53].

В рамках нравственного мышления менеджер должен осознавать наличие обратной связи поступков, понимать то, что все устремления и действия человека возвращаются к нему своеобразным бумерангом. Менеджеру постоянно приходится делать выбор в своем внутреннем мире и мыслях, намерениях и оценках, затем все это проявляется во внешнем мире через его поведение и действия, тем самым осуществляется взаимодействие внутреннего с внешним. Если профессиональная деятельность руководителя происходит в рамках определенных моральных принципов и норм, это определяется как «нравственный менеджмент».

Формирование как процесс заключается в придании явлению определенной формы, рамки которой позволяют анализировать, выявлять методы, обобщать результаты. Формирование мышления можно представить как вид его развития, изменение функциональной структуры под воздействием внешних факторов. Формирование мышления человека как процесс зависит от семейного уклада, усилий образовательной системы, общественных институтов, средств массовой информации, общего социального устройства общества.

Формирование нравственного мышления – внедрение и опосредование в сознании студентов моральных норм, принципов и идеалов, которые будут определять направленность их умственной деятельности, задавать и регулировать управленческое поведение. Такое формирование может быть успешным в случае сочетания внешних педагогических воздействий и внутренних усилий личности. Таким образом, формирование нравственного мышления в процессе подготовки и становления будущих менеджеров – это приобретенный в вузе и социальном окружении и созвучно с этим сформированный комплекс внутренних моральных ценностей и жизненных установок. Целью формирования нравственного мышления будущих

менеджеров является их одновременное профессиональное и социальное становление как специалистов и интеллигентов. «Развитие специалиста представляет собой распределение объема знаний по уровням планирования с учетом карьерного роста» [7, с. 10]. Высшее профессиональное образование должно быть тесно связано с воспитанием культурного человека, готового трудиться на благо общественного развития.

В педагогической литературе формирование мышления студентов рассматривается как целенаправленный процесс. В широком разнообразии понимания этого процесса нами выделено три характерных признака: отношение, общение, развитие. Отношение связывается с позицией студента к себе (самосознание), людям и окружающей действительности. Такое формирование происходит через побуждение внутренней потребности молодого человека в интеллектуальном, эмоциональном и нравственном совершенствовании. Отношение к людям и окружающей среде являются интегрированным показателем воспитанности, в них проявляются культура личности, ее образованность и интеллигентность. Важно, чтобы заинтересованные отношения являлись не реакцией студента на внешние требования, а его внутренним миром, сутью его «Я».

Общение происходит в ходе познавательных коммуникаций студентов с преподавателями, окружающими людьми, а также между собой. Преподаватели должны задавать стиль конструктивного общения, как профессионалы, имеющие необходимые знания и значительный жизненный опыт. Процесс формирования происходит в ходе общения студента с преподавателем. Эффективность педагогического общения заключается в том, что педагог не поучает, а вместе со студентом проживает и разбирается в сложностях жизни и взаимодействий в социуме. Развитие личности студентов происходит под воздействием педагогического влияния. У молодых людей имеется относительно небольшой запас знаний о нравственности, недостаточный жизненный опыт, поэтому им весьма желательна поддержка преподавателей, которых они уважают и которым доверяют. При этом педагогическое воздействие на развитие личности следует выстраивать профессионально и квалифицированно, до студента необходимо довести все перспективы, требования и возможности.

В формировании нравственного мышления, на наш взгляд, можно выделить четыре элемента: знания; мировоззрение; направленность; убеждения. Представим эти элементы в таблице 1.

Таблица 1 – Элементы нравственного мышления личности

Элементы мышления	Основная характеристика элемента
1. Знания о морали и нравственности	Теоретическая информированность в вопросах морали и нравственности, их роли в общественных отношениях
2. Мировоззрение на основе морали и нравственности	Система взглядов на мир, общественное устройство, гуманное и эмпатичное отношение к людям
3. Нравственная направленность личности	Совокупность устойчивых нравственных мотивов в поведении личности, независимо от внешней ситуации
4. Нравственные убеждения личности	Устойчивые внутренние ценности и позиции личности, связанные с вопросами морали и нравственности

В процессе формирования нравственного мышления можно выделить несколько этапов:

- 1) освоение способности различать нравственные и безнравственные явления в своих суждениях и оценках;
- 2) приобретение умения давать аргументированные моральные оценки своим поступкам и действиям окружающих;
- 3) освоение умения анализировать и корректировать степень нравственности в мыслях и поступках;
- 4) приобретение опыта обдумывания и деятельности, в соответствии с нравственными принципами и ценностями.

Освоение каждого из четырех выделенных этапов создают четыре соответствующих уровня сформированности нравственного мышления: начальный; базовый; средний; высокий. На основании рассмотренного определения этапов и уровней нравственного мышления нами была проведена диагностика состояния его сформированности у студентов выпускного курса специальности «менеджмент» БНТУ с охватом всего потока (61 человек). Результаты диагностики представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Сформированность нравственного мышления студентов (%)

Этапы / Уровни	Начальный	Базовый	Средний	Высокий
1. Способность отличать нравственное в суждениях	5	12	31	52
2. Умения давать моральные оценки действиям	8	17	28	47
3. Умение анализировать степень нравственности	21	35	23	21
4. Сформированность нравственного мышления	18	36	27	19

Итак, нравственное мышление студентов выпускного курса находится на недостаточном уровне: высокую сформированность показали лишь 19 % респондентов, в то же время в сумме начальному и базовому уровню соответствует большинство, то есть 54 %. В качестве причин такого положения нами определены:

- в программах учебных дисциплин гуманитарного профиля материалы по морали и нравственности представлены в недостаточном объеме;
- в учебном процессе не используются практические занятия и упражнения по накоплению умений давать моральные оценки действиям и анализировать степень нравственности явлений, в том числе в учебных дисциплинах управленческого блока;
- содержание общественной и культурно-массовой работы слабо связано с вопросами нравственного воспитания;
- практически не используется внеаудиторная работа для накопления студентами опыта нравственного поведения.

Сформированность нравственного мышления следует рассматривать как высшую степень поступательного развития личности студента как будущего специалиста. Менеджер, обладающий нравственным мышлением, будет уважительно относиться к коллегам и подчиненным, стремиться к созданию положительного психологического климата в трудовом коллективе, поддержанию высокой корпоративной культуры.

Рекомендации по формированию нравственного мышления студентов:

- 1) включение в содержание учебных планов гуманитарных учебных дисциплин специальности «менеджмент» разделов о морали и нравственности;
- 2) включение в программу учебной дисциплины «Теоретические основы менеджмента» темы «Нравственный менеджмент»;
- 3) включение в программу учебной дисциплины «Психология управления» практические занятия и упражнения по накоплению умений давать моральные оценки действиям и анализировать степень нравственности явлений;
- 4) предусмотреть связь содержания общественной и культурно-массовой работы с вопросами нравственного воспитания;
- 5) использовать внеаудиторную работу со студентами для накопления ими опыта нравственного поведения.

Основная нагрузка ложится на изучение темы «Нравственный менеджмент», поэтому рассмотрим подробнее ее содержание. Основными характеристиками нравственного менеджмента являются: открытость, доверительность, социальная ответственность. Открытость означает регулярное доведение информации о состоянии дел и перспектив развития организации, доступность топ-менеджеров персоналу, использование «обратной информации». Доверительность заключается в том, что менеджеры поддерживают самостоятельность подчиненных, не допускают излишнего контроля и опеки. Социальная ответственность состоит в том, что менеджмент осознает свои обязанности перед потребителями, персоналом, партнерами, а также населением в районе расположения организации.

Нравственный менеджмент должен выполнять следующие функции:

- оценочную – показывать соответствие поведения менеджеров моральным нормам в отношениях к персоналу, потребителям, партнерам;
- регулятивную – утверждение правил поведения, основанных на моральных нормах и ценностях;
- мотивационную – формирование нравственных устремлений во внутреннем мире и поведении работников;

– воспитательную – влияние на нравственное развитие работников, на формирование их нравственных качеств.

Нравственный менеджмент в работе с персоналом использует следующие методы управления:

– убеждение – влияние на работников с целью формирования у них нравственных профессиональных и жизненных ориентаций;

– побуждение – вызов у подчиненных стремления к соблюдению моральных норм в поведении;

– подражание – создание примеров и образцов нравственного поведения менеджеров и работников.

Комплекс предложенных мер позволит существенно повысить успешность формирования нравственного мышления у будущих менеджеров.

Заключение. Нравственное мышление является умственной деятельностью человека, которая базируется на моральных нормах и принципах. Функции нравственного мышления: усвоение знаний; анализ сведений; восприятие событий; позиционирование; принятие решений; выводы. К элементам нравственного мышления личности можно отнести: знания; мировоззрение; направленность; убеждения.

Формирование нравственного мышления состоит во внедрении и опосредовании в сознании студентов-менеджеров моральных норм, принципов и идеалов, которые будут определять направленность их умственной деятельности и регулировать управленческое поведение. Формирование такого мышления включает следующие этапы: освоение способности отличать нравственные явления; приобретение умения давать моральные оценки; освоение умения анализировать и корректировать степень нравственности; приобретение опыта обдумывания и деятельности согласно нравственным ценностям.

Рекомендации по формированию нравственного мышления студентов: включение в содержание учебных планов гуманитарных учебных дисциплин разделов о морали и нравственности; включение в программу обучения темы «Нравственный менеджмент»; использование упражнений по накоплению умений давать моральные оценки действиям и анализировать степень нравственности явлений; предусмотреть связь общественной и культурной работы с вопросами нравственного воспитания; использовать внеаудиторную работу для накопления студентами опыта нравственного поведения.

Литература

1. Психолого-педагогический словарь / Сост. Е. С. Рапацевич. – Минск : Современное слово, 2006. – 928 с.
2. Володько, В. Ф. Воспитание : монография / В. Ф. Володько. – Минск : Право и экономика, 2007. – 230 с.
3. Майерс, Д. Психология / Д. Майерс ; пер с англ. – 3-е изд. – Минск : Попурри, 2008. – 848 с.
4. Володько, О. М. Новое управленческое мышление как фактор инновационного развития / О. М. Володько // Профессиональное образование. – 2022. – № 3 (85). – С. 17–24.
5. Сорокоумова, С. Н. Психологическая структура нравственного сознания у будущих специалистов социологического профиля / С. Н. Сорокоумова, В. П. Исаев // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. – 2013. – № 3. – С. 279–288.
6. Володько, О. М. Формирование нового управленческого мышления будущих менеджеров / О. М. Володько // Проблемы управления. – 2022. – № 4. – С. 50–59.
7. Борботько, В. В. Особенности формирования профессионального потенциала специалиста / В. В. Борботько, О. А. Высоцкий. – Минск : Право и экономика, 2021. – 116 с.

Analysis of competitive exercise technique for shot putters of different qualifications

M.V. ZAKHARENKO, A.G. NARSKIN, I.I. TROFIMOVICH

The article provides a comparative analysis of the shot put technique performed by athletes of different qualifications in sports competitions. Specific errors in the shot put technique using the spin technique by less qualified athletes, which can affect the results, have also been identified. The work established that higher sports performance, as well as an effective increase in the level of technique by young shot putters, can be achieved by using sports equipment of various weights during training.

Keywords: shot put, rational technique, technical training, young athletes, initial sports specialization, track and field, sport competitions.

В статье проведён сравнительный анализ техники толкания ядра, выполняемой спортсменами разной квалификации в условиях спортивных соревнований. Также определены конкретные ошибки в технике толкания ядра способом «Кругового маха» у менее квалифицированных спортсменов, которые могут влиять на эффективность показанных результатов. В ходе работы установлено, что более высоких спортивных показателей, а также эффективного повышения уровня технической подготовленности юных толкателей ядра можно добиться путём использования в процессе тренировки спортивных снарядов различного веса.

Ключевые слова: толкание ядра, рациональная техника, техническая подготовка, юные спортсмены, начальная спортивная специализация, лёгкая атлетика, спортивные соревнования.

Introduction. Long-term training of track and field athletes is a long process of training and competitive activity, covering a number of stages, including: the stage of initial training; initial sports specialization; in-depth sports specialization; sports improvement and the stage of higher sports mastery [1].

In the training process of track and field athletes (including shot putters) at the stage of initial and advanced sports specialization, a number of specialists [2]–[5] point to the need of using a training methodology that will contribute to the achievement of high sports results by young athletes at subsequent stages.

It is well known that at these stages, during the educational and training process of young athletes, the coach should devote a large amount of time to the development of all components of sports training (physical, psychological, tactical, etc.). However, it should be noted that, due to the significant influence on the competitive result of the rational technique of performing the shot put, as well as the current level of development of sports achievements and the observed high competition in this type of throwing [6], their technical skills are of particular importance in the educational and training process of young shot putters.

The analysis of scientific and methodological literature indicates the high relevance of work related to improving technical readiness in athletics throwing. According to a number of authors [7]–[8], the effective solution of problems aimed at improving the technical readiness of throwers will be facilitated by a comparative analysis of the shot put technique performed by athletes of different qualifications in sports competitions, as well as the identification of specific technical errors that affect the effectiveness of the results shown.

The purpose of our research is to conduct a comparative analysis of the shot put technique (using the rotational technique) performed by mass athletes and qualified athletes in sports competitions.

Research results and discussion. Analysis of the sports results shown by Belarusian and foreign athletes at major international forums in recent decades [9] allows us to confidently assert the predominance of the rotational technique over the glide shot put technique in the process of performing competitive attempts. In our opinion, this fact is the reason that most trainers and teachers currently use the rotational technique when training young shot putters.

In order to determine the main errors in the shot put technique using the rotational method, which affect the effectiveness of the results, we carried out a comparative analysis of the technique of this exercise performed by athletes of different qualifications in sports competitions. In total, 27 athletes took part in our study, among whom 10 have youth sports categories (from the 2nd to the 1st youth category); 8 people – adult categories (the 3rd adult category – 1 athlete, the 2nd adult category – 3 people and the 1st adult category – 4 athletes); 7 athletes who have the rank of candidate of master of sports and 2 people who have the title of master of sports of the Republic of Belarus.

The analysis of the technique was carried out using the «InShot» video editor, which is similar in parameters to desktop video editors and allows you to edit various photo and video materials [10]. In total, more than 96 video materials of competitive attempts performed by athletes at regional and republican athletics competitions in 2021–2022 were analyzed. After processing the data obtained, we selected and summarized in Figures 1–12 the most common technical errors that occur in young athletes and, in turn, are absent in qualified shot putters.

For a comparative analysis of a competitive exercise performed by athletes of different qualifications, we identified the most important elements of the shot put technique using the rotational technique, described in the scientific literature [11]–[13]. Starting from the starting position, the thrower sequentially goes through the following phases.

Double-support-initial phase – in this phase the athlete performs preparatory movements before turning – «swing». The weight of the athlete's body is slightly transferred to the right leg, which touches the surface of the circle with the entire foot, the left leg moves to the front of the foot. The movement of the arm without the core is performed freely and smoothly, with rotation of the shoulder girdle. As a result of these movements, by the end of the «swing» the thrower's body takes on a «twisted» position with good stable support (Figure 1, frame 1) [14], [15]. In addition, based on the analyzed data, it should be noted that when performing a «swing» in the two-support initial phase, some athletes can observe a position in which a very short swing is performed, practically without twisting the torso (Figure 1, frame 2).

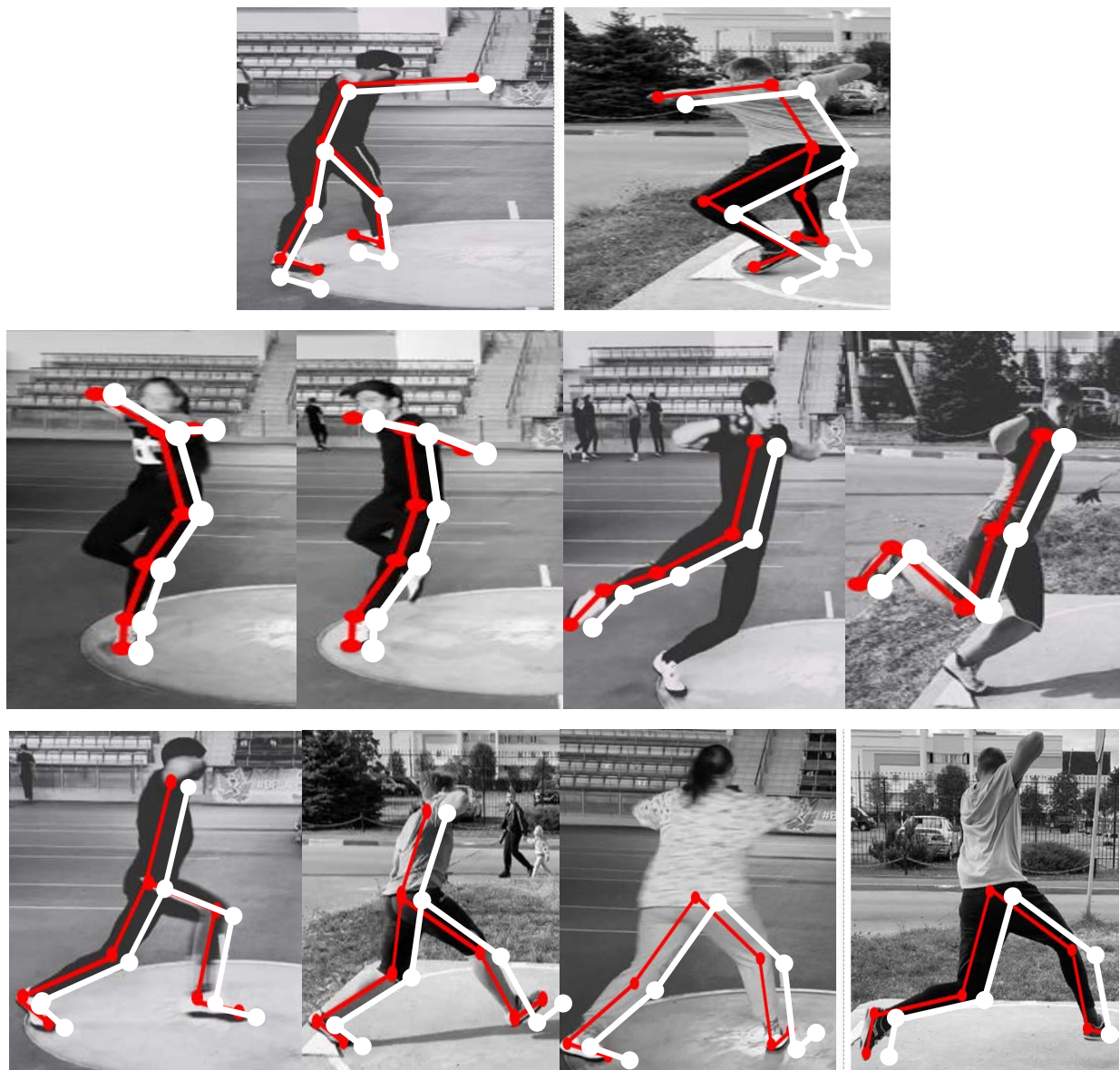

Figure 1 – Typical mistakes and rational execution of movements in the two-support initial phase, the single-support phase on the left leg, the unsupported phase

Single-support phase on the left leg – in this phase the athlete transfers the body weight to the left leg, followed by turning the foot on the toe box. When the foot moves, the left knee also rotates outward. The shoulders and the arm holding the shot lag behind, and the left arm is pulled back without crossing the transverse axis of the shoulders. After this, the athlete lifts his right leg from the surface of the circle and, with a circular swing motion (along an arc), moves his slightly bent right leg forward towards the landing area. In this phase, the following mistakes can be noted among young shot putters. Thus, due to their insufficient technical preparedness, when performing movements when the athlete begins to transfer body weight to the left leg, followed by turning the foot on the toe (Figure 1, frame 3), one can observe the abduction of the arm without a projectile beyond the transverse axis of the shoulders.

Qualified athletes do not make mistakes when performing this movement (Figure 1, frame 4). Also, when performing a circular swing movement with the right leg, the rational position is considered to be one in which the athlete maintains a vertical position of the body and moves the right leg, slightly bent, in an arc (Figure 1, frame 5) [16]. Typical errors observed in young athletes are deviation from this position, as well as lagging movement of the right strongly bent leg while the athlete performs a turn (Figure 1, frame 6).

It was noted [17] that the rational position when performing the movement, when the right leg is brought forward towards the push (Figure 1, frame 7), is a position in which the athlete continues to maintain a vertical position of the body, while the right, slightly bent leg finishes your movement through the greatest amplitude with an «attacking» movement of the knee forward. Based on our practical experience, this movement is the most difficult for young athletes to master. When performing it, they often lack a vertical position of the body during the turn, and there is also a delayed movement of the right leg (the leg remains behind the athlete) or a complete absence of an «attacking» position with the knee forward (Figure 1, frame 8).

From the time the left foot takes off from the far part of the throwing circle until the moment the right foot is placed on the surface of the circle, the **flight phase** begins. Despite the fact that this phase is the most passive, young athletes still experience errors when performing it, most often consisting of a sufficiently long duration (due to the movement of the hip of the right leg or pushing the left leg up) of the unsupported phase or its absence (moving on straight legs, Figure 1, frame 9), while qualified athletes strive to reduce the duration of the unsupported phase (Figure 1, frame 10) to a minimum.

Figure 2 shows typical technical errors when performing movements in the single-support phase on the right leg, the double-support-final phase and in the stopping phase, observed in competitive attempts by young athletes, which, in turn, were not recorded in qualified athletes.

When performing the shot put using the rotational technique, the **single-support phase on the right leg** begins with placing the right foot approximately in the center of the circle. The rational implementation of this phase is to maintain a vertical position of the body, a circular movement of the right leg is performed along a larger diameter, with the smallest fulcrum (foot on toe). Movements with the left leg should be performed with a smaller amplitude, followed by a quick and rigid placing of the leg at point-blank range, so that the turn in the lower parts of the body is ahead of the turn in the upper parts (Figure 2, frame 1). The straight position of the body, placing the right leg on the entire foot and a large amplitude of movement of the left leg when performing these movements will be errors (Figure 2, frame 2) in this phase.

After turning in a circular motion on the right toe, the athlete takes a position with his back to the toe board. In this position, young athletes (Figure 2, frame 3) have an excessive tilt of the torso forward (in the opposite direction from the toe board), which leads to the fact that in the next movement the duration of placing the left leg with the entire foot forward to the toe board of the circle will be longer, in comparison with qualified athletes (athletes try to maintain speed at the moment of rotation, being on the toe of their right foot, as well as the vertical position of the body (Figure 2, frame 4)).

Figure 2 – Typical mistakes and rational execution of movements in the single-support phase on the right leg, double-support-final phase, stopping phase

When placing the left leg on the surface of the circle, the athlete assumes **a two-support position** (two-support-final phase), in which his legs are slightly bent at the knees, the knees are spread apart, the position of the body is vertical and «closed» relative to the sector. A technically correct two-support position (Figure 2, frame 5) contributes to the preservation of the rotational movement, the accumulated energy and its further transfer to the projectile in the final strike [18]. The main mistake of young athletes in this position is the lack of a «closed» body position relative to the sector (Figure 2, frame 6). This error does not fully allow the necessary muscle groups to be used to perform a rational final strike. In addition, young athletes very often observe a deviation from the vertical position of the body, which can also affect the final result and its reduction, or even lead to a violation of the rules of the shot put competition (spade or landing of the projectile outside the sector).

Having reached a two-support position, the athlete begins to perform the final effort: extending the right leg, simultaneously rotating the pelvis, the left arm actively moves back (without falling below shoulder level), stretching the muscles of the chest and abdominals. After this, the muscles of the upper shoulder girdle are included in the work, which move the right shoulder forward, and at the same time the right arm at the elbow joint also extends, transferring the accumulated energy to move the projectile.

Young athletes' irrational movements can be observed when performing these movements (Figure 2, frame 7): the right leg is immediately straight; there is practically no rotation of the body around the vertical axis, passing through the foot of the left leg and the left shoulder, and there is also no rotation of the pelvis in combination with these rotational movements; by the time the shot is released, the line of the shoulders is not brought to the same plane as the pelvis. The left arm, with the left leg planted, should be smoothly and quickly retracted to the left, ahead of the rotation of the shoulder girdle (which is very often not observed by the young shot putters) – this action contributes to greater efficiency of the final effort [19]. The qualified athletes do not perform these errors (Figure 2, frame 8). It is also important to emphasize that placing the foot of the left leg in this phase can be done on the toe or on the entire foot. And, despite the emerging disagreements among leading experts on this issue, athletes use both options with equal success.

It should also be noted that when performing movements in the two-support-final phase, young athletes exhibit incorrect positions of the legs, pelvis, torso, arms and hands with the apparatus (Figure 2, frame 9). While the movements made by qualified pushers, with the timely activation of the muscles of the upper shoulder girdle, which move the right shoulder forward, at the same time extending the right arm at the elbow joint and thereby transferring the accumulated energy for the movement of the projectile, are considered the most rational (Figure 2, frame 10). Also, rational elements include the vertical position of the torso and the position of the hand, in which the hand is directed with the thumb down. In addition, qualified athletes continue to move their right leg and pelvis towards the release of the projectile, which is not observed in young shot putters.

After the projectile is released, the **body stopping phase** begins, in which qualified athletes stop the rotation by jumping from the left leg to the right leg, continuing the rotational movement of the body (Figure 2, frame 11). Young shot putters often neglect the rational execution of movements in this phase, which, in turn, can negatively affect the results of competitive attempts (Figure 2, frame 12).

Failure to comply with the identified rational movements in all phases of the shot put using the rotational technique can be regarded as typical errors in technique, which significantly reduce the final result of young shot putters when they perform full competitive attempts.

Conclusion. Our research allowed us to identify a number of errors in the technique of performing competitive attempts by shot putters of various qualifications, which can affect the effectiveness of competitive results by technically less prepared athletes.

There is no doubt that a lot of repetition of the competitive exercise, as well as its individual elements during training sessions in the process of many years of preparation, will contribute to a significant improvement in the technique of shot put using the rotational technique by young athletes. However, according to a number of experts [20]–[21] and our practical experience, higher sports performance, as well as an effective increase in the level of technical readiness by young shot putters, can be achieved by using sports equipment of various weights during training.

At the same time, questions regarding the use of changing the weight of the implements in the training process, which contributes to the qualitative improvement of the athlete's technical readiness parameters, still remain open, which, in turn, requires further research in this direction.

References

1. Zavyalova, T. A. Theory and methodology of the chosen sport : textbook for universities / T. A. Zavyalova [etc.] ; ed. by S. E. Shivrinskaya. – 2nd ed., rev. and additional – M., 2018. – 247 p.
2. Voronkin, V. I. Fundamentals of the training system for sports reserves in athletics throwing : abstract of thesis : dis. ... cand. ped. sciences : 13.00.04 / V. I. Voronkin. – M., 1985. – 46 p.
3. Pozyubanov, E. P. Impact method as a way to develop special speed-power qualities of throwers / E. P. Pozyubanov, I. A. Denisov, A. K. Stasyuk // Questions of theory and practice of physics, culture and sports : Rep. interdepartmental, Sat. – Minsk, 1982. – Is. 12. – P. 63–66.
4. Nikitushkin, V. G. Modern training of young athletes. Methodological manual / V. G. Nikitushkin. – M., 2009. – 112 p.
5. Matveev, L. P. General theory of sports : Textbook for the final level of higher physical education / L. P. Matveev. – M. : Lan, 2005. – 377 p.

6. Zakharenko, M. V. Age dynamics of sports results of the strongest shot putters in the world / M. V. Zakharenko, M. V. Konyakhin, V. A. Borovaya // Materials of reports of the 48th international scientific and technical conference of teachers and students, dedicated to 50 anniversary of the university : in 2 vol. / Educational institution «VSTU». – Vitebsk, 2015. – V. 2. – P. 121–123.
7. Borovaya, V. A. Patterns of formation and improvement of the system of movements of athletes (using the example of javelin throwing) : monograph / V. A. Borovaya [and al.] – Gomel, 2013. – 180 p.
8. Miller, V. I. Methodology for improving technical and special physical preparedness in the rotational shot put : dis. ... cand. ped. sciences : 13.00.04 / V. I. Miller. – Moscow, 2015. – 158 p.
9. All-time-toplists/throws/shot-put/outdoor/men/senior [Electronic resource]. – Access mode : <https://worldathletics.org> – Access date : 12.12.2022.
10. Review of the Inshot application [Electronic resource]. – Access mode : <https://instprofi.ru/poleznoe/obzor-prilozheniya-inshot.html> – Access date : 12.12.2022.
11. Panasyuk, N. B. Shot put : course of lectures / N. B. Panasyuk. – Mogilev : Moscow State University named after A.A. Kuleshov, 2021. – 65 p.
12. Miller, V. I. Comparative analysis of the technique of shot put in a rotational manner and from a jump / V. I. Miller, V. S. Rubin, E. V. Machkanova // Sat. tr. scientists of RGUFKSiT : material. scientific conf. teaching and scientific staff of the Russian State University of Physical Culture and Technology, Moscow, February 25–27, 2009. – M. : Svetoton, 2009. – P. 117–122.
13. Karpeev, A. G. Coordination structure of shot put using the «circular swing» method / A. G. Karpeev, A. A. Markov // Abstracts of reports of a scientific conference based on the results of work in 1993 / Sib. state acad. physical culture. – Omsk, 1994. – P. 73–75.
14. Sivas, E. V. Factors contributing to the mastery of movements in the shot put with preliminary acceleration of the projectile by turning : abstract of thesis. dis. ... cand. ped. sciences : 13.00.04 / E. V. Sivas – L., 1989. – 24 p.
15. Wang, V. Methods of training young athletes in the rotational shot put technique : dis. ...cand. ped. sciences : 13.00.04 / V. Wang. – M., 1997. – 185 p.
16. Vine, A. A. Biomechanical substantiation of the shot put technique with rotation / A. A. Vine, V. A. Palm // Issues of technical and psychological training of athletes : Works on physical culture. – 1987. – Is. 767. – P. 121–125.
17. Bahri, M. Development of a methodology for increasing the performance of throwers while improving technique (using the example of shot put) : dis. ... cand. ped. sciences : 13.00.04 / M. Bahri. – M., 1984. – 169 p.
18. Buyak, G. Ya. Shot put technique with a rotational run-up / A. A. Buyak, V. I. Voronkin // Improving the system of sports training and education in athletics : Sat. scientific tr. department I/a, comp. based on the results of research work for 1998. – M. : RGAFK, 1999. – P. 14–17.
19. Matveev, E. H. Teaching methodology for teaching the technique of shot put with a rotational run-up / E. H. Matveev, V. I. Miller // Theory and methodology of athletics : history, status and development prospects : collection of scientific methods. materials of the Department of Athletics ; Ed. T. A. Kraus, A. L. Oganjanova. – M. : Physical culture, 2008. – P. 48–53.
20. Kvitkov, A. T. Experimental substantiation of the methodology for using projectiles of various weights when teaching shot put techniques : abstract of thesis. dis. ... cand. ped. sciences : 13.00.04 / A. T. Kvitkov ; Kyiv. state Institute of Physical culture. – Kyiv, 1977. – 24 p.
21. Lutkovsky, V. E. Features of management of technical training of hammer throwers of various qualifications : dis. ... cand. ped. sciences : 13.00.04 / V. E. Lutkovsky. – St. Petersburg, 2011. – 249 p.

Самоэффективность как условие достижения карьерного успеха будущими специалистами

М.С. КОВАЛЕВИЧ, Н.А. ЛЕОНИК

В статье рассматривается проблема выявления факторов построения успешной профессиональной карьеры. Указывается, что важнейшим условием достижения карьерного успеха является стремление субъекта к самореализации в профессиональной деятельности, а также самоэффективность как комплекс индивидуально-психологических особенностей, характеризующих сферу восприятия собственной компетентности, эффективности и личностной влиятельности. Самоэффективность выступает как метакачество личности, включающее в себя веру в собственные силы, убежденность в собственной результативности, умение преобразовывать прошлый личностный опыт, умение справляться с вновь возникающими трудностями. В статье представлены результаты исследования уровня профессиональной самоэффективности будущего специалиста по методикам «Шкала самоэффективности» Р. Шварцера, М. Ерусалема и по «Тесту определения самоэффективности» Маддукса и Шеера.

Ключевые слова: антропоцентризм, синергетика, профессиональная карьера, самоэффективность, самоактуализация, самореализация, факторы успешности карьеры.

The article deals with the problem of identifying the factors of building a successful professional career. It is indicated that the most important condition for achieving career success is the desire of the subject for self-realization in professional activity, as well as self-efficacy as a complex of individual psychological characteristics that characterize the sphere of perception of one's own competence, efficiency and personal influence. Self-efficacy acts as a meta-quality of personality, which includes faith in one's own strength, conviction in one's own effectiveness, the ability to transform past personal experience, the ability to cope with newly emerging difficulties. The article presents the results of a study of the level of professional self-efficacy of a future specialist using the methods of «Self-efficacy Scale» by R. Schwarzer, M. Yerusalem and the «Self-efficacy Test» by Maddux and Scheer.

Keywords: anthropocentrism, synergetics, professional career, self-efficacy, self-actualization, self-realization, factors of career success.

Введение. Сегодня наша Республика нуждается в высокоэффективных специалистах, способных правильно оценить результаты своей профессиональной деятельности и собственные возможности. Пассивность в личностном развитии, смутное представление о своих перспективах, заниженная самооценка стимулирует боязнь самореализации, неуверенность в собственных силах, ослабление интереса к проектированию и развитию профессиональной карьеры.

В этом контексте актуальность разработки образовательных технологий, ориентированных на выявление и развитие составляющих самоэффективности студенческой молодежи в процессе обучения в высшей школе, обретает особую значимость.

Цель исследования: теоретически обосновать и определить факторы и условия развития самоэффективности будущего специалиста в образовательном пространстве университета.

Задачи:

- определить методологические основания для создания условий, развивающих самоэффективность личности в образовательном процессе вуза;
- осуществить диагностику уровня общей самоэффективности будущих специалистов в области образования;
- выявить особенности в оценке собственной эффективности студентами в предметной и коммуникативной деятельности.

Основная часть. *Теоретико-методологические основания исследования.* Методологическими основаниями проектирования и развития самоэффективности, как одного из направлений реализации психолого-педагогической поддержки будущего специалиста на этапе профессиональной подготовки студентов является *принцип антропоцентризма*, который «в педагогике предусматривает обращение к субъектности человека, к пониманию его жизни

как самосозидания, его развития как самоопределения и саморазвития. В педагогической антропологии стратегическая роль образования реализуется через педагогическую поддержку личности в ее самоопределении и саморазвитии» [1, с. 109].

Теоретико-методологические основания исследования проблемы самоэффективности разработаны нами на основе *синергетической теории*, в контексте которой человек понимается как открытая система, а развитие человека рассматривается как саморазвитие, т. е. как переход возможностей человека (его способностей и потенциалов) в действительность. «В связи с этим эффективность организации профессионального становления будущего специалиста зависит не столько от силы и величины педагогического воздействия, сколько от его соответствия внутренним тенденциям развития личности и своевременности применения. Решающую роль в этом процессе играет взаимопомощь, согласованность, сотрудничество, совместные усилия педагога и студента в построении и осуществлении профессиональной перспективы» [1, с. 111–112].

В контексте нашего исследования интерес представляет социально-когнитивная теория, разработанная А. Бандурой, в которой акцентируется внимание на личностных и когнитивных факторах развития личности. Согласно этой теории, способ поведения человека не является автоматическим ответом на внешние раздражители, ответы на стимулы активизируются самой личностью. В 1969 г. в контексте социально-когнитивной теории А. Бандурой была предложена концепция самоэффективности: «Ожидание эффективности представляет собой убеждение в том, что индивидуум способен успешно осуществлять поведение, необходимое для достижения ожидаемых результатов» [2, р. 191]. Самоэффективность формируется в течение жизни под воздействием различных факторов, среди которых:

Личный опыт достижений. Он обладает наибольшим влиянием на самоэффективность. Достигнутый успех в меньшей степени усиливает ощущение самоэффективности, если выполняемая задача была легкой, чем если бы она была трудной. Ощущение самоэффективности растет в большей степени, если успех достигается самостоятельно, посредством усилий через преодоление трудностей, что помогает человеку поверить в свою способность добиваться успеха и защищает от деструктивных реакций на неудачи впоследствии.

Косвенный опыт. Самоэффективность растет, когда человек наблюдает, как другие успешно справляются с решением сложных задач, и снижается, когда он видит, как другие, похожие на него (столь же компетентные) люди неоднократно терпят неудачу, несмотря на настойчивые попытки. *Вербальные убеждения* – самый простой и доступный способ формирования самоэффективности. Самоэффективность может изменяться под влиянием вербального воздействия, попыток убедить человека в том, что он обладает возможностями, необходимыми для достижения поставленной цели. Наиболее эффективные формы убеждения: внушение, увещание, обратная связь, самовнушение [3, с. 27].

Самоэффективность оказывает воздействие на различные мотивационные характеристики, такие как выбор целей, усилия, настойчивость, эмоции и совладание с трудностями [4, с. 44]. Люди, обладающие высоким уровнем самоэффективности, ставят перед собой адекватные цели умеренного уровня сложности, в то время как люди с равным уровнем способностей, но с низким уровнем самоэффективности предпочитают цели низкого уровня сложности. Постановка адекватных целей способствует укреплению самоэффективности в процессе их достижения.

Таким образом, самоэффективность и целеполагание взаимодействуют – эффективность способствует постановке адекватных целей, в процессе достижения которых повышается уровень уверенности личности в собственных возможностях. Самоэффективность обеспечивает настойчивость в достижении поставленных целей.

В экспериментальных исследованиях В. Циммерман было обнаружено, что люди с высоким уровнем самоэффективности более качественно выполняют задания и проявляют больше адекватных усилий, чем люди с низкой уверенностью в собственных способностях. Уровень самоэффективности влияет на способность справляться с различными жизненными и профессиональными трудностями [5, р. 51]. Самоэффективность существенно влияет на карьерный успех, профессиональную самореализацию, достижение высокого уровня профессионализма.

Введя данное понятие, А. Бандура акцентировал внимание на то, что даже при наличии более чем скромных способностей адекватное и целенаправленное их использование позволяет человеку достигать максимальных результатов [6, р. 729]. В то же время наличие высо-

кого потенциала возможностей автоматически не гарантирует высоких результатов, если человек по каким-то причинам не уверен в возможности реализации имеющегося потенциала в полной мере и не пытается воспользоваться природными и приобретенными возможностями.

В свою очередь, высокая самооффективность, связанная с ожиданиями успеха, обычно ведет к позитивному результату и таким образом способствует развитию самоуважения личности. Напротив, низкая самооффективность, связанная с ожиданием провала, обычно приводит к неудаче и таким образом снижает самоуважение.

С помощью понятия самооффективности можно оценить способность людей к осознанию своих возможностей и их использованию оптимальным для данной личности образом. По существу, самооффективность – это основанная на знании и прежних переживаниях убежденность человека в своей способности достигать максимального результата при оптимальных затратах. Чем самооффективность выше, тем больших и качественных результатов ожидает от себя человек при равных затратах.

Поскольку «одним из критериев хорошей теории является ее способность помогать людям находить решения их повседневных проблем» [7, с. 39], нами осуществлена диагностика и развитие самооффективности будущих специалистов в области образования. Исследование проводилось на базе Брестского госуниверситета имени А.С. Пушкина, социально-педагогического факультета. Выборка составила 153 респондента.

Результаты исследования и их интерпретация. По результатам методики «Шкала самооффективности Р. Шварцера, М. Ерусалема (адаптация В.Г. Ромека)» [8, с. 37] для определения уровня профессиональной самооффективности будущего специалиста получены следующие результаты: показатель средней самооффективности выявлен у 96 % испытуемых (27–35 баллов); показатель низкой самооффективности выявлен у 4 % испытуемых (0–27 баллов, показатель высокой самооффективности (35–40 баллов) у второкурсников не выявлен).

Далее для диагностики уровня субъективной оценки испытуемым собственного личностного потенциала в сфере предметной деятельности и в сфере общения был использован «Тест определения самооффективности» Маддукса и Шеера (перевод и модификация Л. Бояринцевой) [8, с. 38].

Анализ результатов эмпирического исследования позволил сделать вывод о том, что среднее значение по шкале «Общий уровень самооффективности» у второкурсников специальности «Дошкольное образование» – 27. По ключу опросника, это значение указывает на средний уровень самооффективности.

Среднее значение по шкале «Уровень самооффективности в предметной сфере» – 45. По ключу опросника, это также указывает на средний уровень самооффективности. Среднее значение по шкале «Уровень самооффективности в сфере межличностного общения» – 9. По ключу опросника, данное значение указывает на средний уровень самооффективности.

В процентном отношении высокий уровень самооффективности зафиксирован у 6 % респондентов, средний – у 85 % и низкий – у 9 % опрошенных.

В сфере деятельности – высокий – 6 % респондентов, остальные 94 % – средний, в сфере общения – 6 % опрошенных показали высокий и 6 % низкий уровень, остальные 88 % респондентов имеют средний уровень самооффективности.

Анализ результатов эмпирического исследования позволил сделать вывод о том, что среднее значение по шкале «Общий уровень самооффективности» у третьекурсников специальности «Дошкольное образование» – 19,5. По ключу опросника, это значение указывает на средний уровень самооффективности.

Среднее значение по шкале «Уровень самооффективности в предметной сфере» – 33,7. По ключу опросника, это также указывает на средний уровень самооффективности. Среднее значение по шкале «Уровень самооффективности в сфере межличностного общения» – 5,4. По ключу опросника, данное значение указывает на низкий уровень самооффективности.

В процентном отношении высокий уровень не обнаружен, более половины респондентов имеют средний уровень самооффективности (64,7 %), низкий уровень зафиксирован у 35,3 % респондентов. Уровень самооффективности в предметной сфере – средний у всех опрошенных респондентов. В сфере общения – почти каждый пятый имеет низкий уровень самооффективности (19 %), остальные – средний уровень самооффективности.

Полученные данные свидетельствуют о том, что большая часть студентов оценивает свою эффективность на среднем уровне, что оказывает не лучшее влияние на выбор стратегии деятельности, мотивацию и усилия, которые придётся приложить для преодоления предстоящих препятствий. Большинство респондентов не готовы к неожиданным трудностям, поскольку не верят в собственные способности и возможности.

Количество студентов, которые не верят в то, что они способны добиваться желаемых результатов, у которых не хватает внутренних мотивов для проявления необходимой активности, упорства, адаптивного реагирования на трудности, увеличилось, и уровень общей самоэффективности снизился с 27 у второкурсников до 19,5 у третьекурсников. Высокий уровень самоэффективности у третьекурсников вовсе не обнаружен, почти каждый третий имеет низкий уровень самоэффективности. Представленный анализ результатов исследования позволяет говорить о необходимости развития самоэффективности у студентов в процессе обучения в вузе, начиная с первого курса, что в дальнейшем обеспечит им успех в личностной и профессиональной самореализации.

Результаты нашего исследования позволяют распространить общетеоретический вывод А. Бандуры – «высокая самоэффективность, связанная с ожиданием успеха, обычно к этому успеху и приводит» – на сферу профессиональной карьеры. Соответственно, высокую самоэффективность в сфере деятельности можно рассматривать в качестве одного из существенных личностных факторов, обеспечивающих достижение карьерного успеха.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что студенты заинтересованы в изучении собственной самоэффективности и проблема повышения самоэффективности является для них актуальной.

Одной из форм психолого-педагогической поддержки будущих специалистов в образовательном пространстве университета является тренинговая работа, которая позволяет моделировать систему взаимоотношений и взаимосвязей, характерных для реальной жизни. Необходима разработка тренинговых программ, обеспечивающих развитие самоэффективности, в процессе реализации которых осуществляется актуализация и развитие социально-личностных ресурсов ценностно-целевой направленности. В тренингах предполагается использование следующих специальных технологий: создание побуждающего будущего; трансформация общих знаний в личный опыт; планирование способов достижения цели; актуализация ресурса, необходимого для самореализации; развитие социальной чувствительности и умение взаимодействовать в коллективной инновационной деятельности; приемы и техники самопонимания; создание идеального образа «Я» и построение оптимального поведения; приемы управления стрессом как трансформации трудных ситуаций в задачи и возможности собственного развития; управление здоровьем как личностным ресурсом.

Разработана методика тренингового сопровождения, которая включает в себя следующие техники: интерактивные упражнения; ролевые игры; деловые игры; иммитационное моделирование; групповой анализ; мозговой штурм; информационные блоки (мини-лекции); демонстрацию; групповые дискуссии; анализ проблемных ситуаций; анализ конкретных случаев (casestudy); обратную связь; обсуждение опыта участников; задания для самостоятельной работы.

Предлагаются следующие тренинговые программы: «Развитие психологического потенциала профессионального успеха»; «Жизнестойкость и творческое решение жизненных задач»; «Тренинг личностного роста»; «Самоэффективность и её роль в профессиональном становлении индивида»; «Актуализация потенциала достижений» и др. [3, с. 114–178]. В их основе – проектирование и развитие осознанной ценности, ответственности, гибкости, креативности, позитивного психологического настроения, активной мыследеятельности; прогнозирование жизненного и профессионального успеха как проектирование оптимальных жизненных стратегий и стилей деятельности, обеспечивающих гарантированное продвижение к успеху. Тренинговые программы обеспечивают участникам возможности выявления и развития социально-личностных компетенций, необходимых для успешной самоэффективности.

Заключение. В своём исследовании мы рассматриваем самоэффективность как основную детерминанту, раскрывающую внутренние ресурсы человека, увеличивающую потенциал развития в различных сферах профессиональной и личной жизни, предоставляющую множество вариантов выбора собственной траектории развития, построения результативной стратегии поведения в различных предметных и коммуникативных ситуациях.

Полученные данные свидетельствуют о том, что большая часть будущих специалистов в области образования оценивает свою эффективность на среднем уровне, что оказывает не самое оптимальное влияние на выбор стратегии собственного развития, мотивацию и усилия, которые предстоит прилагать для преодоления возникающих жизненных и профессиональных проблем. Представленный анализ результатов исследования позволяет говорить о необходимости развития самоэффективности у студентов в процессе обучения в вузе, что в дальнейшем будет использовано в качестве необходимого условия для личностной и профессиональной самореализации.

Самоэффективность личности формируется в течение жизни под воздействием различных факторов, среди которых:

Личный опыт достижений, который помогает человеку поверить в свою способность добиваться успеха и защищает от деструктивных реакций на неудачи в будущем. *Косвенный опыт*: самоэффективность возрастает, если человек наблюдает, как другие успешно справляются с решением сложных задач, и снижается, когда он видит, как другие люди постоянно терпят неудачу, несмотря на настойчивые усилия решить поставленные задачи. *Вербальные убеждения* (внушение, убеждение, обратная связь, самовнушение) могут положительно влиять на самоэффективность, убедить человека в том, что у него достаточно сил и способностей для достижения поставленной цели, решения возникающих проблем.

Проведённый анализ результатов исследования указывает на необходимость психолого-педагогической поддержки развития самоэффективности будущих специалистов в области образования в образовательном пространстве университета. Наиболее перспективными в этом контексте являются тренинговые технологии и современные коуч-технологии, позволяющие проектировать цели, осознавать и актуализировать необходимые ресурсы и возможности для их достижения.

Научная новизна исследования заключается в выявлении факторов и условий построения успешной профессиональной карьеры. Важнейшим условием достижения карьерного успеха является стремление субъекта к самоопределению и самореализации в профессиональной деятельности, а также самоэффективность как комплекс индивидуально-психологических особенностей, характеризующих сферу восприятия собственной компетентности, эффективности и личностной успешности.

Значение проведенного исследования на практике состоит в возможности использования методики исследования уровня профессиональной самоэффективности будущего специалиста, а также тренинговых технологий психолого-педагогической поддержки развития самоэффективности будущих специалистов в области образования, позволяющих личности проектировать цели, осознавать и актуализировать необходимые ресурсы и возможности для их достижения.

Литература

1. Ковалевич, М. С. Личностно-профессиональное развитие будущего специалиста в области образования : методология исследования / М. С. Ковалевич // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2021. – № 1. – С. 109–119.
2. Bandura, A. Self-efficacy : Toward a unifying theory of behavioral change / A. Bandura // Psychological Review. – 1977. – Vol. 84, № 2. – P. 191–215.
3. Бандура, А. Теория социального научения / А. Бандура. – СПб. : Евразия, 2000. – 218 с.
4. Кучинская, Д. В. Самоэффективность личности и ее развитие / Д. В. Кучинская // Научный лидер. – 2021. – № 12 (14). – С. 44–46.
5. Zimmerman, B. J. Student differences in self-regulated learning / B. J. Zimmerman, M. Martinez-Pons // Journal of Educational Psychology. – 1990. – V. 82. – P. 51–59.
6. Bandura, A. Regulation of cognitive processes through perceived self-efficacy / A. Bandura // DP. – 1989. – № 25. – P. 729–735.
7. Хьелл Ларри, А. Теории личности : основные положения, исследования и применение : учеб. пособ. для студ. вузов, обуч. по напр. и спец. психологии / А. Хьелл Ларри, Дж. Дэниэл. – 3-е изд. – СПб. : ПИТЕР, 2020. – 608 с.
8. Психологические практики диагностики и развития самоэффективности студенческой молодежи : учеб. пособие / О. М. Краснорядцева [и др.]. – Томск : Изд. дом ТГУ, 2014. – 274 с.

Обоснование эффективности технологии управления спортивной тренировкой высококвалифицированных пловцов на основании данных этапного контроля

С.В. МЕЛЬНИКОВ

В статье приведено теоретико-экспериментальное обоснование технологии управления спортивной тренировкой высококвалифицированных пловцов, определяющей логическую последовательность использования различных компонентов системы спортивной подготовки. Разработанная технология обеспечивает оптимальную организацию тренировочного процесса и реализацию плана подготовки путем коррекции объема и интенсивности тренировочных нагрузок с учетом индивидуальных особенностей функциональной подготовленности спортсменов.

Ключевые слова: зоны интенсивности, нормативные уровни, пловцы, технология, управление, эргоспирометрия, этапный контроль, функциональная подготовленность.

The article provides theoretical and experimental substantiation of the technology of sports training management for highly qualified swimmers, which determines the logical sequence of using various components of the sports training system. The developed technology ensures the optimal organization of the training process and the implementation of the training plan by correcting the volume and intensity of training loads, taking into account the individual characteristics of the functional fitness of athletes.

Keywords: zones of intensity, regulatory levels, swimmers, technology, management, ergospirometry, staged control, functional readiness.

Введение. Для достижения высоких спортивных результатов в плавании необходимо учитывать множество факторов, среди которых наибольшее значение имеет уровень общей и специальной работоспособности, являющийся основой для успешности выступления спортсменов. Кроме того, для улучшения качества спортивной подготовки важное значение приобретает обеспечение эффективного научно-методического сопровождения, при помощи которого возможно своевременно и обоснованно регулировать процесс спортивной тренировки с учетом индивидуальных характеристик спортсменов [1, с. 125], [2, с. 4]. В первую очередь это связано с тем, что решение задачи повышения эффективности системы подготовки спортсмена требует систематического учета и оценки уровня подготовленности, исследования протекания процессов адаптации, а также выбора необходимых тренировочных средств с целью оптимизации тренировочного процесса, что соответствует сути педагогического принципа индивидуализации. Однако недостаточное физиологическое обоснование планирования и отсутствие регулярного контроля за ответной реакцией организма на предъявляемые нагрузки часто приводит к уменьшению эффективности тренировочных воздействий, а в некоторых случаях к дезадаптации организма спортсмена.

Согласно мнению некоторых экспертов в области управления спортивной тренировкой [3, с. 5], [4, с. 37], оно должно основываться на нескольких важнейших взаимодействующих компонентах, в число которых входят сбор и анализ данных о физическом и функциональном состоянии спортсмена, их сопоставление с эталонными критериями, а также обоснованное планирование тренировочного процесса, предполагающее выбор рациональных средств и методов спортивной подготовки, а также определение оптимальной величины и интенсивности используемых нагрузок.

Можно отметить, что в теории спорта вопросы контроля физической и функциональной подготовленности спортсменов достаточно развиты, однако, на практике возникает проблема регулярного применения средств и методов этапного контроля в годичном цикле подготовки, который в спортивном плавании состоит из нескольких циклов, включающих свои периоды и этапы. При этом тренер не всегда имеет возможность получать актуальную информацию с последующей интерпретацией полученных данных для повышения уровня управленческих решений путем рационального планирования тренировочных нагрузок на следующий этап подготовки. Противоречивость и немногочисленность исследований вопросов управления в спорте определяют целесообразность разработки технологии управления спортивной тренировкой высококвалифицированных пловцов на основании данных этапного контроля.

Цель исследования заключалась в теоретико-экспериментальном обосновании технологии управления спортивной тренировкой высококвалифицированных пловцов на основании данных этапного контроля.

Результаты исследования и их обсуждение. В соответствии с имеющимися литературными сведениями и методическими рекомендациями, а также на основании фактических данных, полученных в ходе систематического мониторинга функциональной подготовленности пловцов высокой квалификации, нами была разработана технология управления спортивной тренировкой на основании данных этапного контроля (рисунок 1).

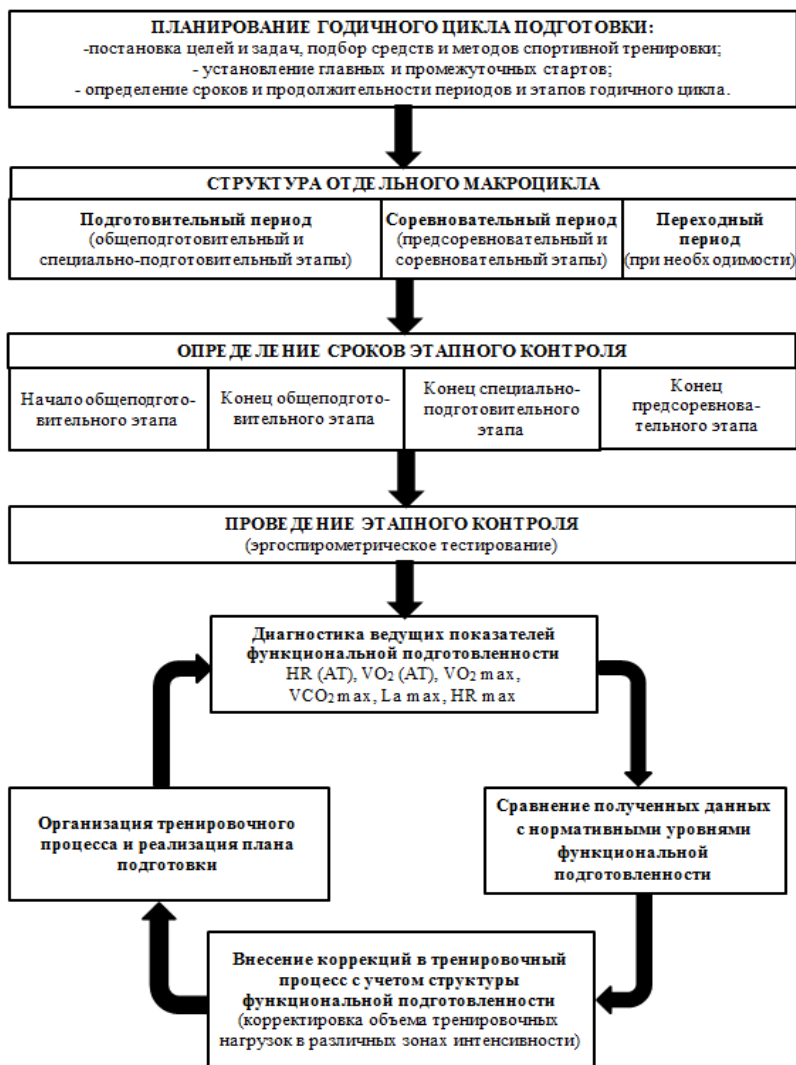

Рисунок 1 – Технология управления спортивной тренировкой высококвалифицированных пловцов на основании данных этапного контроля

Согласно определению Е.А. Подольской [5, с. 102], под технологией понимается совокупность методов, процессов и материалов, используемых для достижения желаемого результата. При этом основные требования к технологии сводятся к разделению процесса на составные части, координации и четкой последовательности действий, а также проведению всех процедур и операций в рамках утвержденной технологии.

Предложенная нами технология отражает взаимосвязь различных компонентов системы спортивной подготовки и предполагает возможность коррекции объема тренировочных воздействий в соответствии с текущим функциональным состоянием организма спортсменов.

Под планированием понимается создание системы планов, учитывающих разные временные интервалы, в пределах которых предполагается достижение основной цели и решение задач спортивной тренировки. При этом планирование подготовки спортсменов является основой управления тренировочным процессом.

На основании проведенных нами исследований было установлено, что годичный цикл подготовки спортсменов высокой квалификации, специализирующихся в плавании, состоит из 3 самостоятельных макроциклов, каждый из которых включает подготовительный и соревновательный периоды. При этом подготовительный период состоит из общеподготовительного и специально-подготовительного этапов, а соревновательный период включает предсоревновательный и соревновательный этапы подготовки. При многоцикловом построении годичной подготовки переходные периоды между I и II, а также II и III макроциклами обычно не планируются, и соревновательный период переходит в подготовительный последующего макроцикла.

Этапный контроль применяется для оценки этапного состояния спортсменов, что позволяет комплексно отслеживать степень влияния тренировочных нагрузок как серий занятий, так и отдельных этапов макроцикла. В структуре годичной подготовки высококвалифицированных пловцов применение средств этапного контроля в начале общеподготовительного этапа подготовки способствует определению текущего состояния организма пловца в период начала тренировочных занятий после переходного периода. Проведение контроля в конце общеподготовительного этапа дает возможность оценить эффективность выполненной тренировочной работы и определить вызванные ею сдвиги в функциональном и физическом состоянии спортсменов, а также позволяет, при необходимости, вносить коррективы в планирование тренировочной нагрузки на специально-подготовительном этапе. В конце специально-подготовительного этапа подготовки этапный контроль проводится для оценки достигнутого уровня функциональной и физической подготовленности и последующего планирования тренировочных нагрузок. Контроль в конце предсоревновательного этапа используется с целью оценки степени готовности спортсмена к демонстрации высоких результатов и прогнозирования будущего результата на основании особенностей функционального состояния организма пловца.

В рамках этапного контроля в циклических видах спорта, к которым относят и спортивное плавание, широко используется метод эргоспирометрического тестирования с регистрацией основных параметров, отражающих уровень функциональной подготовленности. Опираясь на мнение специалистов и проведенные ранее исследования, мы установили, что для оценки функциональной подготовленности спортсменов высокой квалификации, специализирующихся в спортивном плавании, необходимо учитывать такие показатели, как HR (AT) (ЧСС на уровне анаэробного порога), VO_2 (AT) (потребление кислорода на уровне анаэробного порога), VO_2 max (максимальное потребление кислорода), VCO_2 max (максимальное выделение углекислого газа), La max (максимальная концентрация лактата) и HR max (ЧСС максимальная). Оценка данных показателей и их сравнение с разработанными нами ранее нормативными уровнями функциональной подготовленности (УФП) спортсменов [6, с. 16] (очень низкий (ОН), низкий (Н), ниже среднего (НС), средний (С), выше среднего (ВС), высокий (В) и очень высокий (ОВ)) позволит выявить особенности функциональной подготовленности спортсменов, отражающие адаптацию организма к тренировочным нагрузкам.

Согласно разработанной нами технологии управления, на основании полученных данных с учетом выявленных особенностей текущей функциональной подготовленности спортсменов вносятся коррективы в тренировочный процесс за счет изменения объема и интенсивности используемых тренировочных нагрузок, что позволяет решать задачу повышения функциональной и физической подготовленности высококвалифицированных пловцов, обеспечивая достижение ими наивысшей готовности к главным стартам сезона.

Для проверки эффективности разработанной технологии управления были сформированы по 3 экспериментальные группы среди мужчин (ЭГм) и женщин (ЭГж), в которые вошли 19 пловцов высокой квалификации (МС, МСМК), имеющих свои особенности функциональной подготовленности, определённые на основании разработанных нами нормативных уровней (таблица 1).

Таблица 1 – Специфические особенности функциональной подготовленности высококвалифицированных пловцов в экспериментальных группах мужчин (ЭГм) и женщин (ЭГж)

Показатели	ЭГм1 (n = 4)		ЭГм2 (n = 3)		ЭГм3 (n = 3)		ЭГж1 (n = 3)		ЭГж2 (n = 3)		ЭГж3 (n = 3)	
	М±σ	УФП	М±σ	УФП	М±σ	УФП	М±σ	УФП	М±σ	УФП	М±σ	УФП
HR (AT), уд/мин	183,2 ± ± 2,16	BC	159,3 ± ± 4,04	Н	175,3 ± ± 3,51	С	201,7 ± ± 0,95	В	185,3 ± ± 0,57	НС	191,3 ± ± 1,52	С
VO_2 (AT), мл/кг/мин	58,5 ± ± 0,57	BC	43,0 ± ± 3,00	Н	47,6 ± ± 1,15	НС	191,4 ± ± 0,57	В	167,6 ± ± 1,15	НС	179,3 ± ± 3,51	С

Окончание таблицы 1

VO ₂ max, мл/кг/мин	61,5 ± ± 1,29	С	59,6 ± ± 1,15	С	61,3 ± ± 1,52	С	50,0 ± ± 1,00	BC	40,3 ± ± 1,15	Н	42,3 ± ± 1,15	НС
VCO ₂ max, мл/кг/мин	64,2 ± ± 0,95	Н	78,6 ± ± 0,57	BC	74,6 ± ± 3,51	С	51,0 ± ± 0,57	НС	53,3 ± ± 1,52	С	50,6 ± ± 1,15	НС
La max, ммоль/л	6,5 ± ± 0,54	Н	12,3 ± ± 0,37	В	9,4 ± ± 0,81	С	54,6 ± ± 1,52	Н	66,2 ± ± 0,57	BC	61,3 ± ± 1,52	С
HR max, уд/мин	196,7 ± ± 0,50	BC	177,6 ± ± 0,57	Н	194,3 ± ± 2,09	С	5,9 ± ± 0,66	Н	12,2 ± ± 0,20	В	7,9 ± ± 0,05	С

Выявленная нами в ранее проведенных исследованиях корреляционная взаимосвязь между тренировочными нагрузками в различных зонах интенсивности и основными показателями, отражающими функциональную подготовленность пловцов высокой квалификации [7, с. 45], [8, с. 28], позволила оптимизировать спортивную подготовку с учетом специфических особенностей спортсменов в каждой из трех групп и обеспечить адекватный подбор тренировочных нагрузок в различных зонах интенсивности, направленных на повышение уровня отстающих функциональных показателей и сохранение уровня ведущих (рисунки 2 и 3).

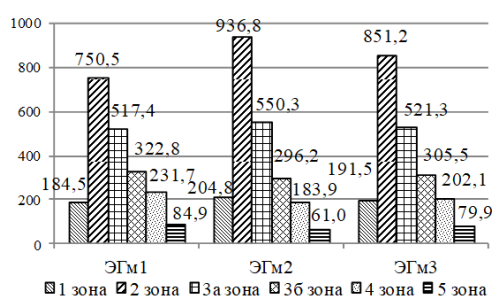

Рисунок 2 – Распределение тренировочных нагрузок по зонам интенсивности в годичном цикле подготовки (мужчины), км

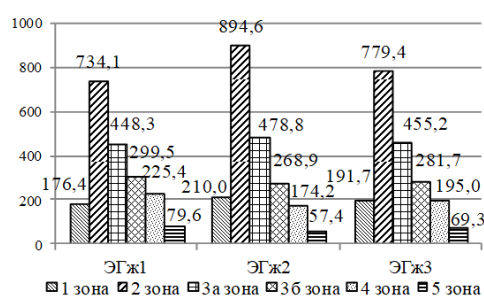

Рисунок 3 – Распределение тренировочных нагрузок по зонам интенсивности в годичном цикле подготовки (женщины), км

Так, для пловцов из групп ЭГм1 и ЭГж1 (высокий и выше среднего уровень аэробных возможностей, а также низкий и ниже среднего уровень показателей, отражающих специальную выносливость и скоростные качества) акцент в тренировочной работе делался на постепенном повышении объема специальной работы в 3б, 4 и 5 зонах при сохранении объема тренировочной работы в 3а зоне и плавном снижении объема работы в 1 и 2 зонах. В группах ЭГм2 и ЭГж2 (низкий и ниже среднего уровень аэробных возможностей, средний уровень развития показателей специальной выносливости, выше среднего и высокий уровень показателей, характеризующих скоростные качества) планирование тренировочной работы заключалось в поддержании объема выполняемой работы в 3б, 4 и 5 зонах, а также повышении объема работы во 2 и 3а зонах при снижении низкоинтенсивной работы в 1 зоне. Тренировочная работа в группах ЭГм3 и ЭГж3 (средний и ниже среднего уровень функциональной подготовленности по большинству рассматриваемых показателей) предусматривала повышение объема работы в 3б, 4 и 5 зонах, поддержание объема работы во 2 и 3а зонах, а также как и в предыдущих группах плавное снижение объема работы в 1 зоне.

В таблице 2 представлена динамика среднegrupповых величин и уровней функциональной подготовленности высококвалифицированных пловцов.

Таблица 2 – Среднegrupповые значения показателей функциональной подготовленности высококвалифицированных пловцов в ходе основного эксперимента (мужчины и женщины), М ± σ

Группа	Этап	HR (AT)		VO ₂ (AT)		VO ₂ max		VCO ₂ max		La max		HR max	
		уд/мин	УФП	мл/кг/мин	УФП	мл/кг/мин	УФП	мл/кг/мин	УФП	ммоль/л	УФП	уд/мин	УФП
ЭГм1	Исх	183,2 ± ± 2,16	BC	58,5 ± ± 0,57	BC	61,5 ± ± 1,29	С	64,2 ± ± 0,95	Н	6,5 ± ± 0,54	Н	196,7 ± ± 0,50	BC
	I МКЦ	183,7 ± ± 1,25	BC	58,7 ± ± 0,95	BC	63,7 ± ± 1,25	С	67,5 ± ± 1,29	НС	6,8 ± ± 0,53	Н	197,7 ± ± 0,95	BC
	II МКЦ	184,2 ± ± 1,25	BC	59,0 ± ± 0,81	BC	65,5 ± ± 1,29	С	73,5 ± ± 1,29	С	7,5 ± ± 0,62	НС	198,2 ± ± 0,95	BC

Окончание таблицы 2

	III МКЦ	184,7 ± ± 1,70	BC	59,1 ± ± 0,95	BC	67,2 ± ± 1,50	BC	74,3 ± ± 0,50	C	8,6 ± ± 0,49	HC	199,6 ± ± 0,57	BC
ЭГм2	Исх	159,3 ± ± 4,04	H	43,0 ± ± 3,00	H	59,6 ± ± 1,15	HC	78,6 ± ± 0,57	BC	12,3 ± ± 0,37	B	177,6 ± ± 0,57	H
	IМКЦ	162,3 ± ± 3,78	H	45,3 ± ± 1,52	H	60,6 ± ± 1,15	C	79,6 ± ± 0,57	BC	12,5 ± ± 0,25	B	182,3 ± ± 2,08	H
	II МКЦ	165,6 ± ± 2,30	HC	46,6 ± ± 1,15	H	61,6 ± ± 1,15	C	80,0 ± ± 1,00	BC	12,7 ± ± 0,23	B	187,6 ± ± 1,15	HC
	III МКЦ	166,4 ± ± 2,08	HC	48,4 ± ± 1,52	HC	62,4 ± ± 0,57	C	80,3 ± ± 0,57	BC	13,2 ± ± 0,32	B	188,0 ± ± 1,00	HC
ЭГм3	Исх	175,3 ± ± 3,51	C	47,6 ± ± 1,15	HC	61,3 ± ± 1,52	C	74,6 ± ± 3,51	C	9,4 ± ± 0,81	C	194,6 ± ± 1,52	C
	I МКЦ	175,6 ± ± 3,05	C	48,7 ± ± 1,15	HC	62,3 ± ± 1,52	C	77,3 ± ± 3,78	C	10,2 ± ± 0,55	C	196,3 ± ± 2,08	BC
	II МКЦ	176,0 ± ± 2,64	C	49,6 ± ± 0,57	HC	63,6 ± ± 0,57	C	79,6 ± ± 4,16	BC	11,0 ± ± 0,52	C	199,3 ± ± 2,51	BC
	III МКЦ	176,1 ± ± 3,21	C	50,5 ± ± 0,57	C	64,2 ± ± 0,57	C	82,5 ± ± 3,51	B	11,7 ± ± 0,55	BC	201,3 ± ± 2,08	B
ЭГж1	Исх	191,4 ± ± 0,57	B	50,0 ± ± 0,81	BC	51,0 ± ± 0,81	HC	54,6 ± ± 1,25	H	5,9 ± ± 0,54	H	201,7 ± ± 0,95	B
	IМКЦ	191,6 ± ± 0,57	B	50,7 ± ± 0,95	BC	52,5 ± ± 0,57	C	57,3 ± ± 0,50	HC	6,2 ± ± 0,68	H	202,2 ± ± 0,95	B
	II МКЦ	192,0 ± ± 0,81	B	51,0 ± ± 1,41	BC	55,3 ± ± 1,25	C	60,0 ± ± 1,41	C	6,9 ± ± 0,73	HC	202,7 ± ± 0,95	B
	III МКЦ	192,4 ± ± 0,57	B	51,4 ± ± 1,29	BC	56,1 ± ± 1,15	C	63,5 ± ± 1,29	C	7,5 ± ± 0,39	HC	202,9 ± ± 0,81	B
ЭГж2	Исх	167,6 ± ± 1,15	HC	40,3 ± ± 1,15	H	53,3 ± ± 1,52	C	66,2 ± ± 0,57	BC	11,7 ± ± 0,45	BC	185,3 ± ± 0,57	HC
	I МКЦ	170,3 ± ± 2,08	HC	41,6 ± ± 1,15	H	53,6 ± ± 1,52	C	66,6 ± ± 1,15	BC	11,9 ± ± 0,36	BC	185,9 ± ± 1,00	HC
	II МКЦ	174,3 ± ± 2,08	C	42,3 ± ± 1,52	HC	54,3 ± ± 2,30	C	67,0 ± ± 1,00	BC	12,5 ± ± 0,36	B	188,7 ± ± 1,15	HC
	III МКЦ	176,6 ± ± 2,51	C	44,8 ± ± 1,52	C	54,6 ± ± 0,57	C	67,6 ± ± 1,15	BC	12,9 ± ± 0,30	B	191,9 ± ± 1,00	C
ЭГж3	Исх	179,3 ± ± 3,51	C	42,3 ± ± 0,57	HC	50,6 ± ± 0,57	HC	61,3 ± ± 1,52	C	7,9 ± ± 0,05	C	191,3 ± ± 1,52	C
	I МКЦ	179,6 ± ± 3,05	C	44,0 ± ± 1,00	HC	52,3 ± ± 1,52	C	64,6 ± ± 2,08	C	9,0 ± ± 0,40	C	193,6 ± ± 1,15	C
	II МКЦ	180,3 ± ± 2,30	C	45,3 ± ± 1,52	C	54,3 ± ± 0,57	C	67,6 ± ± 1,52	BC	10,1 ± ± 0,25	C	197,0 ± ± 2,64	BC
	III МКЦ	180,4 ± ± 2,08	C	45,9 ± ± 1,00	C	55,2 ± ± 1,52	C	68,3 ± ± 2,51	BC	11,1 ± ± 0,15	BC	199,8 ± ± 3,05	BC

В результате выполненной тренировочной работы в годичном цикле подготовки среди спортсменов, входящих в группы ЭГм1 и ЭГж1, нами было установлено повышение показателя VO_2 max как среди мужчин, так и женщин: в первом случае повышение произошло от среднего уровня до уровня выше среднего (с $61,5 \pm 0,81$ до $67,2 \pm 1,77$ мл/кг/мин), а во втором – от уровня ниже среднего до среднего (с $51,0 \pm 1,01$ до $56,1 \pm 1,52$ мл/кг/мин). При этом, показатель VCO_2 max в обеих группах повысился с низкого до среднего уровня (с $64,2 \pm 2,21$ до $74,3 \pm 1,29$ мл/кг/мин и с $54,6 \pm 0,77$ до $63,5 \pm 1,15$ мл/кг/мин соответственно). Также был отмечен и прирост показателя La max с низкого уровня до уровня ниже среднего в обеих группах (с $6,5 \pm 0,66$ до $8,6 \pm 0,65$ ммоль/л у мужчин и с $5,9 \pm 0,45$ до $7,5 \pm 0,51$ ммоль/л у женщин). Стоит отметить, что умеренное сокращение объемов работы во 2 зоне интенсивности и сохранение объема работы в 3а зоне не оказало негативного влияния на величину показателей HR (AT) и VO_2 (AT) у пловцов с высокими аэробными возможностями. Первый показатель по окончании эксперимента остался на уровне выше среднего у мужчин и высокого уровня у женщин, а второй в обеих группах остался на уровне выше среднего.

В группах ЭГм2 и ЭГж2 мы наблюдали прирост показателей HR (AT) у мужчин с низкого уровня ($159,3 \pm 1,82$ уд/мин) и у женщин с уровня ниже среднего ($167,6 \pm 1,95$ уд/мин) до ниже среднего и среднего уровня ($166,4 \pm 1,96$ и $176,6 \pm 2,12$ уд/мин соответственно). Также был зафиксирован положительный прирост показателя VO_2 (AT) в обеих группах спортсменов, где у мужчин он повысился с низкого уровня до уровня ниже среднего (с $43,0 \pm 0,49$ до

48,4 ± 0,66 мл/кг/мин), а у женщин – с низкого уровня до среднего (с 40,3 ± 0,48 до 44,8 ± 0,59 уд/мин). Кроме того, стоит также выделить и динамику изменения показателя HR max, прирост которого у мужчин произошел с низкого уровня до уровня ниже среднего (со 177,6 ± 0,91 до 188,0 ± 1,19 уд/мин), а у женщин с уровня ниже среднего до среднего (со 185,3 ± 0,86 до 191,9 ± 1,15 уд/мин). Подобная тенденция была отмечена и при анализе динамики показателя HR (AT), что можно объяснить высокой степенью корреляции данных показателей между собой. Показатели, отражающие специальную работоспособность пловцов обеих групп, имели небольшой прирост, сохранившись в пределах первоначальных нормативных уровней. Отмеченная динамика позволяет констатировать возможность повышения аэробных возможностей пловцов, сохраняя при этом высокий уровень скоростных возможностей.

В группах ЭГм3 и ЭГж3, благодаря коррекции объема тренировочных нагрузок в различных зонах интенсивности, удалось сохранить величину показателя HR (AT) на среднем уровне (который составлял 175,3 ± 1,99 уд/мин в начале эксперимента и 176,1 ± 2,13 уд/мин в конце у мужчин; 179,3 уд/мин и 180,4 уд/мин у женщин), а также улучшить уровень показателя VO₂ (AT) с ниже среднего до среднего как у мужчин (с 47,6 ± 0,44 до 50,5 ± 0,98 мл/кг/мин), так и у женщин (с 42,3 ± 0,49 до 45,9 ± 0,55 мл/кг/мин). По окончании годичного цикла подготовки среднegrupповые значения показателя VO₂ max у мужчин несколько повысились, оставшись при этом в границах среднего уровня (с 61,3 ± 1,07 до 64,2 ± 1,39 мл/кг/мин). У женщин повышение данного показателя было отмечено в границах от уровня ниже среднего до среднего (с 50,6 ± 0,98 до 55,2 ± 1,43 мл/кг/мин). В ходе эксперимента величина показателя VCO₂ max у мужчин, находясь в начале года на среднем уровне и составляя 74,6 ± 1,49 мл/кг/мин, достигла высокого уровня и составила 82,5 ± 3,06 мл/кг/мин. У женщин величина исследуемого показателя в конце эксперимента была отмечена на уровне выше среднего и составила 68,3 ± 1,48 мл/кг/мин, в то время как в начале года находилась на среднем уровне и составляла 61,3 ± 0,99 мл/кг/мин. Также в обеих группах в ходе проведенного исследования нами было отмечено и повышение показателя La max со среднего уровня до уровня выше среднего (с 9,4 ± 0,76 до 11,7 ± 0,89 ммоль/л у мужчин и с 7,9 ± 0,65 до 11,1 ± 0,84 ммоль/л у женщин).

Заключение. Таким образом, результаты проведенного педагогического эксперимента позволяют сделать вывод об эффективности разработанной технологии управления спортивной тренировкой, являющейся эффективным средством оптимизации тренировочного процесса и повышения спортивных результатов. Ведущим звеном в реализации технологии управления является этапный мониторинг и анализ показателей, отражающих функциональную подготовленность спортсменов, что позволяет корректировать объем тренировочной нагрузки в различных зонах интенсивности в соответствии с поставленными целями подготовки и индивидуальными особенностями занимающихся.

Литература

1. Кизько, А. П. Состояние и перспективы совершенствования системы управления подготовкой спортсменов. / А. П. Кизько // Ученые записки ун-та им. П.Ф. Лесгафта. – 2016. – № 4 (134). – С. 120–126.
2. Теоретические аспекты научно-методического обеспечения подготовки спортивного резерва : практ. пособ. / К. С. Тихонова [и др.] ; под общ. ред. К. С. Тихоновой. – Минск : РНПЦ спорта, 2016. – 36 с.
3. Иванченко, Е. И. Контроль и учет в спортивной подготовке : пособие / Е. И. Иванченко. – Минск : БГУФК, 2020. – 60 с.
4. Платонов, В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте / В. Н. Платонов. – К. : Олимпийская литература, 2004. – 808 с.
5. Подольская, Е. А. Методология научных исследований : терминологический словарь / Е. А. Подольская. – Харьков : Народная украинская академия, 2016. – 124 с.
6. Мельников, С. В. Нормативные уровни функциональной подготовленности высококвалифицированных пловцов-спринтеров / С. В. Мельников, А. Г. Нарский // Мир спорта. – 2018. – № 3 (72). – С. 16–20.
7. Мельников, С. В. Взаимосвязь показателей объема и интенсивности нагрузок с функциональной подготовленностью высококвалифицированных пловцов / С. В. Мельников, А. Г. Нарский, И. М. Корниенко // Мир спорта. – 2021. – № 1 (82). – С. 45–48.
8. Мельников, С. В. Оптимизация тренировочных нагрузок высококвалифицированных пловцов в зоне смешанного аэробно-анаэробного воздействия / С. В. Мельников // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2023. – № 2 (137). – С. 28–33.

Development of music education system in China

SUN XIANG

Music education in modern China is considered as an integral system that primarily solves the problems of aesthetic education of students. The object of consideration in the article is music education carried out in institutions of basic general education. In relation to each level of basic general education, the functions of music education are revealed both in the development of modern Chinese society and in the development of the student's personality. The main tasks that are solved at each stage of music education are presented, the main ideas underlying music education and aesthetic education at each level and stage of education are characterized, and their continuity is shown.

Keywords: music education, aesthetic education, personal development, emotional intellect, spiritual culture.

Музыкальное образование в современном Китае является единой системой, занимающейся решением проблем эстетического образования воспитанников и обучающихся. Основной целью данной статьи является изучение музыкального образования, реализуемого в учреждениях общего образования. Применительно к каждому уровню образования раскрываются функции музыкального образования как в развитии современного китайского общества, так и в развитии личности учащегося. В статье обозначены основные задачи, которые решаются на каждом этапе музыкального образования, охарактеризованы основные идеи, лежащие в основе музыкального образования и эстетического воспитания, показана их преемственность.

Ключевые слова: музыкальное образование, эстетическое воспитание, личное развитие, эмоциональный интеллект, духовная культура.

In China, music education has been valued since ancient times, but it is only in recent years that the level of music education has been raised to the proper level through reforms, openness and the good leadership of national leaders. Moreover, the experience of organizing music education in China can be used by other countries. In China, music education performs a number of important functions in both the development of the society and the development of individuals. Currently, in the Chinese music education system, there is a balance between the functions of music education in the development of personality and in the development of the society, between innovations and traditions in the field of goals, content, methods and features of the organization of training and education in the music education system. The presence of such a balance can be considered as one of the most important features of the Chinese music education system.

The music education system of modern China and its individual levels are considered by researchers T.P. Koroleva, Li Yue, Huang Xianyu, Yang Bohua and others. However, in the works of the listed authors, the attention is focused on the content, features of the organization and the history of the formation of music education, while we set the task to consider the currently established system of music education in China in terms of its influence on the development of the individual and the society, with an emphasis on aesthetic education. Early education is also designed to teach children to follow the rules accepted in society and to form good habits in them. It is recognized that all children develop differently and have the right to an individual development program. The above fully applies to music education. Music education primarily involves the development of children's abilities; it is aimed not only at training professionals, but primarily at the development and improvement of each person, and therefore should be accessible to all. With the help of music in early childhood, it is possible to develop not only and not so much the musical abilities of children, but also speech, attention, memory, imagination and other mental processes [1]. All the most well-known systems of early music education proceed from this position, as well as from the fact that the earlier a child's musical education begins, the greater success he achieves. Thus, the famous Japanese teacher Suzuki experimentally proved that children at the age of five months are able to recognize melodies they had previously heard and react emotionally to classical pieces of music. Suzuki considers the early start of classes (3–

4 years old) to be the most important condition for the development of children's musical abilities. But a child must be prepared for such activities from birth, by «surrounding» him with the sounds of beautiful music, just as he is «surrounded» by the sounds of his native speech.

Music education methods developed by Suzuki, Jacques-Dalcroze and Kodai are successfully used in the early music education system of modern China [2, p. 4]. Parents often play the role of home music teachers in the early years. Therefore, the early education system in China involves pedagogical education of parents. There are recommendations for developing children's musical abilities, but in practice, parents make mistakes, the most common of which are the following. Wrong choice of music: parents offer the child the first melody they come across to listen to, regardless of its aesthetic value, developmental potential, influence on the child's psyche and other factors. Often, parents choose the music that they themselves like, but is not always valuable from the point of view of the development of the child's general and musical abilities. Parents ignore the child's emotions. For example, parents play a lullaby while the child is engaged in an active game and is in an excited state. Parents use incorrect methods of music education. For example, parents try to use words to explain to their child the content and mood of a piece of music, without allowing him to use movements to express emotions. There is lack of regularity in music education. As a rule, parents practice music with their children only when they have time or when they are in a good mood. Meanwhile, the lack of regularity in classes has a negative impact on the development of the child.

In the age period from birth to three years, we are not talking about musical education in the full sense of the word, but rather about musical education. The social functions of music education during early education consist primarily of mastering socially acceptable ways of expressing one's emotional state. The functions of music education in personality development are the development of the child's emotional sphere, processes of perception, memory, and imagination. Proper organization of musical education also contributes to the development of a child's speech. If we talk about aesthetic education, it should be noted that aesthetic education has three components: 1) the ability to perceive beauty, 2) the ability to understand beauty and evaluate art and reality from the point of view of their compliance with the criteria of beauty, and 3) the ability to transform the world around us on the basis beauty in the process of performing different types of activities. In relation to the period of early education, we are talking about the predominant development of the first component. Kindergarten. Kindergartens accept children aged three to six years.

In kindergartens, educational and developmental classes are carried out regularly throughout the year, divided into semesters, in accordance with the curriculum. In early education institutions, developmental classes are held no more than three months a year; parents can bring their children to such classes, which are held for 1–2 hours, after which they can leave [2, p. 4]. Thus, early education is a structure that is more autonomous, flexible and individually oriented, while kindergarten teachers are more focused on socializing children and teaching them to fulfill common requirements. The principle of individualization in the kindergarten is difficult to implement due to the large number of children in groups. These differences are also significant when analyzing music education in kindergartens. The existence of unified educational programs, including music classes, makes it possible to organize music education in the kindergarten systematically. Classes are aimed at developing in children the ability to perceive the melody, tempo and rhythm of music. The perception of vocal and instrumental music is facilitated by the use of varied visibility. The collective nature of the activities creates opportunities for children to follow each other's example, for example, when singing songs. The age characteristics of children are taken into account. Thus, in younger groups, children, listening to music in order to catch its tempo and rhythm, imitate the movements of animals, people performing various labor actions, etc. In middle groups, children perform songs and general movements on command. In older groups, students learn to perform simple dance movements to music. Thus, the formation of socially significant qualities in children, primarily those that allow them to interact in the process of solving common problems, as well as the expansion of their social horizons, comes to the fore. At the same time, in our opinion, the functions of music education in personal development at this stage are far from being fully realized. In particular, preschool age is well suited for developing the ability to improvise musically, for example,

when performing songs familiar to children. Improvisation promotes the manifestation of a child's individuality and expands his performing range. In this case, in terms of aesthetic education, the child's ability to perceive beauty (the development of which in the kindergarten still plays a leading role) will be complemented by the ability to evaluate the results of other children's creativity and the ability to introduce elements of novelty into the art of music. At the same time, the teacher must be competent enough to evaluate the results of children's creativity.

Compulsory general education. China currently has nine years of compulsory education, which includes six years of primary school and three years of high school. The compulsory curriculum includes 13 courses: Chinese, Mathematics, Foreign Languages, Ideology and Morality, History, Geography, Physics, Chemistry, Biology, Physical Education, Music, Fine Arts and Practice. Music is therefore a compulsory subject. The music course has a number of features that are important for understanding the conceptual foundations of its teaching [3]. Humanitarian character. This means that music is an important part of national and world culture, the context of the cultural development of different countries and peoples at different stages of their historical development; music reflects national character, national feelings, national spirit. Because of this, music is significant for every person as a carrier of national and world culture. Aesthetic orientation. The main idea of aesthetic education, i. e. «raising children with beauty», is fully consistent with the educational and cultural traditions of China, in particular, the ideas of Confucianism. Music education in the compulsory school education system involves the implementation of all three components of aesthetic education: schoolchildren learn to perceive and understand beauty in music, and with the help of music to bring beauty to the world around them. It is the aesthetic orientation of the music course that ensures the holistic development of students' personality: music classes contribute to the development of imaginative thinking and stimulate students' creativity. Practical orientation. Students gain experience interacting with art through listening to music, singing, playing musical instruments, improvising, and studying the basics of music theory. At this stage, students master basic musical knowledge and skills, learn to understand the content of musical works, and evaluate them not only from an aesthetic point of view, but also from the point of view of their role in human life and society. Analysis of official documents [4, p. 3], teaching aids and the practice of organizing music teaching made it possible to identify a number of ideas underlying the teaching of music in the system of general compulsory education.

1. The core of learning is musical aesthetics, the driving force of learning is interest in music. Musical aesthetics involves the perception of a variety of musical works, understanding their general context, identifying their aesthetic content and cultural meanings. Understanding the cultural meanings of musical works is based on knowledge – about musical genres, features of the performance of vocal and instrumental works, including traditional folk instruments, etc., which should be studied in the context of national and world culture. The basis of 218 musical aesthetics is the thousand-year-old musical and cultural traditions of China. The documents defining the educational policy of China at the present stage emphasize the role of music education in the formation of a positive worldview and sense of beauty in students, and the education of a morally healthy personality. This interpretation of the functions of music education is a continuation of the ancient Confucian tradition.

Interest is the main driving force behind the study of music and a necessary prerequisite for cultivating a love for music. The emergence of interest in music, its study and understanding is facilitated by taking into account the characteristics of the physical, mental and intellectual development of students, the vivid content of lessons and non-standard forms of their implementation, the constant increase in the level of their musical literacy and the enrichment of spiritual life.

2. An important role is played by the practical activities of students in music lessons, including music creation. During the lessons, students are involved in various types of practical activities, including joint ones: singing, playing musical instruments, listening to music followed by discussion, improvisation. The result is a deep understanding of music, improving the quality of its performance, as well as developing the ability to cooperate and interact in the process of performing creative tasks. Not less important is the development of imaginative thinking and imagination of students, their emotional sphere and creative potential. Thus, the complex solves the problems of including schoolchildren in the cultural context, forming socially significant qualities and personal development.

3. In the process of music education, on the one hand, much attention is paid to the features of musical art, on the other, to the synthesis of different arts for a deeper understanding of music. Music as a special form of art, of course, has serious specificity. To perceive music, it is necessary not only to develop students' hearing, but to specifically teach them to listen to music and pay attention to the most important points in musical works. Music is dynamic, it unfolds over time without reflecting specific events or fixed meanings. At the same time, music is closely connected with human life and society, as well as with other forms of art. These features create a wide and free space for the perception of music, for imagination and creativity, for various kinds of interpretations of musical works (both semantic and performance) and make it relevant for every person. At the same time, the teacher must pay serious attention to such characteristics of musical works as melody, tempo, rhythm, and their reproduction during a performance. Music education involves both integration between the various sections of the music course and the integration of music and other arts – poetry, dance, drama, film, television and others, as well as integration with other subject areas such as History, Native and Foreign Languages, Literature. Such a subject synthesis should emphasize the specific characteristics of musical art and build a system of connections with other types of arts and other disciplines through special musical materials. This approach allows students to learn aesthetic categories, expand cultural horizons and gain a deeper understanding of music as a cultural phenomenon.

4. In classes, serious attention is paid to national music and understanding of the cultural diversity of musical art.

5. Music lessons should be focused primarily on the personal development of students, on identifying and realizing their potential in the field of emotional perception and understanding of music in the field of musical creativity. When assessing the student's performance, a combination of quantitative (scores) and qualitative assessment, current and final assessment, self-assessment and mutual assessment is necessary. Thus, at the stage of compulsory general education, the social functions of music education consist in nurturing such socially significant qualities as patriotism, the ability to interact in the process of creative tasks, organize joint activities, understand national identity and the unifying role of art in people's lives. The functions of music education in personal development are the development of intelligence, emotional sphere, imagination, and creative abilities. The age characteristics of students make it possible to successfully solve problems associated with all three components of aesthetic education, but if in grades 1–2 the emphasis is on developing the ability to understand works of art, then in grades 7–9 the formation of the ability to aesthetically evaluate musical works comes to the fore. The important role of aesthetic education is at the stage of compulsory basic education, emphasizes Yang Bohua [5].

Music education in high school. Education at a senior secondary school lasts three years. As of 2016, there were 24,700 secondary schools in the country. Compared to the 1st the 9th grade of a general education school, education in senior secondary school has a more pronounced theoretical orientation. The upper secondary school curriculum includes Chinese, Mathematics, Foreign Languages (English, Japanese, French, German, Russian or Spanish), History, Ideology and Politics, Geography, Chemistry, Physics, Biology, as well as Physical Education, Art, Music, Technologies (including IT). Music lessons are compulsory for all high school students and play an important role in their all-round development. There is continuity of music education programs with the previous stage of education. A credit system for assessing students' educational achievements has been introduced in high schools.

The high school music curriculum includes six modules: music (theory and introduction to various musical works) – 2 credits, singing, playing musical instruments, musical creativity, music and dancing, music and dramatic art – 1 credit each. In general, students must complete 3 credits during their upper secondary school years. Each of the modules meets the different interests and needs of students, providing them with a wider choice, compared to the previous stage of education, in accordance with their abilities and individual characteristics. A flexible credit system, which allows students to choose at least two modules, helps expand students' musical and general cultural horizons, enriches their inner world, and comprehensive aesthetic development. In modern post-industrial society, people with developed creative abilities and a broad cultural outlook are in demand, which allows them to see a wide range of problems facing society, find various ways to solve

them and foresee the consequences of decisions made. Musical education and aesthetic education through music are indispensable in raising a harmoniously developed, creative personality. At the turn of the 20th and 21st centuries, the «Decision on Deepening Education Reform and Comprehensively Promoting Quality Education» promulgated by the Central Committee of the Communist Party of China officially declared art education, of which music education is a part, an important priority of educational policy, thereby raising the status of aesthetic education in school education. An important function of music education is the development of students' emotional intelligence. Music as an academic subject differs significantly from other academic disciplines in terms of goals, content, forms and methods of teaching. The interaction between the teacher and students is determined by the fact that music is primarily a way of expressing feelings and emotions.

We can conclude that in the development of modern Chinese society, music education, carried out in institutions of general basic education, performs the following functions: harmonization of relations in the society based on the inclusion of students in the general cultural context, expansion and deepening of cultural knowledge, awareness cultural unity of the nation, developing the ability to understand the feelings and emotional states of other people; education of patriots, knowledgeable, loving and respectful of the culture of their native country; training people with developed creative abilities and emotional intelligence, with a broad outlook, capable of seeing and solving a wide range of social problems; education of people with developed socially significant qualities, including the ability to interact productively in the process of solving various problems, including those of a creative nature. The functions of music education in personality development are the development of: the emotional sphere of students; feelings of beauty; attention, memory, imagination; creative thinking; ability to understand, empathize; ability for creative self-expression; general and special abilities; harmonious worldview based on aesthetic education.

References

1. Wang, L. Research on the policy of music education in China / L. Wang // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. – 2019. – V. 425. – P. 110–114.
2. Li, Y. Chinese music education in the 20th century and its state at the turn of the 20th and 21st centuries / Y. Li // *Bulletin of KemGUKI*. – 2017. – № 40. – P. 225–231.
3. Standards for music curriculum in compulsory education. – Beijing : The Ministry of Education of the People's Republic of China, 2011. – 21 p.
4. Standards of general music education (experimental program) // *Chinese music education*. – 2003. – № 3. – P. 3.
5. Yang, B. Musical education in secondary schools of modern China : dis. ... cand. ped. sci. : 13.00.02 / B. Yang. – St. Petersburg, 2009. – 161 p.

Педагогические основы применения технологий дополненной реальности в подготовке преподавателей традиционной китайской музыки

СУНЬ СЯО

Одним из перспективных направлений в профессиональной подготовке будущих педагогов является применение технологий дополненной реальности (AR). В данной работе мы отразили результаты тематического исследования, проведенного с участием тридцати будущих педагогов, обучающихся по программе подготовки учителей музыки в классическом многопрофильном университете в Китае. Участники прошли личные собеседования после практического опыта работы с приложением AR National music (Android) при обучении игре на традиционных музыкальных инструментах. Анализ показал, что участники в целом знали о потенциале этого учебного подхода, понимали его перспективность, однако сомневались в его эффективности и проявляли слабое намерение применять его в своей педагогической деятельности.

Ключевые слова: национальная музыка, образование, приложение, смартфон, технологии дополненной реальности.

One of the promising areas in the professional training of future teachers is the use of augmented reality (AR) technologies. In this article, we analyze the results of a case study, conducted with thirty pre-service teachers enrolled in a music teacher education program at a classical comprehensive university in China. The participants completed face-to-face interviews following hands-on experience with the National music AR app (Android) while learning to play traditional musical instruments. The analysis showed that the participants were generally aware of the potential of this teaching approach, understood its promise, but doubted its effectiveness and showed little intention to use it in their teaching activities.

Keywords: national music, education, application, smartphone, augmented reality technologies.

Дополненная реальность (augmented reality, AR) – это современная технология, которая позволяет связать реальный мир и виртуальную среду, обеспечивая их синхронное взаимодействие. С помощью технологии AR виртуальные объекты могут быть интегрированы в материальный мир: камера дополненной реальности с помощью AR-программ производит съёмку реальности и ищет в ней заранее определённые целевые точки – маркеры, к которым привязаны виртуальные объекты. Технология AR может комбинировать виртуальные и материальные объекты, обеспечивать их взаимодействие в реальном времени и использовать трёхмерные объекты. AR становится все более популярной технологией, которая может применяться на стационарных компьютерах, ноутбуках, портативных устройствах и в смартфонах. Приложения AR работают с трёхмерными объектами, текстами, изображениями, видео и анимацией, сочетают их и применяют одновременно, что дает возможность пользователям свободно взаимодействовать с событиями, информацией и объектами. Современные смартфоны способствуют увеличению числа пользователей приложений подобного типа. Жизнь многих людей находится буквально на ладони – в их мобильном устройстве, и эта жизнь может быть еще более разнообразна с помощью AR [1, с. 577].

AR – это среда, которая «объединяет реальные и виртуальные объекты в реальной среде, работает интерактивно в трех измерениях (т. е. в физическом пространстве) и в реальном времени. Благодаря этим свойствам продукты дополненной реальности предоставляют новые и расширенные способы видеть, слышать и чувствовать мир. Существующие исследования показывают, что в зависимости от технических особенностей приложений AR технологии AR примерно делятся на три категории: (1) AR на основе маркеров (например, QR-коды); (2) дополненная реальность на основе датчиков (например, датчиков геолокации); и (3) AR на основе моделей (например, модели оптического распознавания символов).

В настоящее время результаты современных исследований показывают, что образование на основе AR все ещё находится в зачаточном состоянии. Следует выделить такие рас-

пространённые проблемы: зависимость от аппаратного и программного обеспечения, нехватка образовательных ресурсов на основе и наличие технических проблем. Однако быстрое развитие мобильных технологий позволило AR выйти за пределы исследовательских лабораторий и стать доступной на мобильных устройствах пользователей. Благодаря растущему списку приложений AR пользователи могут пользоваться расширенными возможностями, предоставляемыми AR, не ограничиваясь специально оборудованным местом.

В последнее время, с быстрым развитием технологий дополненной реальности (AR), появился интерес к связыванию AR с изучением музыкальных инструментов [2]. Целью данного исследования было выяснение готовности будущих учителей музыки к обучению игре на музыкальных инструментах с помощью AR.

В сфере образования давно признана важность музыки для развития человека, особенно прямое положительное влияние музыкального образования на развитие когнитивных и социальных способностей детей. Поэтому музыкальное образование обычно включается в образовательные программы во всем мире.

По состоянию на 2021 г. в Китае насчитывалось около 245 000 начальных и средних школ и около 45 000 000 учащихся [3]. Благодаря быстрому социальному, экономическому и культурному развитию за последние четыре десятилетия музыкальное образование в Китае значительно улучшилось. В настоящее время требуется, чтобы учащиеся начальных и средних классов посещали 1–2 музыкальных занятия в неделю. Эти занятия должны включать обучение игре на традиционных музыкальных инструментах, традиционное пение и нотную грамотность. Однако на практике большинство занятий сосредоточено на традиционном пении. Более того, содержание и форма музыкального образования в государственных школах Китая во многом зависят от компетентности учителей музыки, поддержки родителей и экономического развития региона. Например, в богатых городских районах во многих школах есть свои собственные хоры, ансамбли или танцевальные группы, потому что эти школы могут нанять хорошо подготовленных учителей музыки, а родители могут позволить себе отправлять своих детей на частные уроки после школы, чтобы научиться играть на традиционных музыкальных инструментах. В сельской местности, напротив, высокая стоимость музыкального образования и нехватка квалифицированных учителей музыки в совокупности затрудняют проведение еженедельных уроков музыки, не говоря уже о регулярных уроках игры на музыкальных инструментах. Таким образом, преобладает стремление к музыкальному образованию, но контекстуальные ограничения вызывают значительные различия между школами, а также между городскими и сельскими районами, что делает достижение учебных целей музыкального образования сложной задачей на практике [4, с. 56].

В Китае преподаватели музыки обычно проходят подготовку в четырёх типах учебных заведений: (1) консерваториях, (2) музыкальных школах при обычных университетах и общеобразовательных университетах, (3) педагогических колледжах и (4) специализированных учебных заведениях. Как правило, учителя музыки в начальных или средних школах в основном проходят подготовку в учреждениях типа 2 или типа 3, причём учреждение типа 1 готовит профессионалов в области музыки, а учреждение типа 4 обслуживает дошкольный уровень образования [5, с. 58].

Мы провели инструментальное тематическое исследование в классическом многопрофильном университете, расположенном в центральном Китае. В качестве участников исследования были выбраны тридцать будущих преподавателей музыки музыкальной школы университета. Учебный центр считается одним из главных учебных заведений по подготовке учителей музыки в своей провинции. В среднем около 500 студентов ежегодно заканчивают четырёхлетнюю программу очного обучения и большинство из них затем становятся учителями музыки начального или среднего уровня. В нашем исследовании мы использовали приложение для изучения музыкальных инструментов AR National music.

Это приложение предоставляет способ обучения игре на традиционных музыкальных инструментах в Китае на основе дополненной реальности. Приложение использует акустический датчик, встроенный в мобильное устройство, для распознавания нот, которые играет пользователь, и обеспечивает визуализированную обратную связь в реальном времени на эк-

ране. Дополняя реальный звук технологией AR National music может обеспечивать спонтанную обратную связь, например, помогая пользователям сразу узнать, верны ли ноты и ритм их игры. Кроме того, это приложение предоставляет курсы игры на традиционных инструментах от базового до высокого и практические упражнения для различных целей обучения.

Интервью проводились в аудитории для занятий музыкой опытным исследователем. Вопросы для интервью были получены на основе соответствующих исследований. Каждый участник был опрошен дважды. В первом интервью участников спросили, в каком возрасте они начали учиться играть на традиционных музыкальных инструментах, и ответили на вопросы об их предыдущем опыте / знаниях о AR, а также об их взглядах на применение AR в музыкальном образовании. Затем каждому участнику было выделено 2 часа, чтобы получить практический опыт работы с AR National music, установленным на Android. Присутствовал один исследователь, который давал рекомендации и решал технические вопросы. Во втором (последующем) интервью участников спросили об их восприятии этого приложения для обучения игре на традиционных музыкальных инструментах на основе AR.

Все опрошенные высказали мнение, что у них были ограниченные знания о музыкальном образовании с помощью AR. Они предположили, что объединение акустических инструментов с мобильными устройствами может принести пользу обучению игре на музыкальных инструментах. Большинство опрошенных отметили, что концепция технологии AR потенциально может положительно повлиять на начинающих учащихся: (а) предоставляя рекомендации и мгновенную обратную связь, (б) поддерживая интерес учащихся и (в) предоставляя больше практических материалов.

Хотелось бы отметить наиболее популярные ответы. «Мне особенно нравится возможность приложения указать на ошибку в исполнении и сразу же показать ее на экране. Это приложение может помочь учащимся научиться читать ноты. Руководству легко следовать. В целом, я считаю, что это хорошее приложение для обучения игре для начинающих. Хорошо продумана последовательность уроков от простого к сложному. Это сохранит мотивацию студентов к практике. Студентам должно понравиться это приложение. Это что-то вроде игры. Раньше я тратила много времени на поиск популярных музыкальных композиций. Приятным моментом является то, что приложение предоставляет репертуар из различных произведений, подходящих для учащихся разного уровня».

В отличие от этих положительных восприятий, некоторые участники также выразили беспокойство относительно приложения. Эти опасения касались двух подтем: технических вопросов и вопросов содержания. Во-первых, у двух участников возникли технические неполадки, о которых они сообщили: «Я заметил, что если я начну играть быстро, приложение может пропустить некоторые ноты. Это немного раздражает. Приложение предназначено для новичков».

Когда участников спрашивали об их намерении использовать это приложение в будущей преподавательской деятельности, то большинство ответов было скорее нет, чем да. Можно привести характерные ответы.

«Я вижу его ценность, но я бы не стал [использовать его], потому что мой собственный опыт показывает, что рекомендации преподавателя более важны. Маловероятно, что я буду использовать это приложение для обучения. Родителям такой подход явно не понравится. Они с опаской относятся к цифровым устройствам для обучения и будут полагать, что я лениюсь. Я познакомлю своих учеников с этим приложением, только для того чтобы заинтересовать их, но я не буду использовать его на постоянной основе. Мне кажется, приложение недостаточно доработано, чтобы использовать его в учебном процессе».

Таким образом, в результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам. Китайские студенты (будущие преподаватели традиционной музыки) в целом знали о потенциале технологий дополненной реальности (AR). Эту осведомленность можно объяснить широкомасштабным продвижением ИКТ в образовательном секторе Китая. Особую актуальность это приобрело начиная с 2020 г. Так из-за пандемии коронавируса некоторые школы и высшие учебные заведения страны внедрили целый ряд онлайн курсов в качестве основного стандарта обучения.

Например, в этот период особую актуальность получили массовые открытые онлайн-курсы, известные также, как MOOC (Massive Open Online Courses, MOOC). Это электронные образовательные комплексы для широких масс, где учебные процессы проводятся исключительно в онлайн-режиме. На Всемирном конгрессе MOOC в 2020 г. было заявлено, что китайские MOOC являются крупнейшими в мире по количеству слушателей и масштабам применения. В весеннем семестре 2020 г., проходившем в условиях карантина из-за вируса COVID-19, китайские MOOC сыграли огромную роль в организации и проведении онлайн-обучения, обеспечив мощную поддержку образовательной деятельности в тысячах университетов [6, с. 34].

Согласно результатам предыдущих исследований, большинство студентов-музыкантов готово использовать AR технологии в своей будущей преподавательской деятельности [7]. Наше же исследование показало, что большинство будущих преподавателей традиционной музыке не захотят применять технологии дополненной реальности в своей педагогической практике на постоянной основе. Комментарии участников показали, что на это нежелание сильно повлияли внешние факторы, такие как традиционный имидж хорошего учителя музыки в Китае и ожидания родителей относительно музыкального образования. Следует отметить, что образовательная система Китая, особенно в области изучения музыки, носит очень традиционный характер [8].

Необходимо признать ограничения исследования. Оно было основано на опыте обучения игре на музыкальных инструментах с помощью системы дополненной реальности только тридцати студентов. На наш взгляд, необходимы дальнейшие количественные исследования с более широкой выборкой. Кроме того, мы полагаем, что необходимо опросить не только студентов, но и самих преподавателей национальной музыки. Кроме того, в нашем исследовании мы использовали только одно приложение AR National music. На сегодня в Китае существует целый ряд подобных приложений.

Литература

1. Войцеховски, Р. Оценка отношения учащихся к обучению в средах дополненной реальности ARIES / Р. Войцеховски, В. Келлари // Компьютеры и образование. – 2013. – № 68. – С. 570–585.
2. Кук, М. Д. Дополненная реальность : изучение ее значимости для обучения музыки / М. Д. Кук // Образовательный журнал Вакайто. – 2019. – № 2. – С. 10–15.
3. Годовой отчёт Министерства образования Китая по состоянию на сентябрь 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_fztjgb/202005/t20200520_456751.html – Дата доступа : 01.12.2023.
4. Ипинь, Хоу. Высшее образование в современном Китае / Хоу Ипинь. – Шанхай : Воспитание и образование, 2021. – 163 с.
5. Юхэ, Ван. История современной китайской музыки / Ван Юхэ. – Пекин : Народное музыкальное издательство, 2009. – 277 с.
6. Сунь, Сяо. Практика применения массовых открытых онлайн-курсов (MOOC) в учреждениях высшего образования Китая / Сяо Сунь // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2023. – № 2 (137). – С. 34–38.
7. Лю, Синьчжи. Новое развитие музыкального образования в колледжах и университетах в рамках интеллектуальных технологий / Синьчжи Лю // Современная музыка. – 2020. – № 8. – С. 19–24.
8. Чен, Ефан. Статус технического обучения в практике музыкального образования / Ефан Чен // Драматический дом. – 2021. – № 11. – С. 9–17.

Development of humanities education in higher vocational colleges of China under the background of the «Belt and Road» initiative

ZHANG NA

In addition to its important political and economic significance, the «Belt and Road» initiative's essence is related to cultural exchanges and development between countries along the line. The Chinese civilization has a long history, and the Chinese culture is extensive and profound. The excellent traditional Chinese culture not only plays an important role in communication in the «Belt and Road» initiative, but also improves college students' humanistic quality and shaping a perfect personality. From the current talent cultivation strategy of vocational colleges, humanities education is the main aspect in the establishment of future university courses. As a cradle for the cultivation of college students in China, how to significantly improve their own cultural and moral literacy through humanities education courses, ensure their future development, and play a positive role in society by college students is the main aspect of this article's research. Therefore, it is necessary to improve the establishment of the humanities education system in vocational colleges and provide more high-quality talents for China.

Keywords: humanities education, vocational colleges, classroom optimization, the «Belt and Road» initiative.

Помимо важного политического и экономического значения, суть инициативы «Пояс и путь» связана с культурным обменом и развитием между странами вдоль обозначенного маршрута. Китайская цивилизация имеет долгую историю, а китайская культура обширна и глубока. Традиционная китайская культура не только играет важную роль в общении в рамках инициативы «Пояс и путь», но также способствует повышению гуманистических качеств студентов и формированию совершенной личности. Согласно нынешней стратегии профессиональных колледжей по развитию талантов, образование гуманистической грамотности является основным аспектом создания будущих университетских курсов. Основной аспект исследования данной статьи состоит в том, как значительно повысить свою культурную и моральную грамотность с помощью курсов гуманитарного образования, обеспечить их будущее развитие и сыграть положительную роль в обществе. Поэтому необходимо улучшить систему гуманитарного образования в профессиональных колледжах для развития мотивированной и талантливой молодежи.

Ключевые слова: гуманитарное образование, профессиональные колледжи, оптимизация обучения, инициатива «Пояс и путь».

Through the promotion of cultural exchanges and cooperation, the countries along the Belt and Road route can learn from each other's traditions, customs, and values, fostering mutual understanding and respect. This cultural exchange can help build stronger relationships between countries and promote peace and harmony. In terms of education, the Belt and Road initiative provides opportunities for college students to study abroad and participate in cultural exchange programs, enabling them to broaden their horizons and gain a deeper understanding of different cultures. By immersing themselves in a new cultural environment, students can develop a more global perspective and enhance their interpersonal skills. Moreover, the promotion of traditional Chinese culture through the Belt and Road initiative can help preserve and showcase the rich heritage of China. This can also create opportunities for cultural industries to flourish, generating economic benefits for communities along the route. Overall, the cultural aspect of the Belt and Road initiative is essential for promoting mutual understanding, fostering cooperation, and advancing the development of civilizations along the route. By embracing cultural diversity and celebrating shared heritage, the initiative can contribute to a more inclusive and harmonious world.

The goal of talent cultivation in vocational colleges is to cultivate «high-quality applied skilled talents». The college students we cultivate not only need to master superb skills, but also have good humanistic literacy to create innovative talents with certain potential, rather than simply «operating machines». Vocational colleges pursue the organic unity of humanistic education and skill education, teaching people to «seek truth through skills» and «seek goodness and beauty». Not only does it teach people to become talents, but it also teaches them to become adults, forming a result of the integration and complementarity of humanistic education and skill education, and cultivating talents with strong physique, noble personality, and love for the motherland [1].

There can be drawn some problems in humanistic literacy education in vocational colleges.

(1) Neglecting humanistic education. Many vocational colleges tend to prioritize skills over humanities, majors over foundations, intellectual education over moral education to varying degrees in their curriculum, which has affected the cultivation of students' humanistic literacy education to a certain extent. Many vocational colleges focus more on curriculum design.

Education at the majority of institutions today is market oriented, prioritizing employment prospects, with the goal of cultivating technical, applied, and market-oriented talents, or to reflect professional characteristics, increasing the proportion of professional courses and internship training courses, squeezing out the already scarce humanistic literacy courses, resulting in inadequate and reasonable curriculum arrangements and a lack of humanistic and social science courses.

(2) There is some chaos in the humanities education curriculum. Through the investigation, we found that some vocational colleges have a single and rough curriculum for humanistic literacy education. The purpose of the curriculum design is unclear, the course content is disconnected from students' real life, the resources are scarce and outdated, and the teachers' core subject status in the curriculum development is not emphasized.

The role, let alone the status of students as course subjects and the initiative of the course development subjects, is not emphasized. Humanities literacy education often has a narrow scope of course selection and low credits, especially in some vocational colleges where teaching plans are formulated to establish pilot majors and highlight technical characteristics [2].

At that time, the class hours of humanities literacy courses are often crowded out by professional basic courses or replaced by courses such as skills and operations.

We can offer the path to enhance the humanistic literacy of vocational college students:

(1) Establishing the cultivation goal of placing equal emphasis on humanities education and technical skills education. Vocational education is «employment oriented and ability based», and employment here is not simply «skill employment» or «survival employment». The «ability» here is not simply «job ability», but a comprehensive ability that includes both professional ability and humanistic literacy, which is a common requirement of the country, the enterprises, and the society for talents. Vocational colleges should focus on the lifelong and comprehensive development of students, organically integrate humanistic education into the talent training system, and ensure that the talent training goals of vocational colleges are rooted in students' development.

Therefore, vocational colleges should not only offer public compulsory extracurricular courses such as ideological and political education, college English, and college physical education, but also offer corresponding humanities literacy education courses, which should account for one-third of the total class hours.

(2) Strengthening the role of traditional culture. The «Belt and Road» initiative not only creates a good macro environment for the external dissemination of Chinese culture, but also improves the humanistic quality of Chinese college students' knowledge. Of course, the improvement of humanistic literacy is not achieved overnight, and it is necessary to fully leverage the leading role of excellent Chinese culture. Contemporary college students are the builders and successors of socialism in China, and they should shoulder the responsibility of inheriting traditional Chinese culture. With the development of the times, excellent traditional culture also needs to constantly adapt to the needs of the new situation [3].

How to inherit and develop excellent traditional culture requires us to be good at organically combining excellent traditional culture with reality, achieving the integration of inheritance and development, in order to truly inherit and promote the rich and excellent national culture.

(3) Paying attention to the construction of a team of teachers in humanities literacy courses. The implementation of general education has put forward higher requirements for teachers. In addition to profound professional knowledge and superb skills, it is also necessary to have a unified understanding of science and humanities, achieve the integration of literature and science, and through teachers' words and deeds, enable students to understand from teachers the connotation of education without the tendency towards alienation between science and humanities and the instrumentalization of education. Therefore, schools should provide a timely platform for teachers of humanities literacy education to exchange and update knowledge, and strengthen exchanges between domestic and foreign peers, giving each teacher the opportunity to go out for further education and academic research. At the same time, they

should play and mobilize the enthusiasm of humanities literacy education teachers, encourage teachers to face difficulties, be brave in innovation, and offer more elective courses, improve the quality of elective courses, allowing students to have a chance to choose and gain from their studies.

(4) Carrying out practical courses on traditional culture. In terms of teaching, it is necessary to change the old educational methods and concepts, choose teaching methods that students are willing to accept, combine guidance with discussion, and leverage the advantages of various teaching models such as lectures, teaching practices, and survey research, in order to achieve the goal of cultivating abilities and qualities, and establish a talent cultivation model that integrates humanistic literacy education and vocational education. It is also necessary to emphasize the application of information technology means and methods, to adopt modern teaching models such as «micro courses», «MOOCs», and «flipped classrooms» that are popular among college students, to achieve the integration and mutual promotion of information technology and humanistic literacy education, to stimulate students' learning interest and creativity, and thereby improve the quality of humanistic education. We should also carry out traditional cultural practice courses, promote experiential teaching, visit cultural relics, museums, celebrity memorials, conduct surveys, and provide volunteer services, hold written conferences, poetry conferences, and other methods to enhance college students' practical understanding, internalize theoretical knowledge in their hearts, and externalize it in their actions [3].

(5) Creating a favorable atmosphere for traditional culture. Traditional cultural education is not a course that can be completed overnight, but requires the long-term influence and infiltration of culture, just like «drifting into the night with the wind, moistening things silently». Therefore, it is necessary to strengthen the cultural construction of university campuses, and combine it with the actual situation to build campus culture with unique characteristics, which can have a profound impact on college students. In addition, make good use of the Internet as a shortcut to promote traditional culture and create a good atmosphere through official network platforms, campus forums, WeChat official account or Kwai, live broadcast and other channels.

(6) Reforming the performance assessment methods. We should innovate the scientific evaluation methods of humanistic literacy education courses, which is the implementation of humanistic elements.

Basic guarantee for the effectiveness of education. The effectiveness of teaching humanities courses is ultimately reflected in students' professional humanities quality literacy. Innovate the performance assessment methods for humanities literacy education courses, including the scientific evaluation indicators, methods, and subject settings. Increase the process assessment and incorporate the achievements and performance of college students in various cultural clubs, speech competitions, poetry recitations, cultural and sports activities, art competitions, calligraphy competitions, essay competitions, etc. into the humanities literacy evaluation system, change the previous assessment method of simply taking classroom exams to determine the pros and cons.

Practice has proved that under the background of «the Belt and Road» adhering to the «humanities first», fully understanding the essence of Chinese excellent traditional culture, discovering and mining this treasure, and connecting it with the teaching practice of higher vocational colleges and students' life and learning can effectively improve the humanistic quality of higher vocational college students' knowledge, thus helping the development of higher vocational education. Only by continuously strengthening traditional Chinese cultural education and improving the construction of the humanistic literacy education curriculum system can college students achieve comprehensive development, thereby meeting the needs of society and promoting social harmony.

With the development of society, countries not only pursue economic development, but also continuously attach importance to cultural development. From the current cultural development in our country, the most important cultural activity battlefield is the campus. As a cradle for cultivating talents, university campuses are essential for cultural construction.

From the perspective of the current development of campus culture construction in China, quality education for college students has not been included in the scope of university courses. For the research method of this article, there are mainly four aspects, namely empirical research, literature search method, theoretical analysis method, and related event combination analysis method. By studying these methods, this paper summarizes the reasons for the current implementation of humanistic literacy education in vocational colleges in China, and analyzes the current humanistic literacy education in vocational colleges in China.

There are problems in education, and finally, based on multiple sources, reasonable suggestions are given to improve the humanistic literacy education classroom in vocational colleges.

Here are the reasons for carrying out humanistic literacy education in the classroom.

1. The state formulates a talent training plan for universities. The cultivation of humanistic literacy in vocational colleges is, to a large extent, the cultivation of future builders of Chinese society. As a training base for students' scientific, cultural, and moral qualities before entering society, vocational colleges can effectively guide students to develop good personal cultivation and literacy. Therefore, in the curriculum of humanistic literacy in vocational colleges, talent cultivation courses are always integrated throughout. Of course, simply offering humanities literacy teaching courses is far from meeting the requirements of society for humanities literacy. After entering the society, vocational college students must always maintain a sense of responsibility and maintain the knowledge imparted by humanities literacy courses. Only by consistently emphasizing personal cultivation quality can they become high-quality talents required by the country. Vocational colleges should also pay attention to this when creating humanities literacy courses [1].

2. Improve the establishment of China's humanistic literacy education system in vocational colleges. The establishment of the humanistic literacy education system in vocational colleges in China is an excellent product of the country's reform and innovation of higher education curriculum. With the continuous development of the economy and society, unhealthy thinking patterns have impacted the inherent excellent traditional culture of our country, and have also had a negative impact on the outlook on life, worldview, and values of college students. From the perspective of the present, there has been a significant increase in the enrollment rate of universities in China. However, it cannot be avoided that the internal moral cultivation of college students has not been systematically cultivated. Based on this, both the education department and national leaders in China have proposed to strengthen the development of humanistic literacy courses in universities and improve the establishment of a humanistic literacy education system on university campuses as soon as possible, by continuously improving the system to guide students' correct behavior and perspectives on things, humanistic literacy education has become one of the main ideas guiding college students' future life development.

We can analyze the problems in humanistic education in vocational colleges.

1. Humanistic education is disconnected from actual life. The organic combination of theoretical knowledge and practice is not only often mentioned in humanistic literacy education in vocational colleges, but also a requirement for learning methods in various stages and growth stages of Chinese students' learning. Helplessly, some schools in certain regions of China are deeply influenced by traditional educational thinking and methods, and cannot effectively implement the educational philosophy of combining theory and knowledge. For humanistic education, because its scope belongs to the field of humanities, teachers still rely mainly on traditional teaching methods in the teaching process, blindly using knowledge from textbooks to teach students, lacking connectivity with social events, which affects the true understanding of humanistic education concepts among vocational college students [4].

The curriculum arrangement of humanistic education and teaching needs to be considered. The implementation of humanistic literacy teaching in vocational colleges is based on the need to provide major national talents for the country in the future, and should focus on cooperation and exchange with students. Due to the influence of traditional education models on various stages of education in China, which mainly rely on teachers' unilateral explanation and instillation of humanistic knowledge, students lack the autonomy and enthusiasm to obtain humanistic education knowledge under this education model, and have not formed their own understanding and thinking of the importance of humanistic education. Therefore, their ability to comprehend the impact of humanistic education on their future is not high.

3. Infrastructure related to humanistic literacy teaching. Many schools tend to overlook the construction of teaching facilities, which hinders the completion of some content in humanities quality courses and affects the quality of teaching. In this way, teachers lack corresponding teaching resources in teaching humanistic qualities, and the quality of teaching is naturally greatly compromised.

Here are some suggestions for improving the education and cultivation of humanistic literacy in higher vocational colleges.

1. Pay attention to the combination of theoretical knowledge and social practice in humanistic literacy education. Emphasize the combination of theoretical knowledge and social practice in humanistic literacy education. This article mainly elaborates on two aspects. On the one hand, teachers

should pay attention to combining the theory of humanistic quality education with the hot practices of social development, stimulate students' active thinking, and promote flexible classroom teaching to lay the foundation for students' understanding of the importance of humanistic quality teaching. On the other hand, vocational colleges can use students' rest time such as holidays to organize and carry out activities to promote humanistic quality education, Enable students to clarify their responsibilities.

Sense of responsibility, enhance their internal literacy development.

2. Establish a flexible classroom to enhance students' interest in learning. The establishment of a flexible classroom mainly requires the vitality of the humanities quality classroom, and cannot cause the humanities quality classroom to lose its original meaning due to the dull teaching content. For humanistic literacy teaching, it is important to create a relaxed classroom atmosphere for students' interests, it is necessary to introduce daily life situations into teaching, so that humanistic literacy teaching can be separated from the scope of simple teaching in the humanities and not become rigid or theoretical. Discussion and debate are undoubtedly the main methods to attract students' attention and maintain classroom vitality during the class process. Humanities education teachers can intersperse some social topics related to humanities education during the teaching process, allowing students to actively speak up, express their own views, and forge ahead. Refine their thinking and adaptability [3].

3. Fully utilize humanistic literacy in the classroom for teachers. The establishment of humanistic literacy classrooms in vocational colleges aims to enhance the quality, morality, and other humanistic qualities of students in the school, which requires higher requirements for humanistic literacy teachers. On the one hand, humanistic literacy teachers should master the teaching methods of humanistic literacy; on the other hand, humanistic literacy teachers should also adhere to the principle of mutual promotion between students and teachers, and actively play a role in the humanistic literacy classroom in universities. By conducting group research, social events, debates, and other means, students can develop their own humanistic literacy, thereby enhancing their scientific, cultural, and ideological and moral qualities.

Humanities quality education, as an additional course specifically designed to cultivate the temperament and morality of vocational students in vocational colleges in China, has been expanded with the development of the economy and society.

The establishment of educational and teaching courses is not sound and is still in the early stages of development. Therefore, there are still some problems in the teaching of humanistic literacy in vocational colleges in China. With the development of economy and culture, there are not only requirements for vocational college students in terms of knowledge coverage, but also higher standards for their literacy and morality. Therefore, carrying out humanistic literacy classroom teaching in vocational colleges is of great significance for future talent cultivation and social development in China. Vocational colleges should actively explore and carry out humanistic literacy education in their own schools based on the understanding of the impact of humanistic literacy education on students' future development and society.

References

1. Wang, X. Effective implementation strategy of humanities quality education for higher vocational students in the age of new media era / X. Wang // *International Journal of Information and Education Technology*. – 2019. – V. 9, № 10. – P. 762–766.
2. Zhuang, T Chinese educational aid worldwide under the belt and road initiative / T. Zhuang, B. Liu // *Journal of Hebei Normal University*. – 2018. – № 20 (4). – P. 55–61.
3. Houkui, Z. Current curriculum design for high quality humanities literacy situation and countermeasures / Z. Houkui // *Success (Education)*. – 2010. – № 4. – P. 11–15.
4. Huang, M. Research on improving the quality and cultivating the excellence of higher vocational education against the background of building a skill-based society innovation / M. Huang // *Humanities and Social Sciences Research*. – 2003. – V. 10. – P. 53–58.

Право

УДК 347.1

EDN: MAASPL

О проблеме соотношения заблуждения и обмана органов управления юридического лица и самой организации, чья дееспособность реализуется через соответствующие органы управления

Д.А. АВДЕЕВ

Данная статья посвящена проблеме заблуждения и обмана органов управления юридического лица и самой организации, чья дееспособность реализуется через соответствующие органы управления. В работе исследуются особенности определения заблуждения и обмана при формировании воли юридического лица в рамках принятия решения о заключении договоров. Данная проблематика до настоящего времени вызывает споры среди ученых, поскольку на законодательном уровне не раскрывается содержание данных категорий. Автором предпринята попытка обозначения характера соотношения заблуждения и обмана при заключении сделки с позиций содержания полномочий органов управления юридического лица и критериев их разграничения, в качестве которых обозначен умысел третьего лица или контрагента, а также отсутствие необходимости установления существенности обмана.

Ключевые слова: заблуждение, обман, заключение сделки, дееспособность юридического лица, воля юридического лица.

This article is devoted to the problem of delusion and deception of the governing bodies of a legal entity and the organization itself, whose legal capacity is realized through the relevant governing bodies. The paper examines the features of the definition of delusion and deception in the formation of the will of a legal entity in the framework of making a decision on the conclusion of contracts. This problem still causes controversy among scientists, since the content of these categories is not disclosed at the legislative level. The author attempts to indicate the nature of the relationship between delusion and deception when concluding a transaction from the standpoint of the content of the powers of the governing bodies of a legal entity and the criteria for their differentiation, as indicated by the intent of a third party or counterparty, as well as the absence of the need to establish the materiality of deception.

Keywords: delusion, deception, conclusion of a transaction, legal capacity of a legal entity, will of a legal entity.

Введение. Деятельность юридических лиц неразрывно связана с заключением сделок. Такие сделки являются неотъемлемым элементом деятельности предприятия, и, поскольку фактически решение о заключении того или иного договора принимаются гражданами, которые выполняют функции органов управления, такие сделки также могут быть оспорены, если сторона заявит о том, что они заключены под влиянием обмана и заблуждения. Изучение данной темы представляет интерес по той причине, что ведущими цивилистами изучается недействительность сделок с пороком воли в целом, а вопросам порока воли юридического лица, по причине которого сделка может быть в судебном порядке признанной недействительной, посвящено довольно мало исследований. Ведущими цивилистами, такими как О.В. Гутников [1], А.Ю. Зезекало [2], А.А. Малофеев [3], были рассмотрены вопросы признания сделки недействительной, в том числе и по причине нахождения ее стороны под влиянием заблуждения и обмана. Вместе с тем указанные авторы не представили углубленных исследований по проблематике заблуждения как порока воли юридического лица. Также имеющиеся публикации не раскрывают всех критериев квалификации обмана и заблуждения органов управления юридического лица при заключении договорных отношений. Для определения особенностей заблуждения и обмана юридического лица при заключении сделок был проведен анализ публикаций на тему заблуждения и обмана, а также на тему формирования волеизъявления органов управления юридическим лицом при заключении сделки и правил согласования процедуры заключения сделок (Н.В. Еничева [4]). Целью данной статьи является определение природы соотношения заблуждения и обмана, исходя из особенностей формирования волеизъявления юридического лица.

Гражданское законодательство Республики Беларусь предусматривает ряд условий, при наличии которых сделка, заключенная юридическим лицом, подлежит признанию недействительной. В соответствии с требованиями, регламентированными в ч. 1 ст. 179 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), сделка, заключенная под влиянием заблуждения, которое является существенно значимым, может быть признана в судебном порядке недействительной по требованию участника, который ее заключил под влиянием заблуждения. Часть 1 ст. 180 ГК предусматривает возможность признания сделки недействительной при условии, что при заключении такой сделки ее участник находился под влиянием обмана [5, ст. 180]. Здесь прослеживается, что законодатель разграничивает указанные выше основания недействительности сделок. В данном случае уместно будет подчеркнуть, что критерии такого разграничения не обозначены в гражданском законодательстве. Более того, закрепляя данные правила, законодатель отказался от легального закрепления понятия категорий «заблуждения» и «обмана» при заключении сделки. Стоит отметить, что в научных публикациях на данную тему не достигнуто единого мнения, а исследований на тему заблуждения и обмана при совершении сделок юридическими лицами было осуществлено незначительное число.

Основная часть. Прежде чем приступить к рассмотрению характера соотношения заблуждения и обмана в процессе заключения сделки, необходимо определить, какие действия подпадают под характеристику данных категорий. Заблуждением по общему правилу признается ситуация, когда воля одного из субъектов договорных отношений идет вразрез с его фактическим волеизъявлением, а природа последствий заблуждения характеризуется наличием фактов, наступления которых сторона сделки не ожидала [6, с. 359]. По сути, и обман предполагает, что лицо, которое совершает сделку, рассчитывает на наступление несколько иных последствий по сравнению с теми, которые наступили. И здесь резонно возникает вопрос, чем же отличается заблуждение от обмана.

В научных публикациях отмечается, что в основе разграничения обмана и заблуждения лежит умысел. Так, заблуждение может иметь место тогда, когда участник сделки воспринял неправильно ее условия в силу неосторожности при отсутствии каких-либо умышленных действий третьих лиц, в то время как обман предполагает, что участник сделки целенаправленно вводит в заблуждение своего контрагента с целью склонения последнего к принятию решения о заключении сделки в ущерб собственным интересам последнего. Выводы о том, что умысел является критерием разграничения заблуждения и обмана при заключении сделки, подтверждаются и разъяснениями, изложенным в постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь № 26 «О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства, регулирующего недействительность сделок» от 28 октября 2005 г. (далее – постановление № 26) [7]. Так, в соответствии с разъяснениями, содержащимися в ч. 2 п. 21 вышеуказанного постановления, сделка может быть признана заключенной под влиянием обмана в том случае, когда имеет место умышленное, целенаправленное искажение сведений о фактах, имеющих ключевое значение для правильного понимания условий сделки и влияющих на принятие решения по вопросу о заключении договора. Данное обстоятельство предопределяет, что умысел той стороны договора, которая искажает значимые для понимания сущности условий сделки сведения, в рассматриваемом аспекте выступает критерием разграничения заблуждения и обмана [7]. Рассуждая о природе заблуждения, О.В. Гутников, напротив, исключает вероятность возникновения заблуждения по причине влияния извне, а выступает как следствие причин, заложенных в участнике сделки [1, с. 304]. В данном случае вышеуказанный автор отмечает, что воля субъекта в случае заблуждения, возникающего в процессе заключения сделки, соответствует волеизъявлению участника, но формирование воли осуществляется под воздействием неверного восприятия обстоятельств, которые, предопределяя особенности природы и содержания сделки, являются существенными условиями соглашения. Обман, в свою очередь, характеризуется наличием намеренного введения в заблуждение своего контрагента. Отдельные авторы в своих публикациях отмечают, что в процессе заключения договора сделки в ситуации, когда лицо находится под влиянием обмана, на процесс формирования его воли оказывают влияние неверные представления или отсутствие знаний об условиях сделки. Вместе с тем, если рассматривать соотношение заблуждения и обмана, то в первом случае речь ведется о заключении сделки в силу искаженного восприятия, которое возникает при отсутствии какого-либо воздействия

на волеизъявление участника сделки. В случае обмана сделка заключается как следствие умышленного, намеренного создания не соответствующих действительности представлений у субъекта договорных отношений, вызванного действиями стороны договора или третьим лицом либо умышленное использование уже сложившегося у обманутого участника ложного представления для побуждения его к заключению сделки, которую он бы не совершил при предоставлении ему достоверных данных [8].

В данном случае имеет место порочность договоренности между сторонами сделки, характеризующаяся, как противоречия действительной воли и волеизъявления, предпосылкой для возникновения которого послужил обман, что противоречит принципу о свободе, добровольности волеизъявления сторон при вступлении в договорные отношения.

Часть 1 ст. 179 ГК содержит в себе оговорку о том, что заблуждение в том случае влечет признание сделки недействительной, когда является существенно значимым для определения правовой природы сделки, свойств и природы ее предмета, и которое существенно снижает вероятность исполнения правомочий в отношении предмета сделки в полном объеме. При этом заблуждение в определении мотивов сделки законодатель не считает существенным, а, соответственно, не обуславливает обязательность признания сделки недействительной. По этой причине резонным становится вопрос, какое именно заблуждение приводит к признанию сделки недействительной. Обратимся к разъяснениям, данным в рамках постановления № 26, согласно которым сделка, заключение которой сопровождалось действием, формированием воли под влиянием заблуждения, тогда признается недействительной, когда заявленное заблуждение признано существенно для восприятия природы либо предмета оспариваемых договорных отношений. Здесь необходимо подчеркнуть, что в научных публикациях существенность заблуждения распространяется на предмет сделки или характеристику его ключевых свойств; заблуждение в природе сделки; заблуждение в лице (контрагенте).

В то время как сделка, волеизъявление на заключение которой возникло по причине обмана стороны такой сделки, предполагает, что в его отсутствие решение о заключении сделки не было бы принято либо при ее заключении были бы достигнуты условия, существенно отличающиеся от достигнутых. Теоретики склоняются к тому, что обман затрагивает условия сделки (субъектный состав, предмет, условия и основания) или предполагает сообщение о недостоверных сведениях и обстоятельствах, выходящих за пределы такой сделки, в том числе может затрагивать и мотив сделки. Здесь ключевым является то, что обман оказывает существенное влияние на формирование воли контрагента, изъявившего волеизъявление на заключение сделки [8]. Одной из форм обмана в отношениях юридических лиц является недобросовестная конкуренция.

Применительно к юридическому лицу, его органам управления, исходя из обобщения рассмотренных устоявшихся доктринальных положений, под заблуждением следует понимать существенное искажение представления о правовой природе сделки, ее предмете у органов управления организации, сложившееся в отсутствии каких-либо умышленных действий со стороны контрагента. Тогда как под обманом следует понимать искаженное представление уполномоченного органа управления юридического лица о любых условиях сделки, сложившееся в результате предоставления контрагентом заведомо недостоверных сведений о значимых фактах.

В этой связи следует дифференцировать значение термина заблуждение в смысле положения ч. 1 ст. 179 ГК, с одной стороны, и в смысле правила ст. 27 Закона Республики Беларусь № 94-З от 12 декабря 2013 г. «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон о конкуренции). Исходя из положения ч. 1 ст. 179 ГК заблуждение имеет место в отсутствии предоставления контрагентом заведомо недостоверных сведений о значимых для сделки фактах. Согласно ст. 26 Закона о конкуренции заблуждение должно наступать вследствие умышленного, целенаправленного, предоставления или публикации заведомо недостоверных сведений о фактах, характеризующих условия сделки, направленной на реализацию продукции на товарном рынке. При этом, учитывая запретительный характер ст. 26 Закона о конкуренции, которое имеет антимонопольную направленность, и не представляет собой правила, дополняющего основания для оспаривания сделок, заключенных под влиянием заблуждения, указанное расхождение не следует рассматривать как противоречие двух правовых норм. В тоже время нельзя не отметить, что ввиду отсут-

вия как в ст. 179 ГК, так и в иных нормах данного Кодекса легальной дефиниции понятия заблуждения, нельзя исключать возможность восполнения данного пробела с помощью иных правовых норм, в частности норм антимонопольного законодательства.

Ввиду этого будет уместным рассмотреть вероятность введения в заблуждение по причине нарушения антимонопольного законодательства, квалифицируемого, как недобросовестная конкуренция. Здесь следует указать, что на практике зарубежные судебные инстанции признают такую альтернативу. К примеру, Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что реклама, предполагающая сравнение с продукцией конкурента, должна включать в себя информацию, которая раскрывает все свойства, характеристики и параметры товара конкурента, поскольку в противном случае у потребителя может сложиться впечатление, что товар конкурента уступает товару рекламодателя [9]. Аналогичные требования регламентированы ст. 27 Закона Республики Беларусь о конкуренции [10, ст. 27]. При этом в доктрине предлагается такое впечатление характеризовать, как заблуждение. Необходимо акцентировать внимание и на том обстоятельстве, что в качестве случаев введения в заблуждения также надлежит учитывать и проявления недобросовестной конкуренции [8]. Рассмотрим данный вопрос с точки зрения законодательства Республики Беларусь. В ст. 26 вышеуказанного закона законодатель оперирует термином «введение в заблуждение», устанавливая запрет на использование рекламы, которая имеет такие последствия [10, ст. 26]. При этом законодатель подразумевает, что потребитель может быть введен в заблуждение относительно качества и характеристик предлагаемого к приобретению товара, его количества, места производства и условий приобретений (включая цены). Вместе с тем, возникает вопрос, будет ли в данном случае иметь место заблуждение, или все-таки потребитель сталкивается с обманом. Здесь важно понимать то, что в одном случае может иметь место факт умышленного искажения информации продавцом (поставщиком), в другом же может иметь место неверное восприятие покупателем (заказчиком) условий сделки в силу профессионального и организационного заблуждения должностных лиц юридического лица. При этом необходимо подчеркнуть, что в рассматриваемой теме нас интересуют только сделки, сторонами которых выступают субъекты экономической деятельности, если отталкиваться от того, что в сделках с физическими лицами организации в большинстве своем выступают в роли поставщика товаров и услуг (исполнителя работ).

Заблуждение организации, как основание признания сделки юридического лица недействительной, обладает рядом особенностей, которые обусловлены спецификой деятельности органов юридического лица, и представляет собой отклонение от правил и целей заключения такой сделки. Поскольку управление юридическим лицом осуществляется несколькими субъектами, необходимо разграничивать в процессе формирования воли юридического лица в зависимости от органа юридического лица: заблуждение директора (правления); заблуждение наблюдательного совета (совета директоров); заблуждение собрания участников. При этом компетенция каждого органа в части заключения сделки зависит как от законодательных требований, так и от уставных документов юридического лица. Заблуждение директора (правления) юридического лица может иметь любую форму, поскольку указанный исполнительный орган юридического лица непосредственно отвечает за договорную работу организации. И в случае, если речь идет о единоличном принятии решения о заключении сделки, заблуждение может иметь любую форму заблуждения, предусмотренную нормами гражданского законодательства. Заблуждение наблюдательного совета может иметь форму превышения полномочий наблюдательного совета (совета директоров) и заблуждения относительно природы сделки, которую он призван согласовывать. Что касается общего собрания участников юридического лица, то любое его решение в отношении возможности заключения сделки будет являться заблуждением, поскольку законодатель не предусматривает какие-либо правомочия общего собрания участников относительно процедуры совершения сделок. Исходя из природы обмана, предполагается верным вывод, что обман свойственен только для решений единоличного исполнительного органа юридического лица (руководителя). В обосновании следует указать, что только руководитель первоначально принимает решение о заключении сделки, которая впоследствии подлежит одобрению наблюдательного совета, иначе говоря, речь идет о обмане конкретного субъекта, принимающего решение о приобретении товара либо услуг (работ).

Заключение. В обобщении представляется возможным сформулировать следующий вывод. Заблуждение и обман при заключении гражданско-правовых договоров следует трактовать, как неверное восприятие участником договора условий сделки и ее последствий, при этом данные пороки воли различаются по двум критериям. Во-первых, умысел контрагента стороны, которая заключила сделку под влиянием заблуждения. При заблуждении как таковой умысел отсутствует, и заблуждение произошло по неосторожности. В данном случае важно понимать, что заблуждение возникло при неверном толковании условий сделки самим юридическим лицом (органами его управления), в то время как роль контрагента в процессе формирования волеизъявления на заключение такой сделки сводится к нулю. Иначе говоря, искаженное восприятие предполагает, что заблудившаяся сторона неверно истолковала сделку самостоятельно, в отсутствие каких-либо намерений или действий его контрагента. В отличие от обмана, который предполагает, что сторона намеренно предоставляет данные контрагенту, которые, по сути, противоречат действительным условиям сделки и нацелены на формирование воли противоположной стороны сделки на ее заключение. Во-вторых, существенность заблуждения предполагает невозможность исполнения согласованных условий сделки. В то время как обман в любом случае является существенным, поскольку согласованы условия, не соответствующие фактической природе сделки. В связи с этим соотношение обмана и заблуждения можно охарактеризовать следующим образом. Указанные категории характеризуют основания недействительности сделки юридического лица, наличие и одного, и второго могут выступать причиной признания судом ничтожности сделки. Вместе с тем их основное отличие видится в сведениях, которые предоставляются контрагенту: в случае обмана они не соответствуют действительности, а в случае заблуждения наблюдается неверное их толкование одной из сторон.

Представляется целесообразным восполнение пробела в гражданско-правовой регламентации заблуждения юридических лиц при совершении ими сделок путем совершенствования антимонопольного законодательства посредством детализации его норм, определяющих условия заблуждения как формы недобросовестной конкуренции и их ограничений от условий заблуждения в отсутствие недобросовестной конкуренции.

Литература

1. Гутников, О. В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания / О. В. Гутников. – М. : Бератор-Пресс, 2013. – 576 с.
2. Зезекало, А. Ю. Заблуждение при совершении сделки / А. Ю. Зезекало. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2011. – 198 с.
3. Малофеев, А. А. Недействительность сделок, совершенных под влиянием заблуждения / А. А. Малофеев // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2009. – № 1 (41). – С. 71–77.
4. Еничева, Н. В. Реализация правоспособности юридического лица в процедурах несостоятельности : банкротства : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. В. Еничева ; ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». – М., 2022. – 220 с.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Республики 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 3 января 2023 г., № 240-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
6. Гражданское право : в 3 т. : учебник / А. В. Каравай [и др.]. – Минск, 2007. – Т. 1. – 611 с.
7. О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства, регулирующего недействительность сделок [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 28 окт. 2005 г., № 26 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
8. Пермяков, А. В. К вопросу об определении понятия «обман» и его места в механизме гражданско-правового регулирования / А. В. Пермяков // Вестник Пермского ун-та. – 2011. – Вып. 2 (12). – С. 130–138.
9. Определение Верховного суда РФ от 20 марта 2017 г. по делу № 305-ЭС16-17606 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.vsr.fu/stor_pdf_ec.php?id=1526032. – Дата доступа : 09.04.2023.
10. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 дек. 2013 г., № 94-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 декабря 2019 г., № 275-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

Формирование политических и правовых взглядов Георгия Конисского в академический период

С.Б. АНТОНЕНКО

Статья посвящена формированию политических и правовых взглядов Георгия Конисского. Они начали формироваться в стенах Киево-Могилянской академии, в которой он сначала учился, а позднее преподавал и был ректором. Годы его пребывания в стенах академии повлияли на становление его убеждений, которые он пронес через всю свою жизнь, воплотив их не только в научных и литературных трудах, но и подтвердив их на практике. Именно академическая деятельность Г. Конисского мало изучена учеными, что и предопределяет актуальность данной статьи.

Ключевые слова: Георгий Конисский, Беларусь, Просвещение, философия, преподавательская и научная деятельность, право, правовые и политические идеи, Киево-Могилянская академия.

The article is devoted to the formation of political and legal views of George Konisky. They began to form within the walls of the Kyiv-Mohyla Academy, where he first studied, and later taught and was rector. The years of his study and work at the academy influenced the formation of his beliefs, which he carried through his entire life, embodying them not only in scientific and literary works, but also confirming them in practice. It is the academic activity of G. Konisky that has been little studied by scientists that determines the relevance of this article.

Keywords: George Konisky, Belarus, Enlightenment, philosophy, teaching and scientific activity, law, legal and political ideas, Kyiv-Mohyla Academy.

Большинство исследователей рассматривало фигуру Георгия Конисского исключительно как церковного деятеля и богослова. Несмотря на то, что Г. Конисский был философ-богословом, подобный взгляд на данную историческую фигуру является односторонним. В разные периоды своей жизни Г. Конисский занимался не только богословскими проблемами, важными философскими вопросами, но и общественно-политической деятельностью. В истории Беларуси Георгий Конисский – не только канонизированный Православной Церковью святой, но и человек, во многом благодаря которому на территории нашей страны сохранилось православное вероисповедание.

При этом, не смотря на все заслуги Г. Конисского перед белорусским народом, его разносторонней деятельности посвящено не так и много научных исследований.

Так, академический период биографии Георгия Конисского исследовался, в первую очередь, богословами М. Буглаковым, И. Минькевичем [1], а также литературоведами М. Максимовичем и Н. Петровым [2]. Среди современных ученых изучением философских и общественно-политических взглядов Г. Конисского занимались М. Кашуба, В. Шинкарук, П. Шкуринов, Ю. Лабынцев, А. Миронович, Б. Носов, В. Протасевич, Я. Фощан [3], [4], [5]. В Республике Беларусь научными исследованиями непосредственно политической и правовой деятельности Георгия Конисского занимались А. Лясков и С. Сомов [6], [7], [8], [9]. В то же время системных научных исследований, посвященных политическим и правовым идеям Георгия Конисского, на сегодняшний день не имеется.

Григорий Осипович Конисский родился 20 ноября 1717 г. в городе Нежин в казацкой семье. Отец Григория в 1727 г. был нежинским бургомистром. Важным было то обстоятельство, что Григорий Конисский родился на Гетманщине, а по условиям Переяславской рады 1654 г. территория Войска Запорожского или Гетманщина отделилась от Речи Посполитой и перешла под управление Русского Царства, обладая автономными полномочиями. Следует подчеркнуть, что атмосфера, в которой вырос Г. Конисский, определялась в первую очередь традиционной православной культурой его семьи. Религиозность пронизывала все сферы жизни: устройство семьи как Церкви, устройство жилища как храма (сакрализация жилища, наличие священных книг, молитвенный распорядок дня), подчинение годового цикла трудовой активности церковному календарю, а всего периода человеческой жизни – установлен-

ной системе церковных таинств и обрядов (крещение, венчание, отпевание, погребение). Особый уклад и образ жизни Гетманщины, естественно, отражались на политических взглядах людей, проживавших на этих территориях. Совокупность перечисленных факторов во многом определила нравственные и духовные идеалы, а также взгляды Георгия Конисского на устройство общества, которые он пронес через всю свою жизнь [9, с. 29].

В 1728 г., после окончания начальной полковой школы, Григорий Конисский поступил в Киево-Могилянскую академию. Основанная в 1632 г. митрополитом Петром Могилой академия (до 1701 г. – коллегия) к моменту поступления туда Г. Конисского уже была цитаделью украинской национальной культуры. Однако в академии приобретали знания также выходцы из Беларуси, Польши и России. Тесную связь Киево-Могилянской академии с белорусскими землями доказывает тот факт, что студентами и преподавателями в академии были такие выдающиеся белорусы, как И. Кононович-Горбацкий, И. Оранский, А. Берло, М. Козачинский, С. Полоцкий. Кроме того, в 1628–1631 гг. ректором Киево-Братской коллегии был белорус Фома Иевлевич [5, с. 108]. В Киево-Могилянской академии в момент поступления туда Г. Конисского был один из самых высоких уровней подготовки научных кадров того времени в Восточной Европе. Многие ее воспитанники, особенно готовящиеся к профессорскому званию, обучались за границей в университетах Польши, Германии, Англии, Италии и Франции.

Влияние Киево-Могилянской академии распространялось не только на земли России, Великого Княжества Литовского и Польши, но и на территорию Сербии, Черногории, Далмации и Болгарии. Так, к примеру, в 1733 г. воспитанник академии М. Козачинский организовал в Карловцах первую в Сербии высшую школу и написал первую сербскую национальную драму «Трагедия или печальная повесть о смерти последнего царя сербского Уроша V и о падении Сербского Царства», ставшую идеологической основой консолидации сербов в борьбе против турецкого ига [5, с. 110]. Стоит также отметить, что Киево-Могилянская академия, находясь на периферии европейского научного знания, поддерживала высокий уровень преподавания различных дисциплин, в первую очередь философии, которая являлась в то время основой для формирования в том числе политических и правовых идей.

Можно сделать вывод о том, что Киево-Могилянская академия в период обучения там Г. Конисского была локомотивом не только философской мысли в узком понятии этого слова, но и центром современных для своего времени знаний. В академии готовились ценнейшие научные и общественно-политические кадры того времени, способные решать важные государственные задачи. Все это оказало непосредственное влияние на становление мировоззрения Г. Конисского, во многом определило его политические и правовые взгляды.

В 1743 г. после окончания академии Григорию Конисскому, как одному из самых одаренных учеников, было предложено стать преподавателем. В этом же году Григорий постригается в монахи Братского монастыря и берет себе имя Георгий. По мнению исследователя М.В. Кашубы, в процессе своего становления как преподавателя, а в последующем и ректора Киево-Могилянской академии (1752–1755), Георгий Конисский испытал влияние таких ученых, видных богословов и философов как С. Калиновский, С. Кулябко, М. Козачинский, С. Тодорский. Особое место в жизни Г. Конисского занимали Ф. Прокопович и Г. Сковорода, которых можно отнести к классикам философской мысли XVIII в. Изучая творчество и идеи таких видных западноевропейских ученых как И. Ньютон, Р. Декарт, Г.В. Лейбниц, Х. фон Вольф, Н. Коперник и П. Гассенди, Г. Конисский творчески переосмысливал их и становился настоящим мыслителем, имеющим оригинальное видение устройства современного ему общества [3, с. 23–24].

Стоит отметить, что именно названные западноевропейские ученые пользовались наибольшей популярностью среди киевской научной элиты. Естественно, что труды этих мыслителей досконально изучались, творчески перерабатывались и излагались студентам академии. Одними из наиболее уважаемых и воспринятых западноевропейских мыслителей для Г. Конисского были Лейбниц и Вольф.

Ключевой идеей, характеризующей правовые взгляды Лейбница, была естественно-правовая теория, в которой он рассматривал право, как всеобщее, вечное и неизменное явление. Как отмечает А.Я. Лясков, подобное понимание права Лейбницем созвучно идее Г. Конисского об извечности существования всего мира и его законов. В своем курсе философии Г. Конисский, в частности, писал: «Следует считать, что Бог так сохраняет созданные

им вещи, чтобы сохранить свои законы вместе с законами, прописанными природе; и такой способ сохранения называется *consensus* или естественное сбережение, т. е. для всей природы с самого начала данный и навеки определенный» [6, с. 170–171].

Лейбниц полагал также, что наиболее совершенной формой государственного устройства является «совершеннейшая монархия» [6, с. 171]. Схожих с Лейбницем взглядов придерживался и Георгий Конисский, который полагал идеалом справедливого общественного устройства просвещенную монархию: «Государя доброго и попечительного о народе своем все дела и замыслы не куда и куды стремятся, как только к пользе и благосостоянию народа своего, – то и следует непременно, что наши истинные повиновения ему и непорочное должностей исполнение наша точка есть польза и далече больше наша, чем государства» [10, с. 326]. В государственной сфере идеальным устройством для Г. Конисского была просвещенная монархия, в которой глава государства – «добрый» царь, в государственном аппарате – справедливые судьи, а подчиняются им нежестокие помещики и послушные крестьяне [3, с. 45].

Наиболее известным последователем правовых идей Лейбница был Х. фон Вольф. Г. Конисский одобрял философско-правовую систему Лейбница-Вольфа и писал, соглашаясь с Д. Нащинским: «Сия вольфианская философия ничего не предлагает, разве на опытах и демонстрациях» [3, с. 34–35].

Развивая естественно правовую теорию Лейбница, Вольф считал, что основной принцип естественного права – совершать действия, которые способствуют совершенству человека и его состояния. Чтобы человеку достичь высокой степени совершенства, необходимо способствовать и совершенству других людей [11, с. 40]. В свою очередь, Георгий Конисский имеет схожую позицию, он, в частности, пишет: «Если разные люди стремятся к различному благу и каждый устремляет свои действия к своей цели, то они не могут друг другу помочь, расходятся противоположными путями, не могут сойтись в одну общину; отсюда ссоры, несогласия, войны, а так не будет стойкого и устойчивого личного счастья» [3, с. 127]. Косвенным подтверждением того, что Г. Конисский придерживался естественно-правовой теории является наличие в его личной библиотеке трактата «*Jus naturae*» [7, с. 25].

Философские, правовые и политические воззрения Г. Конисского соответствуют идеям Нового времени. Основа – простота понятий и обоснование теоретических положений с помощью практической деятельности.

Так, по мнению П.С. Шкуринова, сильное влияние на формирование мировоззрения и научную деятельность Г. Конисского оказали воззрения таких белорусских мыслителей как, Ф. Скорина, А. Волан, С. Будный, К. Лыщинский, в учении которых он почерпнул гуманистическую интерпретацию Священного Писания и понимание свободомыслия [4, с. 154].

Известно, что Ф.Скорина обосновывал необходимость верховенства права в государстве, справедливость во всех сферах общественных отношений, особенно в сфере правосудия. Мыслитель писал: «Да судят людей судом справедливым, и да не уклонятся ни на жадную старану, ни да не зрят на лица и не принимают даров... Не справовали суть их, яко цари или властители, вышний силу имеющие над ними, но яки ровнии и товариши, раду им даючи и справедливость меж ими чинячи» [12, с. 69]. В свою очередь Г. Конисский писал: «Сколь таких, как ... все милости...обращают в выгоды самим себе; ... власть – в наглость, защищение – в разбой, судьи правоту – в лихоимство...» [3, с. 44]. Обличая судей, Г. Конисский высказывает схожие со Скориной идеи о том, что судья должен быть человеком справедливым, независимым и действовать только на основании закона. Подобную мысль Г. Конисский излагает также в одном из эпизодов своей драмы «Воскресение мертвых», описанной ниже.

Говоря о влиянии белорусских мыслителей на позицию Г. Конисского, стоит обратить внимание на общественно-политические идеи деятеля XVI в. А. Волана. А. Волан говорил, что лучшая форма правления – та, которая способна поддержать социальный мир и гармонию, поэтому считал просвещенную монархию, компетенции которой ограничиваются исполнительными функциями, политическим идеалом. Он говорил о том, что «...никакие добрые и гуманные намерения правителя не могут защитить человека от произвола правителя. Любая власть неизбежно перерастет в тиранию, если не будет существовать совершенного законодательства, которое будет регламентировать и ограничивать ее деятельность». «Государство образуется с той целью, чтобы люди могли счастливо и благословенно проводить свою жизнь», – писал А.

Волян [13, с. 66]. Подобные взгляды мы встречаем и у Г. Конисского, что в определенной мере свидетельствует о его знакомстве с работами указанных белорусских мыслителей, чьи идеи наверняка были широко известны в Киево-Могилянской академии.

Следует отметить, что, начиная со второй половины XVII в. в лекционных курсах профессоров Киево-Могилянской академии возрастает тенденция разграничения философии и теологии по предмету и методу, однако еще долгое время теологию, поэтику, логику, право и политику будут преподавать в рамках именно философского знания.

Только после двух лет упорного труда в академии, в 1745 г., Георгий Конисский становится за профессорскую кафедру и читает свой курс поэтики «Правила поэтического искусства, из авторов, изучающих естество поэзии, кратко, с нужнейшими наблюдениями, собранные и в пользу студенческой молодежи изложенные и истолкованные в родной академии 1746 г.» [3, с. 25]. Стоит отметить, что Г. Конисский был последним лектором академии, который своими силами подготовил подобный курс, все его последователи пользовались уже ранее написанными курсами, не составляя их самостоятельно.

В период преподавания Г. Конисского в академии там сложилось два основных философских направления: аристотелизм и философская мысль Нового времени. В своем учении Г. Конисский не отождествлял истины богословия и научные знания, он отличал разум и веру, хотя и не противопоставлял их друг другу [8]. Богословское «так хочет Бог» Г. Конисский заменяет научным «такова закономерность природы». Таким образом, видится отход от средневековой схоластики, насквозь пронизанной религиозными нормами в том числе в праве, и намечается переход к философии Нового времени, в которую входят естественно-правовые взгляды. Г. Конисский не боится признаться своим слушателям и студентам, что чего-то не знает, и когда не может найти какого-либо рационального тезиса в доказательство того или иного довода, то говорит: «Вообще, к Богу прибегают тогда, когда причины явлений неизвестны...» [3, с. 86]. Можно сказать, что Г. Конисский в первую очередь все-таки ученый Нового времени, который отлично осознает место религии и науки в современных ему реалиях. Он старается всеми силами продвинуть науку на качественно новое место, для развития не только научного знания, но и общества в целом.

Особое место в творческом наследии академического периода Г. Конисского занимает драма-проповедь «Воскресеніє мертвих обще убо всім будуще, но страждущим всім неповинно в віці сем блаженно, а обидящим гибельно; в п'яти дійствіях в пользу чающим оного показанное Георгієм Коніцким, 1746 літа» (или просто – «Воскресение мертвых»). Драма была написана Георгием Конисским по случаю окончания прочтения курсов своим студентам и поставлена бурсаками для зрителей. Центральным действием драмы, исходя из названия, является один из основополагающих принципов христианского учения о всеобщем воскресении умерших, которое будет предшествовать Страшному Суду. Смысл драмы – напомнить людям о вышеупомянутом основополагающем принципе христианской веры, ведь, несмотря на его догматичность, были философские течения (саддукеи), отрицавшие воскресение как таковое. Как указывает И. Минькевич, драма Г. Конисского «направлена против отрицающих будущую жизнь, каких было не мало в то время среди киевской интеллигенции» [1, с. 117]. Однако в основе драмы лежит не только религиозно-морализаторский аспект, но и важная социально-политическая и правозащитная проблематика, которые беспокоили Г. Конисского.

Мыслитель выходит за рамки академических религиозных аспектов, его призывы к праведной жизни выливаются в обличение существовавших порядков. Его беспокоит правовое положение нижних слоев общества, проживающих не только в принадлежащей России части Украины, но и в Речи Посполитой, что конечно же обусловлено передовым характером политической и правовой мысли Г. Конисского. Отметим, что к моменту написания произведения началось угнетение беднейшего крестьянства Украины со стороны казацкой верхушки, захват земель мелкого казачества. Казацкая верхушка пыталась всеми силами попасть в дворянское сословие, а для этого необходимо было иметь как можно больше крепостных и земли. Поэтому, с молчаливого согласия чиновников и судов, казацкая верхушка творила беззаконие уже даже в отношении простых вольных казаков, которые охранялись царским указом. В связи с этим критике Г. Конисского подверглись не только сама казацкая верхуш-

ка, но судьи и помещики, чиновники, занимавшиеся воровством и взяточничеством. В этом произведении Георгий Конисский становится защитником угнетенных и обиженных, тех, кто не может защитить свое доброе имя даже в суде, ибо обидчик его «сам в суде восседает»:

«...И в вишшем суде маю патронов излишше;

Нехай только кто схощет правду захищати...» [14, с. 43].

В своем труде Г. Конисский поднимал также иные важные социальные аспекты жизни общества того времени, которые обязан был затронуть с точки зрения морали, религии и своих внутренних убеждений. Кроме того, важным направлением в драме являлся национальный вопрос.

К моменту создания произведения в Речи Посполитой начались процессы распада государственности, Гетманщина с преимущественно украинским населением была присоединена к России еще в XVII в., поэтому основная борьба была направлена на присоединение белорусских земель. Именно тогда возник проект существования трех славянских народов – русских, белорусов и украинцев в рамках одного (по сути, имперского) православного государства. Религиозный вопрос стал основным предлогом для обоснования необходимости присоединения к Российской империи территорий современной Беларуси и Украины. Данная идеологема продвигалась на всех уровнях, и Г. Конисский как представитель просвещенного духовенства всецело ее разделял.

Основными персонажами интерлюдий драмы становятся мужик (украинец), литвин (белорус), москаль, еврей, цыган и главный злодей драмы – лях (польский шляхтич). Мужик и еврей терпят издевательства ляха, который убивает невинного дьячка. За все страдания мужика мстит москаль, а убийцу-ляха топят в болоте мужик с литвином [3, с. 29]. Г. Конисский обращает внимание на правовую незащищенность православного населения Речи Посполитой, и подобная развязка намекает на необходимость консолидации сил украинского и белорусского народа в борьбе против полонизации и засилья католичества. Неприязнь к данным социально-политическим явлениям Георгий Конисский пронесет через всю жизнь, сделав многое для недопущения окончательного окатоличивания и полонизации в первую очередь белорусских земель.

Стоит также подчеркнуть, что ранее украинские авторы до Г. Конисского писали о субъекте, защищавшем простых людей, как о казаке-запорожце (например, интерлюдии Довгалевского), Г. Конисский же основной акцент в своих литературных произведениях делает на москаля (русского): «Слава ж Богу! Щіось гуде, ні би то наши!», восклицает мужик, услышав песню москаля [2, с. 376]. Г. Конисский полагает, что для украинцев и белорусов взаимодействие с русским народом является условием их экзистенциального выживания в данную историческую эпоху.

В целом академический период Георгия Конисского, который закончился в 1755 г., когда он был назначен архиепископом Могилёвским, Мстиславским и Оршанским в единственной православной епархии в Речи Посполитой, был весьма плодотворным, значительным и важным. Согласно оценкам современников, Георгий Конисский был одним из лучших ректоров академии в XVIII в. после Ф. Прокоповича [8].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Формирование политических и правовых взглядов Георгия Конисского было изначально обусловлено воспитанием и проживанием в традиционной христианской культуре украинского общества. Именно период детства в казацком окружении сформировали Г. Конисского как человека, готового прийти на помощь обиженным и угнетенным. Поступление в Киево-Могилянскую академию стало для интеллектуально одаренного молодого человека прологом его дальнейшей общественной и политической деятельности.

2. Обучение, а затем преподавание в Киево-Могилянской академии, которая была центром интеллектуальной элиты народов Восточной Европы, стало основой формирования философско-религиозных, политических и правовых взглядов Г. Конисского. Важным также является и то, что академия имела тесные связи с белорусской землей, которая входила в одно образовательное пространство с украинскими и другими землями. Становлению Г. Конисского как ученого способствовали не только мыслители из Западной Европы, но и белорусские мыслители. Особо четко прослеживается влияние на его взгляды естественно-правовой теории. Именно с такими понятиями, как свобода и счастье человека, он связывал гармоничное развитие общества. Особое место в становлении ученого имели белорусские просветители А. Волан и Ф. Скорина. Их идеи были восприняты Г. Конисским ввиду их понятности, что обусловлено

единым геокультурным пространством, которое в XVIII в. составляли земли Гетманщины и территория современной Беларуси. Формирование взглядов, основанных на свободе развития каждого человека, позволили Г. Конисскому стать поистине уникальным мыслителем своего времени.

3. Особое место в творческом наследии Георгия Конисского занимает его драма-моралите «Воскресение мертвых», в которой поднимается не только актуальный на то время религиозный аспект, но и сложные социальные и политические вопросы. Социальная несправедливость, угнетение богатыми бедных, борьба добра со злом и правовая незащищенность православного населения в Речи Посполитой стали основой драматического произведения. В ней также поднимается вопрос единства украинского и белорусского народа в борьбе против колонизации и окатоличивания. В целом в этом произведении можно увидеть начало формирования политических и правовых взглядов Георгия Конисского, которые будут развиты несколько позже, уже после его назначения архиепископом Могилёвским, Мстиславским и Оршанским.

4. Таким образом, академический период (1728–1755) в жизни Георгия Конисского стал основополагающим, предопределив его дальнейшие политические, правовые и философские взгляды.

Литература

1. Минькевич, И. Георгий Конисский, архиепископ Белорусский (1717 – 13 февраля 1795 года) / И. Минькевич // Черниг. епарх. изв. (прибавление). – 1895. – № 4. – С. 116–126.
2. Петров, Н. И. Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков : Киевская искусственная литература XVII–XVIII вв., преимущественно драматическая / Н. И. Петров. – Киев : Тип. АО «П. Барский», 1911. – 532 с.
3. Кашуба, М. В. Георгий Конисский / М. В. Кашуба. – М. : Мысль, 1979. – 173 с.
4. Шкуринов, П. С. Философия России XVIII века : учеб. пособие / П. С. Шкуринов. – М. : Высш. шк., 1992. – 256 с.
5. Философская мысль в Киеве : ист.-филос. очерк / В. Д. Белодед [и др.] ; редкол.: В. И. Шинкарук (отв. ред.) [и др.]. – Киев : Навук. думка, 1982. – 357 с.
6. Лясков, А. Я. Влияние идей Лейбница на правовые и политические взгляды Георгия Конисского / А. Я. Лясков // Юридическая наука: история, современность, перспективы (по результатам научно-исследовательской работы «Проблемы Каспия в современном национальном и международном праве» : IX Междунар. науч.-практ. конф., Астрахань, 21 февр. 2018 г. / Междунар. юрид. гос. ин-т, Астрах. фил. ; сост. Е. В. Пчелкина. – Астрахань, 2018. – С. 165–176.
7. Ляскоў, А. Я. Дзейнасць Георгія Каніскага па абароне правоў прываслаўнага насельніцтва Рэчы Паспалітай / А. Я. Ляскоў // Беларус. гіст. часоп. – 2018. – № 8. – С. 24–29.
8. Ляскоў, А. Я. Станаўленне і эвалюцыя прававых і палітычных поглядаў архіепіскапа Георгія Каніскага [Электронны рэсурс] / А. Я. Ляскоў // Праваслаўе. – 1998. – № 7. – Рэжым доступу : <http://spsobor.by/bractva/vilna/publisWorthodox/10430>. – Дата доступу : 27.02.2023.
9. Сомов, С. Э. Мировоззренческие истоки творчества Георгия Конисского / С. Э. Сомов // Итоги научных исследований ученых МГУ им. А.А. Кулешова 2021 г : матер. науч.-метод. конф., Могилев, 27 янв. – 11 февр. 2022. / Могилев. гос. ун-т ; под ред. Н. В. Маковской, Е. К. Сычовой. – Могилев, 2022. – С. 29–30.
10. Георгий (Конисский). Слова и речи Георгия Конисского, архиепископа Могилевского / Георгий (Конисский). – Могилев на Днепре : Изд. ред. Могилев. епарх. ведомостей, 1892. – 466 с.
11. Перевезенцев, С. В. Учитель М.В. Ломоносова. Теория естественного права в трудах Христиана Вольфа / С. В. Перевезенцев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. – 2008. – № 3. – С. 33–46.
12. Довнар, Т. И. Основания и результаты систематизации законодательства в Великом княжестве Литовском в XVI в. / Т. И. Довнар // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. ; Междунар. ун-т «МИТСО», Центр частноправовых исслед. Науч.-исслед. ин-та трудовых и соц. отношений. – Минск, 2013. – Вып. 2. – С. 65–99.
13. Доўнар, Т. І. Андрэй Волан – беларускі філосаф і прываслаўца XVI стагоддзя / Т. І. Доўнар // Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 8. – С. 75–77.
14. Конисский, Г. Воскресение мертвых / Г. Конисский // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым : в 5 т. – М., 1861. – Т. 3. – 1861. – С. 39–58.

К вопросу об условиях и основаниях конституционной ответственности

В.А. БРИЛЁВА

Статья посвящена институту конституционной ответственности как самостоятельному виду юридической ответственности, рассмотрены особенности субъектов ответственности, дефиниций «конституционная» и «конституционно-правовая» ответственность. Автор анализирует «условия» и «основания» конституционной ответственности в направлении обоснования особенностей и различий данных понятий. В результате исследования автором аргументированы нормативные, фактические и процессуальные основания конституционной ответственности, установлено соотношение категорий «условия» и «основания» ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, конституционная ответственность, субъекты конституционной ответственности, условия конституционной ответственности, основания конституционной ответственности.

The article is devoted to the institute of constitutional responsibility as an independent type of legal responsibility, the peculiarities of the subjects of responsibility, definitions of «constitutional» and «constitutional-legal» responsibility are considered. The author analyses the «conditions» and «grounds» of constitutional responsibility in the direction of substantiating the peculiarities and differences of these concepts. As a result of the research the author argues normative, factual and procedural grounds of constitutional responsibility, establishes the correlation between the categories of «conditions» and «grounds» of responsibility.

Keywords: legal responsibility, constitutional responsibility, subjects of constitutional responsibility, conditions of constitutional responsibility, grounds of constitutional responsibility.

В юридической литературе вопрос видовой дифференциации юридической ответственности является дискуссионным. Наряду с уголовной, административной, гражданско-правовой, материальной и дисциплинарной ответственностью, признанными «классическими» видами юридической ответственности, сегодня доктринально аргументированными выступают конституционная, политическая, налоговая, финансовая, экологическая, процессуальная ответственность.

Институт конституционной ответственности выступает предметом исследования широкого спектра ученых: Г.А. Василевича [1], [2], С.А. Авакьяна [3], [4], В.А. Виноградова [5], [6], Н.В. Витрука [7], А.В. Зиновьева [8], Н.М. Колосовой [9], В.О. Лучина [10], Д.И. Назарова [11], С.Э. Несмеяновой [12], Ж.И. Овсепян [13], А.А. Подупейко [14] и других. Некоторые исследователи отграничивают понятия «конституционная» и «конституционно-правовая ответственность». В первом случае конституционно-правовая ответственность – это вид юридической ответственности, последствия которой претерпевают субъекты конституционно-правовых отношений с целью защиты норм Конституции в результате совершения деяний несоответствующих нормам Конституции и других источников конституционного права. Во втором – под конституционной ответственностью исследователи понимают нарушения или отклонения от норм Конституции [1], [3], [5], [9]–[10]. В свою очередь, профессор А.А. Подупейко называет обозначенные доктринальные терминологические категории ответственности «прямой», то есть предусмотренной нормами конституционного права, и «непрямой», наступающей на основании норм других отраслей права [14, с. 148]. В рамках данного исследования под термином конституционная ответственность понимается совокупность норм конституционного права, применяемых к субъектам конституционно-правовых отношений с целью защиты Конституции.

Конституционной ответственности свойственны принципы более общего института, то есть юридической ответственности: законности; обоснованности применения; запрещения двойных карательных санкций; соразмерности правонарушения и наказания; справедливости; неотвратимости наказания; своевременности ответственности; состязатель-

ности; права на защиту. Комплексный институт конституционной ответственности имеет специфический состав субъектов, которых объединяет участие в конституционно-правовых отношениях, возможность претерпевать особые ограничения. В целях ограничения конституционной ответственности от политической следует использовать расширительный подход к трактовке субъектов конституционной ответственности. Следовательно, к последним, наряду с государством, государственными органами и должностными лицами, целесообразно относить любого участника конституционно-правовых отношений, поступающего вразрез с нормами Конституции.

Таким образом, субъектами конституционного права выступают государство; государственные органы; местные Советы депутатов; органы общественного самоуправления; негосударственные организации, например, политические партии, общественные объединения, организации; должностные лица; граждане; группы граждан; иностранные граждане, лица без гражданства. Например, Конституция Республики Беларусь возлагает на государство обязанность «за создание условий для свободного и достойного развития личности» (ст. 2). Деятельность политических партий и общественных объединений может быть признана не соответствующей Конституции. Согласно ст. 123 Конституции Республики Беларусь «местный Совет депутатов может быть распущен Советом Республики в случае систематического или грубого нарушения требований законодательства». Граждане выступают субъектами конституционной ответственности в силу возможности в некоторых случаях ограничения активного и пассивного избирательного права.

Следует отметить отсутствие доктринального единства в контексте оснований конституционной ответственности. Представляется обоснованным выделение трех оснований конституционной ответственности: нормативного, фактического и процессуального. В то же время некоторые исследователи выделяют моральные основания конституционной ответственности.

Прежде чем дать характеристику оснований конституционной ответственности, следует проанализировать вопрос соотношения понятий «условия» и «основания» конституционной ответственности. В юридической литературе не отграничиваются указанные категории. В то же время следует отметить, что конституционно-правовое деяние будет основанием ответственности только при констатации соответствующих условий, необходимых для привлечения к ответственности. В результате анализа конституционно-правовых норм следует относить к «условиям» предусмотренные нормами требования, которым должно отвечать основание. Таким образом, при отсутствии определенных условий конституционно-правовой деликт не является юридически значимым. Так, условиями конституционной ответственности являются: наличие гражданства Республики Беларусь; достижение установленного возраста, наличие дееспособности; деликтоспособность субъектов конституционной ответственности и другие. Например, профессор А.А. Подупейко не разграничивает понятия «условия» и «основания» конституционной ответственности, использует как синонимы. К условиям ответственности профессор относит «совершение противоправного деяния, не отвечающего требованиям норм конституционного права» [14, с. 147], а также «достижение возраста 18 лет и наличие дееспособности физического лица» [14, с. 148].

Фактическим основанием конституционной ответственности является конституционный деликт, то есть деяние субъекта конституционно-правовых отношений, нарушающее нормы Основного закона или не соответствующее им и обуславливающее применение мер конституционной ответственности. Так, полномочия депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь могут быть досрочно прекращены в случаях невыполнения депутатом обязанностей, не оправдания доверия избирателей, нарушения законодательных актов Республики Беларусь.

Особенностью фактического основания конституционной ответственности является возможность ее наступления при отсутствии конституционно-правового нарушения, то есть в условиях констатации «несоответствия действия субъекта более высокому интересу, нецелесообразности действия, нежелательного поведения, недостижения необходимо-

го результата, неправильной оценки ситуации или своей роли, неудовлетворительной работы, плохой постановки дела, создания нездоровой атмосферы в коллективе аппарата, издержек стиля руководства и т. п.» [3, с. 22].

Нормативным основанием конституционной ответственности являются нормы Основного закона, констатирующие социально-полезное поведение и последствия отступления от него.

Установление факта совершения конституционного деликта уполномоченным органом и применение соответствующих мер конституционной ответственности обуславливают процессуальное основание ответственности. В частности, определение способа привлечения к ответственности; субъекта, правомочного налагать меры ответственности; констатация процессуальных сроков, условий освобождения от конституционной ответственности.

Наряду с нормативными, фактическими, процессуальными основаниями конституционной ответственности некоторые исследователи выделяют моральные основания ответственности. Так, С.А. Авакьян полагает, что основания конституционной ответственности могут быть определены с помощью нравственных (моральных) критериев: «нарушение субъектом этических норм иногда достигает такого предела, когда и юридически его поведение признается неправомерным, вызывая государственно-правовую ответственность» [3, с. 23].

Д.Т. Шона полагает, что формулировки «не оправдал доверия» или «совершил действия, недостойные высокого звания» свидетельствуют о нарушении норм морали и нравственности и являются основанием конституционной ответственности [15, с. 39]. По мнению О.Е. Кутафина нравственные критерии, предъявляемые к представителям государственной власти, обусловлены общественным контролем, являющимся результатом трансформации народного суверенитета.

Нормативные правовые акты Республики Беларусь предусматривают нормы, устанавливающие наступление неблагоприятных последствий в отношении субъектов конституционной ответственности, совершивших аморальный проступок. Например, депутат местного Совета, Палаты представителей несет ответственность за несоблюдение норм депутатской этики (ст. 7 Закона «О статусе депутата местного Совета депутатов Республики Беларусь», ст. 257, 270 Регламента Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь); основанием дисциплинарной ответственности является нарушение судьей Кодекса чести судьи (ст. 92 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей); предусматривается «применение мер ответственности за совершение действий, дискредитирующих члена Совета Республики, члена избирательной комиссии, государственного служащего» [16].

В результате исследования представляется возможным констатировать необходимость терминологического разграничения понятий «условия» и «основания» конституционной ответственности. К «условиям» конституционной ответственности относятся требования, предусмотренные конституционно-правовыми нормами, которым должно отвечать основание. Последнее не является юридически значимым при отсутствии определённых условий. Конституционный деликт, установление факта его совершения уполномоченным органом и применение соответствующих мер ответственности, конституционные нормы, предусматривающие социально-полезное, нравственное поведение и последствия отступления от него, обуславливают фактические, процессуальные, нормативные и моральные основания конституционной ответственности.

Литература

1. Василевич, Г. А. Конституционно-правовая ответственность – особый вид юридической ответственности / Г. А. Василевич // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. – 2001. – № 1. – С. 104–111.
2. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь : учеб. пособ. / Г. А. Василевич. – 2-е изд. – Минск, 2021. – 407 с.
3. Авакьян, С. А. Государственно-правовая ответственность : учеб. пособ. / С. А. Авакьян // Советское государство и право. – 1975. – № 10. – С. 16–24.
4. Авакьян, С. А. Санкции в советском государственном праве / С. А. Авакьян // Советское государство и право. – 1973. – № 11. – С. 29–36.

5. Виноградов, В. А. Конституционная ответственность : вопросы теории и правовое регулирование / В. А. Виноградов. – М., 2000. – 287 с.
6. Виноградов, В. А. Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности / В. А. Виноградов // Законодательство. – 2002. – № 10. – С. 55–64.
7. Витрук, Н. В. Конституционная ответственность : вопросы теории и практики / Н. В. Витрук // Конституционно-правовая ответственность : проблемы России, опыт зарубежных стран : сб. науч. ст. – М., 2001. – 356 с.
8. Зиновьев, А. В. Конституционная ответственность / А. В. Зиновьев // Известия высших учебных заведений. – 2003. – № 4. – С. 4–16.
9. Колосова, Н. М. Конституционная ответственность в Российской Федерации : ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства РФ : учеб. пособ. / Н. М. Колосова. – М. : Городец, 2000. – 192 с.
10. Лучин, В. О. Теоретические проблемы реализации конституционных норм : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / В. О. Лучин. – М., 1993. – 83 с.
11. Назаров, Д. И. Ответственность в конституционном праве / Д. И. Назаров, И. С. Назарова // Конституционное и муниципальное право. – 2001. – № 1. – С. 14–21.
12. Несмеянова, С. Э. К вопросу о конституционной ответственности / С. Э. Несмеянова // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 4. – С. 18–26.
13. Овсепян, Ж. И. Критерии конституционной ответственности / Ж. И. Овсепян // Северокавказский юридический Вестник. – 2001. – № 4, ч. 1. – С. 5–15.
14. Подупейко, А. А. Субъекты конституционно-правовой ответственности в законодательстве Республики Беларусь / А. А. Подупейко // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2017. – № 2 (34). – С. 147–151.
15. Шон, Д. Т. Конституционная ответственность / Д. Т. Шон // Государство и право. – 1995. – № 7. – С. 35–42.
16. Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей от 29 июня 2006 г., № 139-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего уголовно наказуемое деяние в состоянии алкогольного опьянения

А.Г. ГОРБЕЛЬ

Рассматривается криминологическая характеристика личности преступника, совершившего уголовно наказуемое деяние в состоянии алкогольного опьянения. Представлены ее основные признаки, характеристики, свойства, социальные связи и позиции на уровне семьи, в сфере труда, неформального общения, отношения к совершенному преступлению, порядку отбывания наказания. На их основе сформирован обобщенный криминологический портрет преступника с указанным видом отклоняющегося поведения.

Ключевые слова: личность преступника, личность преступника, совершившего уголовно наказуемое деяние в состоянии алкогольного опьянения, пьянство, злоупотребление алкоголем, алкогольные напитки, асоциальное поведение.

The criminological features of the identity of a criminal who committed a criminal act under the influence of alcohol are considered. The main signs, characteristics, properties, social ties and positions at the family level, labor, informal communication, attitudes to the committed criminal act, the procedure for serving the sentence are presented. On their basis the generalized criminological portrait of a criminal with the specified type of deviant behavior is formed.

Keywords: criminal's identity, identity of a person who committed a criminal act under the influence of alcohol, drunkenness, alcohol abuse, alcoholic beverages, antisocial behavior.

Введение. В криминологии личность преступника рассматривается шире, чем то, что определяет его как лицо, совершившее преступление, ибо она представляет собой взаимосвязь как положительных, так и отрицательных свойств [1, с. 8]. Данная аксиома применима к личности преступника, совершившего уголовно наказуемое деяние, как в трезвом виде, так и в состоянии алкогольного опьянения.

Впервые в советской криминологии вопрос об изучении личности преступника был поставлен А. Б. Сахаровым. Для устранения перекоса в юридическом понимании субъекта преступления он указал на ограниченность его рассмотрения в уголовном праве в рамках учения о преступлении и его составе с акцентом на вменяемость, возраст, уголовную правоспособность, понятие специального субъекта. Им предложено расширить формат исследования личности виновного, то есть преступника, усилив социологическую составляющую посредством изучения условий его жизни, окружения, обстановки в семье, учебном, трудовом коллективе, условий интеллектуального развития, наличия вредных привычек, обстоятельств формирования криминальной мотивации [2, с. 18–19].

В изданной в середине 70-х гг. XX в. коллективной монографии говорится, что «криминологическая характеристика личности преступника представляет собой систему черт, которые в своей совокупности характеризуют лицо, совершившее то или иное преступление, различные стороны и проявления его общественного существования и жизненной практики, и которые прямо или косвенно связаны с подобным антиобщественным поведением человека, обуславливают либо облегчают совершение преступления или помогают понять причины его совершения». Здесь же предложена схема криминологической структуры личности преступника: социально-демографические и уголовно-правовые признаки; социальные проявления в различных сферах общественной жизни; нравственные свойства; психологические особенности [3, с. 31–37].

Несколько иная трактовка данному феномену предлагается другими специалистами. Так, В.В. Лунеев под личностью преступника понимает человека, виновно совершившего уголовно наказуемое деяние, обладающего совокупностью социальных криминологически значимых свойств, которые во взаимодействии с криминогенными факторами внешней среды обусловили преступное поведение [4, с. 614].

Ю.М. Антонян и В.Е. Эминов понятие личности преступника рассматривают как совокупность интегрированных негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных систематических взаимодействий с другими людьми [5, с. 7–33].

Рассмотренные общетеоретические представления о личности преступника выступают отправной точкой для исследования криминологических аспектов личности лица, совершившего преступление в состоянии алкогольного опьянения.

Основная часть. Криминологическая наука основывается на положении о необходимости изучить такую личность, ее отличительные признаки и особенности, структуру, индивидуальные способности, так как она выступает одной из значимых криминологических проблем по следующим основаниям:

– во-первых, изучение преступников, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, является основой для правоохранительных и иных органов при планировании, организации и проведении профилактических мероприятий среди граждан, наиболее склонных к злоупотреблению алкоголем и совершению правонарушений, а также лиц, осужденных за преступление, совершенное в состоянии алкогольного опьянения, после их освобождения из исправительного учреждения;

– во-вторых, без всестороннего исследования такой личности сложно разработать эффективную систему индивидуальной воспитательной работы с осужденными, страдающими хроническим алкоголизмом и отбывающими наказание в исправительных учреждениях Беларуси, а также с гражданами, направленными в лечебно-трудовые профилактории.

Следует отметить, что в криминологической теории отсутствует определение личности преступника, совершившего уголовно наказуемое деяние в состоянии алкогольного опьянения. В связи с этим считаем целесообразным ввести в оборот определение личности преступника, совершившего уголовно наказуемое деяние в состоянии алкогольного опьянения. Под ним следует понимать совокупность негативных личностных свойств, в силу которых лицо вследствие употребления алкоголя и наличия ситуации совершает общественно опасное деяние, ответственность за которое предусмотрена особенной частью Уголовного Кодекса Республики Беларусь.

Введение в научный оборот такой дефиниции позволяет дополнить криминологическую теорию, устанавливает единообразное понимание и применение данного термина, а также может выступать теоретической основой для формирования национального законодательства, современной правоприменительной практики.

В криминологии также отсутствует криминологический портрет, информационная модель личности преступника, совершившего уголовно наказуемое деяние в состоянии алкогольного опьянения. Для устранения данного пробела нами было проведено углубленное исследование, в основу которого положен анкетный опрос лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения.

В анкетировании приняли участие 1 091 гражданин, из них 510 женщин и 581 мужчина. Полученные результаты позволили составить среднестатистический криминологический портрет личности преступника, совершившего уголовно наказуемое деяние в состоянии алкогольного опьянения, с вычленением ее признаков, свойств и качеств.

Содержание вопросов анкеты сформулированы на основе наиболее часто используемых в криминологической науке характеристик структуры личности преступника. Первый блок включает в себя социально-демографические признаки: пол, возраст, образование, семейное положение, социальный статус, место жительства.

Возрастная характеристика респондентов показывает, что чаще всего в состоянии алкогольного опьянения преступление совершают граждане среднего возраста (от 31 года до 40 лет – 38,8 %). Группа граждан в возрасте от 41 года до 50 лет составляет 30,8 %, в возрасте от 21 года до 30 лет – 18,6 %, 11,0 % – лица старше 51 года. Полученные результаты позволяют отметить, что низкий уровень склонности к пьянству и совершению уголовно наказуемых деяний характерен для граждан 18–20 лет – 0,8 %.

Отдельно обращает на себя внимание тот факт, что большинство лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения (69,6 %), составляют граждане трудоспособного возраста от 31 года до 50 лет. Следует отметить, что для большинства лиц, злоупотребляющих алкоголем, характерна частая смена места работы, а значительная доля нетрудоустроенных составляют рецидивисты-алкоголики. По мнению Г.В. Антонова-Романовского, алкоголики совершают тяжкие преступления против личности в десять раз чаще, чем лица, относящиеся к остальным категориям общества [6, с. 15].

Все респонденты, принявшие участие в анкетировании (100 %), являются гражданами Республики Беларусь.

Установлено, что среднее образование имеют 43,4 % респондентов, 40,0 % получили среднее специальное образование, базовое – 13,4 %, высшее – 2,8 %, не имеют образования – 0,4 %. Полученные данные указывают на преобладание лиц, не имеющих высшего образования, что сказывается на узком круге интересов и потребностей, выборе друзей, приемов и методов общения, форм проведения досуга, проявляющегося в частоте употребления алкогольных напитков. Это свидетельствует о существовании прямой связи между алкогольной зависимостью, асоциальным поведением и уровнем образования.

Результаты успеваемости при освоении общеобразовательной программы показывают следующую картину: в ходе обучения 49,4 % респондентов получали хорошие оценки, 46,0 % – удовлетворительные, отличные – 4,6 %. При этом в процессе обучения треть респондентов не пропускали занятия без уважительных причин. 61,1 % изредка пропускали уроки, часто отсутствовали на занятиях без уважительных причин 8,9 % респондентов.

Исследование показало, что большинство преступников, совершивших уголовно наказуемое деяние в состоянии алкогольного опьянения (60,0 %), проживают в городах, 38,9 % являются жителями сельской местности. Не имеют постоянного места жительства 1,1 %. Такая ситуация объясняется стремительной урбанизацией.

Данные о социальном положении и роде занятий личности преступника, совершившего уголовно наказуемое деяние в состоянии алкогольного опьянения, позволили установить, что 94,6 % респондентов относят себя к рабочему классу, 2,7 % – к служащим и 2,0 % – к предпринимателям, 0,5 % являлись пенсионерами, 0,2 % – учащимися.

72,0 % респондентов имели постоянное место работы. Заслуживает внимания тот факт, что 78,0 % трудоустроенных респондентов в целом были довольны своей работой, однако почти каждый второй допускал прогулы по причине злоупотребления алкоголем. Вместе с тем 71,0 % работающих понимали и признавали, что пьянство мешает выполнению трудовых обязанностей.

Изучение семейного положения показало, что 32,5 % респондентов не вступали в брак, 21,4 % состоят в законных брачных отношениях, разведены – 29,3 %, 10,2 % – сожительство, 6,6 % имеют статус вдовы (вдовца). Следовательно, значительная доля респондентов (61,8 %) не состоят в браке (32,5 % холостые и 29,3 % разведенные).

Изучение семейного благополучия показало, что 18,6 % респондентов выросли в неблагополучной семье. У многих респондентов (91,1 %) мать и отец не были лишены родительских прав. 81,5 % респондентов сообщили, что родители не состояли на учете в наркологическом диспансере, в свою очередь 18,5 % указали, что родители наблюдались у нарколога.

Согласно результатам опроса, 45,9 % респондентов приобщили к спиртному друзья, 36,6 % считают, что их вовлечению в пьянство способствовало общество, 8,2 % – телевидение, 7,1 % пристрастились к алкоголю, посмотрев рекламу, 4,6 % – фильмы.

Первое знакомство с алкоголем у 3,1 % произошло в возрасте до 5 лет, 4,0 % впервые употребили спиртное в возрасте 5–10 лет, 35,2 % – в возрасте 10–15 лет, 40,0 % – 15–20 лет, 14,7 % – 20–25 лет, 3,0 % – в 25 лет и старше. Таким образом, можно сделать вывод, что большинство граждан знакомятся с алкоголем в подростковом возрасте.

Изучение вида впервые потребляемого спиртного напитка показывает, что почти каждый второй респондент (45,4 %) употреблял пиво, 26,5 % – вино, 17,8 % решились попробовать водку, 4,9 % – самогон, 5,4 % – иные алкогольные напитки (шампанское, ликер, коньяк). При первом употреблении преобладающей части респондентов (почти 80 %) алкогольные напитки на вкус не понравились.

Перечень употребляемых алкогольных напитков весьма разнообразен. Как правило, лица, злоупотребляющие алкоголем, отдают предпочтение одному виду алкогольного напитка. 28,0 % респондентов предпочитали пить вино, 46,2 % – водку, 29,3 % – пиво, 5 % – самогон, 1,4 % выбирали иные алкогольные напитки (коньяк, шампанское).

Чаще всего первое знакомство с алкоголем происходит тайне от родителей, что подтверждается данными, полученными в ходе анкетирования. Так, 79,9 % респондентов ответили, что их родители не знали о первом употреблении ими алкоголя. Самым распространенным местом распития алкогольных напитков является улица, об этом указали 39,3 % респондентов. 36,8 % впервые употребили алкоголь в гостях, 9 % – в баре либо ресторане, 6,5 % – в семье, 8,4 % в иных местах (на дискотеке, выпускном, работе).

Чаще всего лица, совершившие преступление в состоянии алкогольного опьянения, употребляли алкоголь вечером (72,2 %), 23,6 % – днем, 10 % – утром и 4,9 % – ночью. Полученные данные

показывают, что основной формой вечернего проведения досуга лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, выступает систематическое потребление алкогольных напитков.

Как показали результаты опроса, 74,6 % респондентов в своем окружении имели лиц, злоупотребляющих алкоголем либо судимых за преступления, что говорит о массовой алкоголизации и криминализации их ближайшего социального окружения.

Значительная доля респондентов (68,8 %) состояли на учете у нарколога, из них 56,6 % проходили курс лечения от хронического алкоголизма, при этом почти каждый второй полагает, что лечение оказало на него положительное воздействие.

94,3 % респондентов привлекались к уголовной ответственности. При изучении отношения виновного к совершенному преступлению 84,7 % признали вину в совершенном в состоянии алкогольного опьянения преступлении, 15,3 % считали себя невиновными. 74,7 % считают назначенное судом наказание справедливым. 25,3 % с наказанием не согласны. 35,9 % респондентов совершили преступление в соучастии, 64,1 % действовали в одиночку. При этом большинство респондентов убеждены, что не совершили бы преступления, если бы не употребили алкоголь (76 %).

Изучая мотив совершения преступления мы установили, что почти половина респондентов (48,8 %) решились на преступление с целью получения денежных средств, 17,6 % – из-за мести либо обиды, 3,5 % преступили уголовный закон из-за ревности, 30,2 % – по иным мотивам.

Изучение характера преступлений показывает, что почти каждый второй респондент (49,3 %) совершил кражу, 23,7 % – хулиганство, 19,8 % привлечены к уголовной ответственности за уклонение родителей от содержания детей либо возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении (в большей степени женщины), 8,9 % – преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, 5,1 % – мошенничество, 1,9 % – убийство, 14,3 % – иные преступления.

По сроку наказания чаще всего судебные органы назначали наказание в виде лишения свободы на срок от года до трех лет – 42,5 %, 19,2 % – до года, 19,6 % – свыше трех до пяти лет, 15,3 % – свыше пяти до десяти лет, 2,7 % – свыше десяти до пятнадцати лет и 0,6 % – свыше пятнадцати лет.

Для лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, характерен рецидив преступлений. Так, 18,7 % респондентов дважды привлекались к уголовной ответственности, 12,1 % – трижды, 8,5 % – четыре раза, 15,1 % имеют пять судимостей и 30,1 % имели одну судимость.

Две трети респондентов соблюдали установленный в исправительном учреждении порядок отбывания наказания; 23,2 % допускали отдельные нарушения правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, в результате чего администрация учреждения применяла к ним меры дисциплинарного воздействия; 66,5 % во время отбывания наказания поддерживали социально-полезные связи с родными и близкими.

Досрочно освободиться из исправительного учреждения стремились 66,1 % респондентов. 33,9 % не ставили перед собой перспективы досрочного освобождения и предпочитали полностью отбыть назначенный судом срок наказания. При этом большинство респондентов (61,7 %) освободились по отбытии срока наказания, условно-досрочно – 26 %, 8,9 % неотбытая часть наказания была заменена более мягким наказанием, 3,4 % – освобождены по иным основаниям (амнистия).

Значительная доля респондентов основной целью после освобождения для себя определяли благополучное решение вопроса по трудовому устройству (72,2 %), при этом после освобождения 58 % испытывали трудности при решении данного вопроса; 24,2 % планировали создать семью; 18,5 % – вести законопослушный образ жизни.

Третий блок включает нравственно-психологические признаки личности преступника, совершившего уголовно наказуемое деяние в состоянии алкогольного опьянения, что позволяет изучить его нравственные свойства и особенности, включая взгляды и убеждения, жизненные ожидания и устремления, ценностные ориентации, потребности и интересы.

Психологический портрет лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, имеет отличительные особенности. К основным нравственно-психологическим свойствам данной категории граждан относятся:

– апатия (не проявляют интерес к окружающей действительности, становятся безразличными к событиям, происходящим в личной жизни, семье, не имеют конкретных планов на будущее, теряют перспективу к профессиональному росту, самообразованию, хобби и иным увлечениям, за исключением тех, которые связаны с алкоголем);

– эгоизм и чрезмерный эгоцентризм (с укреплением алкогольной зависимости поведение личности сопоставимо с поведением ребенка, у нее доминирует установка «что хочу, то и делаю», при этом проявляется негативное отношение к родственникам и членам семьи, которые стараются указать на антисоциальное поведение и перевоспитать);

– отрицание алкогольной зависимости (традиционно осужденные, к которым применены принудительные меры безопасности и лечения от хронического алкоголизма, не признают наличие у них алкогольной зависимости, что подтверждается результатами проведенного опроса (54,4 % респондентов), в связи с чем отказываются от медицинской, психологической и иной помощи, даже если находятся в состоянии сильнейшего опьянения либо запоя);

– противоречивость (лица, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения, не придерживаются никакой логической последовательности в своих обещаниях и суждениях, при каждом нравоучении близких они клянутся, что готовы прекратить выпивать, но при первой же возможности получения алкоголя употребляют его до беспамьтства, на что указывают результаты проведенного нами анкетирования: более половины респондентов (57,1 %) отмечают у себя запойный характер потребления алкогольных напитков);

– импульсивность (ключевой фактор риска для различных форм асоциальному поведению у лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения; такие лица предварительно не обдумывают свое поведение, действуют спонтанно и быстро, что не соответствует развивающейся ситуации; часто в памяти проявляются воспоминания об обидах, оскорблениях, унижениях со стороны родных, близких либо окружающих, в результате чего обостряется чувство озлобленности, порождающее желание отомстить обидчику (это подтверждают результаты проведенного нами опроса: 62,4 % респондентов перед совершением преступления не задумывались о возможных последствиях));

– повышенная эмоциональность, раздражительность (алкоголь постепенно разрушает положительные эмоции (любовь, дружба, забота, внимание, интерес и другие), заменяя их равнодушием, тревогой, раздражением и иными примитивными эмоциями; лицо в состоянии опьянения болезненно реагирует на отдельные замечания в свой адрес, упреки, оскорбления, проявляются резкие перепады настроения, что вызывает нарушение регуляции эмоций, в результате чего негативные эмоции стимулируют совершение преступления; в конечном итоге образуется замкнутый круг развития эмоциональной зависимости от употребления алкоголя; отдельные современные исследователи полагают, что наличие акцентуаций личности характерно для большинства насильственных преступников, свою неуверенность, тревогу и различные панические страхи они стараются компенсировать чрезмерным потреблением алкоголя) [7, с. 474].

Особое внимание в данном блоке следует уделить характеру, так как именно от него зависит длительность злоупотребления алкоголем. Уровень правового сознания и ценностных ориентаций, доминирующие среди населения, выступают сдерживающим регулятором проявления асоциального поведения. Отличительная черта личности, находящейся в состоянии алкогольного опьянения, – утрата чувства стыда, который является важной нравственной охранительной силой.

Низкий интеллект и слабые волевые процессы резко снижаются на фоне пьянства и алкоголизма, что в сочетании с иными отрицательными качествами личности (грубость, эгоизм и др.) способствует развитию благоприятных условий для проявления преступного замысла, предопределяет исход противостояния позитивных и негативных мотивов в тех случаях, когда болезненная потребность в алкогольных напитках преобладает в общей структуре потребностей. Все это, в свою очередь, приводит к ослаблению нравственной стойкости, опустошению личности, ее моральному разрушению, в результате чего происходит утрата традиционных связей, общих идей и ценностей.

Изучение потребностей и интересов такой личности преступника показывает, что у большинства преобладают довольно узкие потребности, их духовная сфера бедна, а интересы примитивны, отсутствуют какие-либо взгляды на жизнь, моральные принципы и идеологические установки. Отмечается снижение интереса к самосовершенствованию, улучшению деловых качеств, профессиональному росту.

В криминологии принято разграничивать типы личности, совершившей преступление. По мнению известного психоаналитика XX в., исследовавшего психоанализ преступности и асоциального поведения, Э. Гловера, все человечество в зависимости от типологии характеров можно разделить на несколько типов: истерический, невротический, депрессивный, алкоголический, ипохондрический, параноидальный, шизоидный и психопатический [8, с. 33].

В частности, алкоголизованный тип личности определяется стойкой зависимостью от психически активных веществ, что, как правило, определяет склонность к совершению преступлений на фоне деструктивного расстройства личностных ориентиров. Среди лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, можно выделить асоциальный тип личности. Он проявляется в агрессивном поведении, жестокости, беспорядочных половых контактах, применении насилия и совершении насильственных преступлений в состоянии алкогольного опьянения [9, с. 155].

Лицо, находящееся в состоянии алкогольного опьянения, часто действует без промедления, ситуативно. Это указывает на то, что для механизма преступного поведения таких лиц характерен сокращенный стиль поведения, отсутствие способности объективно оценить реальную обстановку, избрать правильную линию поведения в сложившихся обстоятельствах. Нередко началом противоправных действий может служить возникновение конфликта в общественном месте, ссоры либо скандала в семье, межличностного конфликта на работе. Под влиянием внешних условий и воздействием алкогольных напитков человек не способен принять верное и взвешенное решение, а также определить наступление возможных от его действий последствий. Чаще всего такие лица действуют импульсивно и эмоционально, а стадии определения мотива и цели, планирования и непосредственно исполнения преступления объединяются.

Большинству насильственных преступлений с участием лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, предшествует межличностный конфликт. При этом конфликты могут быть спонтанными либо ситуативными и длящимися. При этом источником создания конфликта в основном выступает само лицо, находящееся в состоянии алкогольного опьянения. В данном случае преступление начинается с единичного эпизода, сопровождающегося нецензурной бранью и оскорблениями. При нарастании конфликта словесная перепалка переходит в применение насилия, драку, хулиганские действия, в результате которых причиняются телесные повреждения либо наступает смерть. Указанные доводы позволяют выделить ситуативный тип личности преступника, совершившего преступление в состоянии алкогольного опьянения.

Заключение. Резюмируя изложенное, следует указать, что личность преступника, совершившего преступление в состоянии алкогольного опьянения, обладает целым рядом отличительных признаков: социально-демографических, уголовно-правовых и нравственно-психологических, которые прямым образом определяют образ жизни, специфику противоправного поведения.

Их расчленение и описание позволило сформировать криминологический портрет личности преступника, совершившего уголовно наказуемое деяние в состоянии алкогольного опьянения, – это лицо мужского пола, не состоящее в браке, проживающее в городе, с общим средним образованием, имеющее постоянное место работы и детей, неоднократно судимое, употребляющее водку с друзьями с целью забыть накопившиеся проблемы, осужденное за кражу, предметом которой являются денежные средства для приобретения алкогольных напитков.

Литература

1. Лейкина, Н. С. Криминология о преступнике / Н. С. Лейкина. – Л. : Знание РСФСР, 1978. – 30 с.
2. Сахаров, А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР / А. Б. Сахаров. – М. : Госюриздат, 1961. – 279 с.
3. Личность преступника / В. Н. Кудрявцев [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1975. – 272 с.
4. Лунеев, В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : в 2 т. / В. В. Лунеев. – М. : Юрайт, 2011. – Т. 1 : Общая часть. – 1002 с.
5. Антонян, Ю. М. Личность преступника. Криминологическое исследование / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. – 368 с.
6. Антонов-Романовский, Г. В. Пьянство под запретом закона / Г. В. Антонов-Романовский. – М. : Юрид. лит., 1985. – 64 с.
7. Игнатов, А. Н. Акцентуированная личность насильственного преступника / А. Н. Игнатов // Психопедагогика в правоохран. органах. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 471–478.
8. Губин, В. Д. Философская антропология : учеб. пособ. / В. Д. Губин, Е. Н. Некрасова. – М., 2008. – 400 с.
9. Терещенко, Т. Г. О реабилитации граждан с синдромом зависимости от алкоголя в условиях лечебно-трудовых профилакториев / Т. Г. Терещенко // Вестн. Акад. МВД РБ. – 2020. – № 2. – С. 154–158.

Юридическая природа действий по списанию денежных средств со счета без распоряжения его владельца

С.Т. МАЛИШЕВСКИЙ

В статье исследуется реальная сущность такого правового явления как бесспорное взыскание денежных средств и правоотношения, предшествующие такому взысканию. В контексте отраслевой принадлежности правовых норм, которыми эти отношения регламентируются, анализируется само их содержание как совокупность представлений современного общества о должном и справедливом. Исходя из выбранного подхода, с определенной долей эмпиризма, автор определяет юридическую природу бесспорного взыскания денежных средств и предлагает собственное понимание его юридических характеристик.

Ключевые слова: бесспорность, взыскание, задолженность, денежные средства, денежное обязательство.

The article examines the nature of such a legal phenomenon as the undisputed recovery of funds and the legal relations prior to such recovery. In connection with the branch affiliation of the legal norms regulating these relations, their content is analysed as a set of modern society's ideas about what is just and fair. On the basis of the chosen approach, with a certain degree of empiricism, the author defines the legal nature of indisputable recovery of funds and offers his own understanding of its legal characteristics.

Keywords: indisputability, recovery, debt, money, monetary obligation.

Наряду с защитой имущественных прав в судебной форме, в Республике Беларусь широко применяются и имеющиеся правовые инструменты несудебного порядка принуждения к исполнению денежного обязательства. Несудебное взыскание задолженности по денежному обязательству является эффективной альтернативой судебному порядку защиты.

Максимальное упрощение процесса взыскания задолженности посредством введения, использования и совершенствования института бесспорного взыскания денежных средств, наряду с положительным эффектом, предсказуемо породило ряд проблем, так как стремление все упростить не всегда обходится без негативных последствий для всех участников гражданского оборота и субъектов публичных правоотношений. Актуальность комплексного исследования института бесспорного порядка взыскания денежных средств обуславливается его существенными особенностями: законодательное многообразие подходов и условий, при которых принимаются решения о бесспорном взыскании денежных средств, предшествующие такому взысканию правоотношения относятся к различным отраслям права, интересы должника (и его дебиторов) при бесспорном порядке взыскания менее защищены, чем при применении кредитором иных форм защиты нарушенного права.

Российским ученым в области банковского права О.М. Олейник банковский счет рассматривается как правоотношения с множественным составом участников по поводу хранения и движения денег [1, с. 25]. В этом множественном составе она выделяет, прежде всего, публично-правовые субъекты в виде финансовых и налоговых органов государства и Центрального банка Российской Федерации, и только затем частноправовые субъекты в виде конкретного банка и клиента, заключающих договор. На наш взгляд, это точка зрения позволяет определить правовую природу банковского счета как договора гражданско-правового характера, правоотношения по которому регулируются нормами гражданского и публичного права.

Статья 774 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) устанавливает, что банк или небанковская кредитно-финансовая организация обязаны выполнять поручения владельца счета о перечислении и выдаче соответствующих денежных средств со счета. Это же право владельца счета распоряжаться денежными средствами, находящимися на его счете, лично либо через уполномоченных лиц закреплено в ст. 200 Банковского кодекса Республики Беларусь. Иными словами, списание денежных средств со счета осуществляется банком на основании распоряжения клиента. ГК Республики Беларусь напрямую не регулируются отношения по текущему (расчетному) счету его владельца. Так, ст. 774 ГК устанавливает, что отношения по текущему (расчетному) банковскому счету регулируются законодательством. Нормы права, регулирующие списание денежных средств с банковского счета без распоряжения его

владельца, содержатся в Указах Президента Республики Беларусь «О некоторых вопросах нотариальной деятельности», «О совершенствовании безналичных расчетов», Банковском кодексе Республики Беларусь, Законах Республики Беларусь «Об исполнительном производстве», «О взносах в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь», «О Комитете государственного контроля Республики Беларусь и его территориальных органах», в постановлении Правления Национального банка Республики Беларусь «Об утверждении инструкции о банковском переводе» и иных законодательных актах.

В отличие от законодательства Республики Беларусь, ст. 854 Гражданского кодекса Российской Федерации прямо указывает на то, что списание денежных средств возможно, как по волеизъявлению клиента, т. е. на основании его распоряжения, так и вне зависимости от его воли, путем списания по решению суда, а также в случаях, установленных законом или предусмотренных договором между банком и клиентом.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что «беспорное взыскание» и «беспорное списание» – отличающиеся друг от друга модели общественных отношений. Различаются они, во-первых, инструментами правового регулирования, во-вторых, составом субъектов правоотношений, в-третьих, «беспорное взыскание» – это правоприменительная деятельность компетентных органов (их должностных лиц), а «беспорное списание» – это исполнение обязанным субъектом (банком) последовательности операций по осуществлению банковского перевода на основании платежной инструкции взыскателя либо перевод, предусмотренный договором между банком и клиентом.

Данные выводы подтверждаются ретроспективным анализом возникновения и развития института беспорного взыскания денежных средств.

Как уже отмечалось выше, ГК Республики Беларусь не содержит прямых упоминаний о списании денежных средств с банковских счетов без распоряжения клиентов банка. Первоначально не содержало таких упоминаний и Советское законодательство, в частности: Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. и гражданское законодательство союзных республик, в том числе и Гражданский кодекс БССР 1923 г., введенный в действие постановлением Президиума ЦИК Белоруссии 2 февраля 1923 г. [2].

Однако списание денежных средств со счетов без распоряжения клиентов, в том числе по исполнительным документам, было предусмотрено в начале XX в. Правилами Государственного банка о простых текущих счетах, утвержденными Правлением Государственного банка от 7 апреля 1924 г. [3, с. 29] и Постановлением СНК ССР «О мерах улучшения практики кредитной реформы» от 14 января 1931 г. [4].

Впервые взыскание в беспорном порядке было определено в п. 23 и п. 26 Положения о взыскании налогов и налоговых платежей, утвержденного ЦИК и СНК СССР 17 сентября 1932 г. № 48/1402 [5, с. 41–46]. Согласно данному нормативному правовому акту, недоимка, пеня и штраф по такой задолженности в бюджет взыскивались в беспорном порядке по распоряжению органов, производящих взыскание. При этом такое взыскание именовалось взысканием в принудительном порядке. Первоначально под беспорным порядком понимался не сам порядок (процедура) списания денежных средств со счета, а именно взыскание, которое не подлежало оспариванию. Это беспорное взыскание предусматривало в том числе и обращение взыскания на суммы, причитающиеся недоимщику от других лиц (дебиторов платежщика), взыскание обращалось на их денежные средства, находящиеся на счетах.

Госбанк СССР 10 марта 1955 г. принял Инструкцию № 5 «О расчетах между предприятиями, организациями и учреждениями и о кредитовании предприятий и организаций по операциям, связанным с расчетами [6, с. 222], где были выделены очередные основания беспорного списания: по требованиям за коммунальные услуги (вода, канализация, газ), абонентная плата за телефон, плата за электроэнергию, теплоэнергию и в некоторых других случаях [7, с. 186]. Таким образом, появилось безакцептное списание без распоряжения владельца счета при наличии договорных отношений между сторонами и действовало оно только в случаях, установленных Инструкциями Госбанка СССР.

Беспорное списание денежных средств являлось разновидностью обязательного (безакцептного) списания денежных средств. Так, согласно положениям Инструкции Госбанка СССР от 30 марта 1956 г. № 17 «Об очередности платежей и о порядке списания средств со счетов предприятий, организаций и учреждений в Государственном банке» [8, с. 43] беспорное списа-

ние применялось для взыскания по распоряжениям органов, указанных в инструкции: финансовых органов о взыскании не внесенных в установленный срок налогов и других, и не относилось к списанию денежных средств по исполнительным и другим приравненным к ним документам.

Первое упоминание о списании денежных средств со счетов без распоряжения их владельцев на законодательном уровне было закреплено в ч. 3 ст. 84 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. [9]. Такое списание допускалось только в случаях, предусмотренных законодательством СССР. Позже п. 3 ст. 110 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик [10] устанавливал, что такое списание возможно только по решению суда, арбитражного суда, если иное не предусмотрено законодательными актами.

После приобретения независимости Республикой Беларусь уже в первом законодательном акте, регулирующем налоговые правоотношения, было закреплено право налоговых органов взыскивать с должников в бюджет денежные средства в бесспорном порядке. Так, п. 1 ст. 10 Закона «О налогах и сборах, взимаемых в бюджет Республике Беларусь» [11] устанавливал, что суммы налогов, не внесенные в установленные сроки, а также суммы сокрытых (заниженных) прибыли (дохода) и налогов за иной сокрытый объект налогообложения, пени за несвоевременное внесение платежей взыскиваются за все время уклонения от уплаты по распоряжению налоговых органов в бесспорном порядке.

До 1 января 2004 г. порядок бесспорного взыскания денежных средств по налоговым обязательствам регламентировался Положением о взыскании налогов, сборов и других обязательных платежей, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 января 1999 г. № 87 [12], а также Инструкцией по применению Положения о взыскании налогов, сборов и других обязательных платежей, утвержденной Приказом Государственного налогового комитета Республики Беларусь от 17 апреля 1999 г. № 77 [13, с. 42–48]. Данные нормативные правовые акты действовали до принятия Налогового кодекса Республики Беларусь 2002 г.

Подводя итог историческому анализу становления института бесспорного взыскания денежных средств, можно сделать вывод, что данный институт широко применялся на территории Республики Беларусь практически с момента ее вхождения в состав СССР и регламентировался союзным законодательством.

Бесспорное взыскание, в отличие от безакцептного списания без распоряжения владельца счета при наличии гражданско-правовых договорных отношений между взыскателем и плательщиком, возникает из публичных отношений, в случае, когда производится в принудительном (обязательном) порядке по требованиям компетентных органов, а также является частью упорядоченной совокупности юридических норм, охраняющих и регулирующих отношения частных лиц, в случае бесспорного взыскания по исполнительным и приравненным к ним документам, правом на предъявление которых к исполнению обладают частные лица. Ввиду последнего особый интерес представляет юридическая природа отношений, возникающих в ходе бесспорного взыскания денежных средств. Описание ее этапов необходимо начинать с уточнения места квалифицируемого явления в системе «право частное – право публичное».

Анализ действующего законодательства показывает, что бесспорное взыскание денежных средств применяется для реализации двух различных целей: в целях защиты личных имущественных интересов субъекта (восстановление нарушенных субъективных гражданских прав) и в целях обеспечения общественных интересов (взыскание либо возврат денежных средств в бюджет). Следовательно, в первом случае бесспорному взысканию предшествуют правоотношения, регулируемые законодательством, относящимся к отрасли гражданского права, а во втором случае – публичного права.

Существует и спорное с точки зрения понимания общего предназначения права искусственное соединение указанных правовых инструментов для достижения только одной, обозначенной выше цели.

Так, взыскание денежных средств с дебиторов по требованию государственных органов является действенным способом реализации субъектами хозяйствования права на защиту имущественных прав, однако с точки зрения юридической науки, такие действия кредиторов не могут относиться к их праву, т.к. действующим законодательством (в частности подп. 1.5. ст. 22 НК, абз. 7 п. 1 ст. 21 Закона Республики Беларусь «О взносах в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь»

и др.) плательщик обязан вести учет дебиторской задолженности и предоставлять в налоговые и таможенные органы, Фонд социальной защиты населения сведения о его дебиторах (при наличии задолженности плательщика по платежам в бюджет).

Актуальным в данном случае будет вопрос, является ли беспорное взыскание денежных средств с дебитора плательщика государственными органами реализацией права на защиту плательщика, либо это исполнение им возложенной на него обязанности по предоставлению в государственные органы сведений о своих должниках, либо это просто реализация государственными органами права на взыскание денежных средств с плательщиков? При этом в процессе беспорного взыскания плательщик и его дебиторы в совокупности представляют сторону, не выполнившую обязательство.

Практика показывает, что взыскание денежных средств с дебиторов по требованию государственных органов, с одной стороны, фактически является способом реализации прав кредитора на защиту, а с другой стороны – обязанностью плательщика.

По нашему мнению, взыскание денежных средств с дебиторов по требованию государственных органов не может являться способом реализации прав на защиту. В данном случае имеет место злоупотребление правом (ст. 9 ГК). Злоупотребляя своим правом по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие законодательству, общественной пользе и безопасности (п. 2 ст. 210 ГК), с целью взыскания задолженности с дебиторов, плательщик умышленно обнуляет расчетный счет, втягивая в двусторонние частные правоотношения, возникшие между ним и контрагентом, государственные органы, ответственные за взыскание налогов, сборов (пошлин), обязательных страховых взносов, а также иных обязательных платежей в бюджеты различных уровней и внебюджетный Фонд социальной защиты населения. Этими действиями наносится прямой вред общественным интересам, т. к. государственные органы не только вынуждены выполнять несвойственную им функцию – оказывать безвозмездную помощь одной из сторон гражданских отношений во взыскании обязательств по договору, но и срок исполнения финансовых обязательств перед государством неоправданно увеличивается. Иными словами, в данной ситуации государственные органы вынуждены «обслуживать чужие интересы».

Возвращаясь к основной цели настоящего исследования, в контексте отношения к праву как должному, справедливому и динамичному регулятору правоотношений, необходимо отметить, что определение сущности правоотношений в беспорном взыскании невозможно без исследования самого понятия «беспорность».

Автор разделяет позицию О.А. Прохорчика о нецелесообразности функционирования института беспорного взыскания в таком виде, в котором он существует в настоящее время. Исследователь указывает, что дискуссии по этому вопросу существуют давно, начиная с момента включения этих норм в Бюджетный кодекс. Такое изъятие денежных средств действительно осуществляется безвозмездно и беспорно, но только потому «беспорно», что владелец счета изначально лишен возможности выразить свое отношение к данной процедуре в процессуальной форме [14, с. 241–243]. Взыскание денежных средств со счета владельца без его согласия – серьезное ограничение права владельца счета самостоятельно распоряжаться своим имуществом, и возникает вопрос о небезосновательности точки зрения о возможном нарушении конституционных норм при беспорном взыскании.

Ввиду изложенного, необходимо детально исследовать критерий спорности либо беспорности требования.

Беспорность (неоспаривание требования) – это реакция должника (либо ее отсутствие) на конкретное действие (требование), совершенное кредитором с целью защиты нарушенных прав, либо охраняемых законодательством интересов, иными словами: предъявление требований обязательно предшествует факту их неоспаривания либо оспаривания. Неоспаривание – противоположность спору, соответственно: наличие факта неоспаривания указывает на отсутствие спора, а наличие спора – на отсутствие неоспаривания.

Таким образом, в ходе беспорного взыскания денежных средств, факт наличия беспорности предъявленных требований должен быть подтвержден бездействием (молчанием) должника при предъявлении требований либо действиями, указывающими на его согласие с ними. Следовательно, такие требования должны быть в обязательном порядке предъявлены

должнику в установленной законодательством форме до осуществления бесспорного взыскания. Иными словами, бесспорность требований имеет место только при обязательном наличии совокупности обоих признаков бесспорности, как объективного, так и субъективного.

Важное значение для обеспечения реализации должником права на защиту имеет наличие у него процессуальной возможности транслировать свое субъективное отношение к предъявляемым имущественным требованиям непосредственно органу, в компетенцию которого входит принятие решения о бесспорном взыскании. Практически все нормы законодательства, регламентирующие процесс бесспорного взыскания, за исключением гл. 24 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК), не представляют должнику такой возможности. Отношение должника к требованиям транслируются в этих случаях непосредственно кредитору, т. е. субъекту, заинтересованному в осуществлении бесспорного взыскания, что предсказуемо породило благодатную почву для злоупотребления последним своим правом. Указанные выводы подтверждаются многочисленными примерами осуществления бесспорного взыскания в случаях, когда судебным постановлением было установлено между сторонами наличие спора о праве.

Так, определением экономического суда города Минска от 12.12.2022 г. по делу № 155ЭПП2217492 обществу с ограниченной ответственностью «Статус лизинг» было отказано в вынесении определения о судебном приказе в части взыскания с индивидуального предпринимателя М. суммы пени, т. к. должник предоставил в суд мотивированный отзыв о несогласии с размером пени ввиду ее несоразмерности: 0,5 % от суммы просроченного платежа за каждый день просрочки. Взыскатель не воспользовался своим правом на обращение по данному требованию с иском в суд, а обратился к нотариусу за совершением исполнительной надписи. В результате 30.12.2022 г. исполнительной надписью, зарегистрированной в реестре за № 4-1867 нотариуса Минского городского нотариального округа О.А. Козел, оспариваемая должником пеня была взыскана в полном объеме. Как следствие, должник был лишен предоставленного ему ст. 314 ГК права ходатайствовать перед судом о снижении суммы пени. Аналогичная ситуация повторилась по делу № 155ЭПП2218803 от 03.01.2023 г. экономического суда г. Минска между тем же взыскателем и ООО «Монолитные конструкции».

Определением экономического суда Брестской области от 03.01.2023 г. по делу № 154ЭПП223121 индивидуальному предпринимателю Г. было отказано в вынесении определения о взыскании с ООО «ТРИГОТРАНС» 32592,32 рублей основного долга, 2558,75 рублей пени, а всего 35151,07 рублей, а также 400,00 рублей возмещения расходов по оплате юридических услуг, т. к. должник предоставил в суд мотивированный отзыв о несогласии с предъявляемыми требованиями, заявив суду об отсутствии у него задолженности перед взыскателем. Несмотря на то, что судебным постановлением был установлен факт наличия между сторонами спора о праве, взыскатель обратился к нотариусу и 19.01.2023 г. исполнительной надписью, зарегистрированной в реестре за № 3-53 нотариуса Гродненского нотариального округа Л.К. Мискевич, оспариваемая должником сумма была взыскана в полном объеме.

Безусловно, у Должника есть предусмотренная законодательством возможность обратиться с иском в суд о признании такой надписи подлежащей исполнению в части оспариваемой суммы пени (абз. 5 ст. 42 ХПК). В тоже время в силу части третьей ст. 314 ГК уменьшение неустойки после ее уплаты не допускается. Следовательно, должник, имевший на своем расчетном счете денежные средства, которые были взысканы в бесспорном порядке в качестве пени, менее защищен чем должник, не имеющий таких средств, последний не утратил права на уменьшение пени в судебном порядке. И даже при самом благоприятном для должника исходе (если допустить, что термины «уплаченная» и «взысканная» не тождественны) не произойдет полного восстановления его прав, т. к. необходимые ему в обороте ранее взысканные денежные средства будут возвращены спустя значительное время. При этом компенсаций должнику за такое неправомерное действие кредитора и санкций в отношении последнего законодательством не предусмотрено.

В этой связи закономерным и архиважным является вывод Т.А. Беловой, которая полагает, что несудебная форма защиты прав кредитора не может содержать меньше гарантий для должника, чем судебная [15].

Заключение. Учитывая изложенное, будет справедливо считать бесспорное взыскание денежных средств таковым при наличии следующих характеристик и признаков, определяющих его правовую природу: «бесспорное взыскание денежных средств» – это основанный на согласии должника правоприменительный акт уполномоченного органа, направленный на ис-

полнение публичного денежного обязательства, возникшего в результате публичных правоотношений либо денежного обязательства, возникшего из гражданско-правовых отношений, носящих бесспорный характер (основанных на документах, подтверждающих задолженность должника) и признаваемых (неоспариваемых) должником, но не выполняемых».

Любое иное взыскание денежных средств, не подпадающее под это определение, является принудительным и в соответствии со ст. 44 Конституции Республики Беларусь должно осуществляться исключительно на основании судебного постановления, вынесенного по результатам рассмотрения исковых требований кредитора.

Проведенное исследование указывает на необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования выявленных и иных проблемных вопросов бесспорного взыскания денежных средств, координации межведомственных действий в этом направлении, продолжения научных исследований в данной области, поскольку при таком разнообразии подходов и условий, при которых принимаются решения о бесспорном взыскании денежных средств, не представляется возможным обеспечить равную защиту прав и законных интересов кредитора и должника.

Литература

1. Олейник, О. М. Основы банковского права : курс лекций / О. М. Олейник. – М., 1997. – 423 с.
2. О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р. : постановление Президиума ЦИК Белоруссии, 2 февр. 1923 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабоче-крестьян. правит. Социалист. Совет. Респ. Белоруссии. – 1923. – № 3. – Ст. 29.
3. Эльяссон, Л. С. Деньги, банки и банковские операции / Л. С. Эльяссон. – М., 1926. – 240 с.
4. О мерах улучшения практики кредитной реформы : постановление СНК СССР, 14 янв. 1931 г., № 52 // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правитп Союза ССР. – 1931. – № 4. – Ст. 52.
5. О введении в действие положения о взыскании налогов и налоговых платежей : постановление ЦИК и СНК СССР, 17 сент. 1932 г., № 48/1402 // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правитп Союза ССР. – 1932. – № 69. – Ст. 410а.
6. Инструкция о расчетах между предприятиями, организациями и учреждениями и о кредитовании предприятий и организаций по операциям, связанными с расчетами, 10 марта 1955 г., № 5 / Гос. банк Союза ССР. – М. : [б. и.], 1955. – 231 с.
7. Гражданское право : учебник : в 2 т. / М. М. Агарков [и др.] ; под ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. – Т. 1. – 419 с.
8. Инструкция об очередности платежей и о порядке списания средств со счетов предприятий, организаций и учреждений в Государственном банке, утв. правлением Госбанка СССР 30.03.1956 г. – М. : Изд-во Госбанка СССР, 1956. – 239 с.
9. Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик : Закон Союза ССР, 8 дек. 1961 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1961. – № 50. – Ст. 525.
10. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик : 31 мая 1991 г., № 2211-1 // Ведомости Съезда нар. депутатов СССР и Верхов. Совета СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733.
11. О налогах и сборах, взимаемых в бюджет Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 20 дек. 1991 г., № 1323-ХП // Ведомасці Вярохўн. Савета Рэсп. Беларусь. – 1992. – № 4. – Ст. 75.
12. Об утверждении Положения о взыскании налогов, сборов и других обязательных платежей [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20 янв. 1999 г., № 87 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 20.02.2003 г. // ilex.by : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
13. Можяева, Л. Е. Бесспорный порядок взыскания налога, сбора (пошлины), пени / Л. Е. Можяева // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2012. – № 3. – С. 42–48.
14. Прохорчик, О. А. Реализация конституционных принципов при бесспорном списании денежных средств / О. А. Прохорчик // Актуальные вопросы совершенствования правовой системы на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию проф. С.Г. Дробязко, Минск, 11–12 окт. 2012 г. / БГУ ; редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2012. – С. 241–243.
15. Белова, Т. А. Правовая природа исполнительной надписи как средства защиты нарушенных прав / Т. А. Белова // Проблемы гармонизации материально-правовых и процессуальных средств защиты права : матер. Междунар. круглого стола, Минск, 26 окт. 2018 г. / БГУ ; редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 10–12.

Структура возбуждения уголовного дела: криминалистический аспект (на примере коррупционных преступлений)

В.Н. МИХНЕВИЧ

В статье рассматривается криминалистический аспект возбуждения уголовного дела, определяется его структура в рамках частной криминалистической методики.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, частная криминалистическая методика, криминалистический анализ, организация проверки заявления (сообщения) о преступлении, взаимодействие.

The article examines the criminalistic aspect of the initiation of a criminal case, determines its structure within the framework of a private forensic methodology.

Keywords: initiation of a criminal case, private forensic methodology, forensic analysis, organization of verification of a statement (message) about a crime, interaction.

Возбуждение уголовного дела является важнейшей частью уголовного процесса, одним из гарантов соблюдения законности. Ни один десяток диссертаций и монографических трудов ученых-процессуалистов посвящен стадии возбуждения уголовного дела. Данная стадия детально регламентирована в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства, в связи с чем закономерен вывод о том, что значимость и важность возбуждения уголовного дела как стадии уголовного процесса в деле борьбы с преступностью сомнению не подлежит.

Задачи борьбы с преступностью, помимо уголовного процесса, возложены на ряд юридических наук, среди которых центральное место занимает криминалистика, традиционно разделяемая на четыре раздела, наиболее прикладным из которых является раздел криминалистической методики. В свою очередь, результаты криминалистической методики находят отражение в положениях частной криминалистической методики расследования преступлений, в рамках которой наиболее дискуссионным является вопрос структуры.

Можно отметить, что этапность раскрытия и расследования преступлений, предложенных традиционной структурой частной криминалистической методики, соотносятся с разделами Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) [1]. Вместе с тем, в рамках криминалистической науки фактически не изучен вопрос возбуждения уголовного дела, его понятия, содержания, структуры, целей и задач. Парадоксальным является тот факт, что научные работы, посвященные раскрытию и расследованию отдельных видов преступлений, в абсолютном большинстве содержат положения, касаемые особенностей возбуждения уголовного дела в его криминалистическом понимании. Однако данные положения лишены общей упорядоченной структуры и единого понятийного аппарата в связи с отсутствием разработанности в криминалистической науке общих вопросов возбуждения уголовного дела. По данному обстоятельству уместно процитировать В.И. Ленина: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натякаться» на эти общие вопросы» [2, с. 579].

Представляется уместным первоначально уяснить структуру возбуждения уголовного дела в его криминалистическом понимании, поскольку именно элементы в своей совокупности образуют целостность.

Рассмотреть структуру возбуждения уголовного дела как элемента частной криминалистической методики следует на примере межвидовой методики расследования коррупционных преступлений.

Именно по коррупционным преступлениям в абсолютном большинстве возбуждению уголовного дела (в уголовно-процессуальном аспекте) предшествует проведение ряда процессуальных действий, которые характеризуются высокой степенью сложности и сопряжены с использованием всего спектра криминалистических средств и методов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления.

Перед определением структурного содержания возбуждения уголовного дела как элемента частной криминалистической методики, целесообразно определить его временные границы в криминалистическом понимании. Представляется, что начальная граница возбуждения уголовного дела – поступление в орган уголовного преследования заявления или сообщения о преступлении, конечная – принятие решения о возбуждении уголовного дела либо отказе в его возбуждении. Несомненно, просматривается схожесть границ возбуждения уголовного дела в его криминалистическом и уголовно-процессуальном понимании со ст.ст. 172 и 174 УПК Республики Беларусь. Вместе с тем, в рамках ст. 172 УПК Республики Беларусь законодатель констатирует обязанность принятия заявления или сообщения о преступлении, что является, в первую очередь, организационной процедурой, в то время как с криминалистической точки зрения поступление заявления или сообщения о преступлении – отправное начало познания механизма происшедшего деяния путем собирания, исследования и оценки криминалистически значимой информации, характеризующей признаки конкретного коррупционного преступления. Аналогичным образом соотносится и конечная временная граница возбуждения уголовного дела в криминалистическом ее понимании в связи с достижением процессуальной цели по установлению признаков преступления и принятия решения о возбуждении уголовного дела о совершении конкретным должностным лицом коррупционного преступления.

Вместе с тем, конечная временная граница возбуждения уголовного дела может быть не достигнута в ее криминалистическом понимании в связи с направлением заявления или сообщения о преступлении и материалов проверки по нему в орган предварительного следствия в случае их возвращения последним органу дознания. При этом возникающие противоречия в практической деятельности между органом дознания и предварительного следствия по оценке криминалистически значимой информации, устанавливающей признаки коррупционного преступления, обусловлены рядом факторов:

- субъективно-оценочный характер добытой криминалистически значимой информации о признаках коррупционного преступления участником уголовного процесса (органом дознания и следователем);

- наличием противодействия со стороны лиц, защищающих свои интересы, что влечет искажение информации при даче объяснений в органе дознания и предварительного следствия (в органе дознания в объяснении сообщается информация о признаках совершенного коррупционного преступления, а после передачи материала в орган предварительного следствия в процессе дачи пояснений следователю она искажается).

После определения временных рамок возбуждения уголовного дела, представляется необходимым определить его структурные элементы, такие, как криминалистический анализ, организация проверки заявления или сообщения о преступлении, взаимодействие в стадии возбуждения уголовного дела.

Так, криминалистический анализ затрагивает всю стадию возбуждения уголовного дела с момента поступления заявления или сообщения о преступлении, и, как правило, представляет собой мыслительную деятельность сотрудника органов внутренних дел, базирующуюся на научных достижениях криминалистической науки и личном профессиональном опыте, первоначально направленную на установление достаточных поводов и оснований для возбуждения уголовного дела (в его уголовно-процессуальном понимании), в случае отсутствия таковых – принятия решения о проведении проверки поступившего заявления или сообщения о преступлении. Важно отметить, что на данном этапе криминалистическому анализу подвергается в том числе процессуальная форма заявления или сообщения о коррупционном преступлении, предусмотренная ст. 166 УПК Республики Беларусь (к примеру, протокол явки с повинной либо рапорт о непосредственном обнаружении органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления и имеет, как правило, заранее определенный вектор проведения проверочных мероприятий).

На последующем этапе производства проверки криминалистический анализ направлен непосредственно на познание механизма преступления исходя из его элементного состава (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона) и сбор доказательственных данных, которые после принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела

приобретут статус источников доказательств. Первоочередно устанавливаются признаки должностного лица, его полномочий, круга общения, материального положения, особенностей функционирования организации. Исходя из конкретной ситуации, складывающейся при проведении проверки заявления или сообщения о преступлении, криминалистический анализ предопределяет направление проведения проверочных действий и их тактические особенности, и, в конечном итоге, на основании полученных данных формирует у должностного лица органа уголовного преследования представление о совершенном преступлении. На заключительном этапе стадии возбуждения уголовного дела посредством проведения криминалистического анализа массива данных, полученных в ходе проведения проверки заявления или сообщения о преступлении, у должностного лица, определенного требованиями ст. 174 УПК Республики Беларусь, формируется внутреннее убеждение о необходимости возбуждения уголовного дела либо отказе в возбуждении уголовного дела, что находит выражение в составлении соответствующего процессуального документа.

Следующий элемент структуры возбуждения уголовного дела представлен проверкой заявления или сообщения о преступлении. Данный элемент включает множество подэлементов, которые носят как организационный, так и тактический характер и обладают большим потенциалом раскрытия их криминалистического содержания.

Необходимо отметить, что все чаще поднимается вопрос о необходимости изучения проверки заявления или сообщения о преступлении в рамках криминалистической науки как элемента структуры частной криминалистической методики.

Признаем этот вектор верным с уточнением, что, фактически, понятие возбуждение уголовного дела, в том числе в рамках криминалистической науки, шире, нежели понятие проверки заявления или сообщения о преступлении, в связи с чем целесообразно проводить комплексное изучение именно возбуждения уголовного дела как элемента структуры частной криминалистической методики.

Вместе с тем, стремление к изучению криминалистического содержания проверки заявлений или сообщений о преступлении, акцентирование внимания ученых-криминалистов на данном проблемном вопросе позволит повысить общий теоретический и последующий практический уровень разработанности возбуждения уголовного дела как элемента структуры частной криминалистической методики в его криминалистическом понимании. Как отмечал В.П. Лавров, разрешение проблем предварительной проверки сообщения о преступлении требует ни одного диссертационного исследования [3, с. 112].

Примечательным является тот факт, что проверка заявления или сообщения о преступлении не имеет установленного наименования ни со стороны законодателя, ни со стороны криминалистической науки. В криминалистической литературе встречаются наименования «предварительная проверка сообщения о преступлении» [3, с. 112], «доследственная проверка» [4, с. 332] и другие. Считаем данную разрозненность понятийного аппарата исключительно лингвистическим спором, который, фактически, не влияет на криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты проверки (далее по тексту придерживаемся наименования «проверка»).

К основным тактическим элементам структуры проверки следует отнести: выдвижение версий и планирование проверочных действий (в призме достижения максимального результата в кратчайшие сроки в условиях информационной неопределенности); особенности производства следственных и иных процессуальных действий (к примеру, получение объяснений по коррупционным преступлениям требует предшествующей тщательной подготовки сотрудника органа уголовного преследования; назначение экспертиз происходит по предварительному согласованию исследуемых вопросов с сотрудником Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь с предоставлением большого объема истребуемых сведений); особенности планирования и проведения тактических операций и тактических комбинаций с учетом тактических рисков (проведение проверок по коррупционным преступлениям характеризуется высоким уровнем противодействия, выраженном, к примеру, в сокрытии следов преступления путем уничтожения документации и технических носителей информации); определение степени достаточности собранных материалов для принятия решения о возбуждении уголовного дела либо принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

К организационным элементам проверки сообщения или заявления о преступлении относятся элемент планирования (в контексте определения формы – устной либо письменной), форма производства – единоличная либо коллегиальная, а также определение списочного перечня материалов, необходимых для передачи в орган предварительного следствия.

Подчеркнуть особую важность, сложность и многозадачность проверки позволяет ее сравнение с мнением профессора Р.С. Белкина «с наступлением, когда войска, в условиях дефицита времени, прилагая максимальные усилия, добиваются успеха» [5, с. 380].

Третьим элементом структуры возбуждения уголовного дела является организация взаимодействия сотрудников правоохранительных органов при проведении проверки, включающие организационные и тактические аспекты.

Подводя итог определим, что временные рамки возбуждения уголовного дела в его криминалистическом понимании соотносятся с возбуждением уголовного дела в его процессуальном контексте. При этом представляется целесообразным определить содержание возбуждения уголовного дела в структуре частной криминалистической методики, то есть выяснить круг элементов, характеризующих её внутреннюю структуру. Как видится, таковыми структурными элементами должны быть криминалистический анализ; организация проверки заявления или сообщения о преступлении; взаимодействие сотрудников правоохранительных органов в стадии возбуждения уголовного дела. Представленные элементы структуры возбуждения уголовного дела нуждаются в общетеоретической разработке со стороны криминалистической науки для последующего комплексного изучения возбуждения уголовного дела в его криминалистическом понимании в целях совершенствования имеющихся частных криминалистических методик расследования отдельных видов преступления для успешного выполнения задач по борьбе с преступностью.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г., № 295-3 (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295>. – Дата доступа : 15.10.2023.
2. Ленин, В. И. Отношение к буржуазным партиям / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. пятое. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1972. – Т. 15. – 579 с.
3. Лавров, В. П. Проблемы предварительной проверки сообщений о преступлениях в современных российских условиях / В. П. Лавров // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 (44). – С. 111–114.
4. Исаенко, В. Н. Тактический комплекс как средство оптимизации доследственной проверки / В. Н. Исаенко // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 332–337.
5. Белкин, Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособ. для студ. вузов, обучающихся по юрид. спец. / Р. С. Белкин. – М. : Юнити, 2001. – 837 с.

Цифровые технологии в противодействии преступности: перспективы использования

А.Э. НАБАТОВА

В статье рассматриваются перспективы использования цифровых технологий в противодействии преступности, дается их краткая характеристика. Автор определяет, что в связи с цифровой трансформацией преступности возникает необходимость пересмотра криминологико-криминалистических подходов по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений.

Ключевые слова: цифровые технологии, противодействие преступности, цифровая трансформация преступности, большие данные, искусственный интеллект, блокчейн, система социального кредита.

The article discusses the prospects for the use of digital technologies in combating crime, gives a brief description of them. The author determines that in connection with the digital transformation of crime, there is a need to revise criminological and forensic approaches to the prevention, detection and investigation of crimes.

Keywords: digital technologies, crime prevention, digital transformation of crime, big data, artificial intelligence, blockchain, social credit system.

Структура преступности за последние годы претерпевает глобальные изменения, обусловленные научно-техническим прогрессом и бурным развитием цифровых технологий. Достижения в области IT-сферы активно используются в преступной деятельности, что серьезно трансформирует криминологические подходы к предупреждению преступности и вносит коррективы в традиционное понимание таких криминологических категорий, как время, место, способ, орудия, средства совершения преступления и т. д. В связи с заявленным тезисом рассмотрение вопросов внедрения цифровых технологий в противодействие преступности представляется весьма актуальным.

Объектом исследования в рамках статьи выступают закономерности деятельности уполномоченных субъектов по противодействию преступности с использованием цифровых технологий. *Цель* заключается в определении перспектив использования цифровых технологий в противодействии преступности с учетом уровня развития последних. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи*: 1) провести краткий анализ количественных и качественных показателей преступности в стране, определив цифровой компонент в ее структуре; 2) установить цифровые технологии, использование которых возможно при противодействии преступности, и дать их краткую характеристику; 3) определить перспективы их применения в криминологико-криминалистическом аспекте в целях совершенствования деятельности по противодействию преступности. В *методологию* исследования вошли системный подход, анализ, синтез, логический, социологический и статистический методы и др.

Если отталкиваться от количественных показателей зарегистрированных преступлений в Республике Беларусь, то наблюдаются следующие тенденции. В 2020 г. было зарегистрировано 95 478 преступлений, в 2021 – 87 696, в 2022 г. – 88 555, за I квартал 2023 г. – 19 596 [1], [2]. По данным Следственного комитета Республики Беларусь, количество киберпреступлений в 2020 г. составило 25 571, в 2021 – 15 503, за I квартал 2022 г. – 2 833 [3].

Анализ качественных характеристик преступности показал, что все больше деяний совершается с использованием глобальной компьютерной сети Интернет. Она, как правило, выступает местом, средством, орудием совершения преступлений при разжигании расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, реабилитации нацизма, экстремизме, склонении к самоубийству, развратных действиях, понуждении к действиям сексуального характера, клевете, незаконных действиях в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, хищении, путем модификации компьютерной информации, массовых беспорядках, заведомо ложном сообщении об опасности и т. д. Широкое распростра-

нение получили преступления, посягающие на компьютерную безопасность и связаны с модификацией компьютерной информации (ст.ст. 349, 350, 352 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)), разработкой вредоносных и иных программ, используемых в преступных целях (ст. 354 УК), нарушением правил эксплуатации компьютерной системы или сети (ст. 355 УК).

При изучении преступности особое место отводится личности преступника и вопросам предупредительного, профилактического воздействия на нее [4]. Приведем статистические данные (таблица 1), подтверждающие тот факт, что правоохранные органы ежегодно сталкиваются с достаточно многочисленной группой лиц, привлекаемых к уголовной ответственности:

Таблица 1 – Качественные и количественные показатели о преступности и лицах, совершивших преступления и осужденных за их совершение в Республике Беларусь за 2020–2022 гг. [5]

Качественные характеристики	Количественные характеристики / период		
	2020	2021	2022
Лица, совершившие преступления	40734	41323	42297
Мужчины	33506	33862	33224
Женщины	7228	7461	7730
Несовершеннолетние	1270	1351	1343
Число осужденных по приговорам судов, вступивших в законную силу	34572	36356	38206

Определяя количественные показатели по лицам, осужденным и задержанным за совершение преступлений, отметим следующие тенденции. За хищения путем использования компьютерной техники и преступления против компьютерной безопасности в 2020 г. было осуждено 1539 чел., в 2021 г. – 1206. Многочисленными являются преступления против собственности (за совершение краж зарегистрировано в 2020 г. – 8760 чел., 2021 г. – 9224 чел., 2022 г. – 11524 чел.; за грабежи в 2020 г. – 1051 чел., 2021 г. – 1138 чел., 2022 – 1166 чел.; за мошенничества в 2020 г. – 736 чел., 2021 г. – 900 чел., 2022 г. – 1227 чел.). За хулиганство в 2020 г. задержано 2008 чел., в 2021 г. – 2254 чел., 2022 – 2555 чел. За преступления, связанные с незаконными действиями в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, в 2020 г. было задержано 2002 чел., в 2021 г. – 2050 чел., 2022 г. – 2491 чел. За убийства в 2020 г. было привлечено к ответственности 293 чел., в 2021 г. – 317 чел., 2022 г. – 254. Так же, в республике зарегистрировано свыше 6 тыс. экстремистских преступлений, большая часть которых совершена в 2020–2021 г., 77 % из них раскрыто, с 2020 г. судами рассмотрено почти 3000 уголовных дел экстремистской направленности в отношении 3645 лиц. В частности, к лишению свободы по делам данной категории осуждено 42 % преступников, еще 20 % – к ограничению свободы [6].

Безусловно, наблюдаются положительные тенденции в деятельности уполномоченных субъектов по установлению лиц, совершающих преступления, раскрытию и расследованию преступлений. Однако, учитывая набирающую обороты цифровизацию, деятельность по противодействию преступности нуждается в серьезной трансформации, связанной с внедрением технологий цифрового мира: по установлению лиц, планирующих либо совершивших преступления; при раскрытии и расследовании преступлений; по разработке мер предупредительного воздействия на граждан, связанных с недопущением противоправного поведения. В пользу заявленного тезиса приведем следующие аргументы. Как уже отмечалось выше, и как показал краткий статистический анализ преступности, во-первых, достижения в области IT-технологий и научно-технического прогресса не только активно внедряются в деятельность правоохранительных органов, но и используются преступниками, существенно изменяя способы, орудия, средства совершения преступлений, и влияют на средства и методы противодействия преступности. Во-вторых, с переходом от индустриального к цифровому обществу пришло понимание того, что самым важным и стратегическим ресурсом является информация, активно используемая преступниками при совершении преступлений (например, кибермошенничество, терроризм и экстремизм, изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера, в том числе с участием несовершеннолетних и т. д.). В-третьих, как данность мы воспринимаем тот факт, что глобальная компьютерная сеть Интернет выступает пространством для объединения преступников в организованные группы, где осуществляется поиск жертв преступных посягательств и совершаются преступления.

В целях эффективного воздействия на цифровую трансформацию преступности целесообразно прибегнуть к более широкому применению технологий цифрового мира, адаптировать их для нужд правоохранительной деятельности. На наш взгляд, наиболее перспективными для использования являются следующие из них: 1) большие данные; 2) искусственный интеллект; 3) блокчейн технологии. В противодействии преступности указанные технологии наиболее активно применяются в США, Великобритании, Германии, Нидерландах, Японии, Китае. Особого внимания заслуживает опыт наших китайских партнеров по построению системы социального кредита своих граждан (далее по тексту – ССК), которая открывает далеко идущие перспективы по предупреждению противоправного поведения различных субъектов (отдельных граждан, социальных групп, субъектов хозяйствования и т. д.) [7]. ССК представляет собой результат использования всех выше названных цифровых технологий, используемых для формирования цифрового профиля граждан Китая [8, с. 87–89].

Итак, большие данные (big data – англ.) – информационная технология цифрового мира, серия подходов, инструментов и методов обработки структурированных и неструктурированных данных огромных объемов и значительного многообразия для получения воспринимаемых человеком результатов, эффективных в условиях непрерывного прироста, распределения по многочисленным узлам вычислительной сети. Говоря о больших данных в широком смысле, можно констатировать появление технологической возможности анализировать информацию в определенных проблемных областях в мировых масштабах данных для определенных целей (например, экология, экономика, национальная безопасность и т. д.). Характеризуя большие данные, выделяют «три V»: объем (volume – англ.) – величина физического объема данных; скорость (velocity – англ.) прироста данных, а также высокоскоростная обработка данных и получение результатов; многообразие (variety – англ.) – возможность одновременной обработки структурированных, полуструктурированных и неструктурированных данных.

Источниками больших данных выступают социальные данные, генерируемые людьми в социальных сетях, глобальной компьютерной сети Интернет («Интернет вещей», «Бодинет»); GPS-данные о перемещениях; статистика о рождаемости, смертности, уровне жизни; иная информация, отражающая показатели жизни людей; сведения о банковских транзакциях; логистическая информация; веб мобильных приложений; данные систем слежения и информация, получаемая со спутников. В настоящее время разработан обширный инструментарий для обработки больших данных от интеллектуального анализа до искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) еще одна технология цифрового мира, получившая свое развитие с 2016 г., применяемая, в том числе, для реализации правоохранительной функции. Наиболее показательным является пример Китая, где ИИ используется в деятельности полиции, судов при отправлении уголовного правосудия [9, с. 53–54]. США, Великобритания, ОАЭ, Индия, Франция, Швеция, Россия, Беларусь не являются исключением (например, системы ИИ используются в интеллектуальных системах наблюдения указанных стран при обеспечении безопасности в аэропортах, метро, пунктах пересечения государственной границы, на объектах с массовым пребыванием людей и т. д.).

Основа ИИ – искусственная нейронная сеть – распределенный параллельный процессор, состоящий из элементарных единиц обработки информации, накапливающих экспериментальные знания и предоставляющий их для последующей обработки. Искусственная нейронная сеть – это математическая модель нервной системы биологического организма, состоящая из искусственных нейронов. Она функционирует по принципам, сходным с работой мозга (человека, насекомого, животного). Информация, сведения поступают в искусственную нейронную сеть из окружающей среды (например, из больших данных), на основе которых происходит обучение сети, формируется память, накапливается опыт (данное свойство применяется в робототехнике). Таким образом, искусственная нейронная сеть проходит два этапа в своем жизненном цикле, благодаря чему формируется ИИ. Первый этап сопряжен с обучением – сеть учится выполнять задачи для решения которых она была создана (например, распознавание лиц, речи, походки и т. д.). Второй этап – функционирование – сеть используется для выполнения задач и представляет результаты своей деятельности, при этом продолжая формировать память, накапливать опыт.

Описанная выше технология – это так называемый «слабый» ИИ, на основе которого создаются полностью автоматизированные системы, развивающиеся в последнее время очень интенсивно. «Слабый» ИИ не заменяет человека, а решает конкретные задачи, связанные с распознаванием, установлением взаимосвязей на основе матричных и статистических методов и т. п. Однако специалисты в области IT-технологий стремятся к разработке универсального, «сильного» ИИ, способного заменить человека. В настоящее время такая возможность исследуется и перспективы создания «сильного» ИИ не совсем ясны, ввиду отсутствия технологической возможности.

Блокчейн (от англ. blockchain) – непрерывная последовательная цепочка блоков, содержащих информацию. Каждый блок имеет в своем заголовке метаданные (например, уникальная контрольная сумма, время создания), а также ссылку на предыдущий блок. Содержимое блока это, как правило, список цифровых активов и команд совершенных транзакций, их объемов и адресов участников сделок. Цепочка образует децентрализованную базу данных, которая является распределенным журналом для записи операций. Выделяют публичный блокчейн; блокчейн, принадлежащий консорциуму; приватный блокчейн.

Говоря о технологии в общих чертах, можно выделить следующие характеристики. Во-первых, информацию, содержащуюся в блоках цепочки, могут получать пользователи сети, имеющие доступ к ней. Доступ открывает специальный закрытый ключ, созданный на основе криптографического алгоритма. В связи с чем хранение и передача данных в цепочке блокчейн являются защищенными и безопасными. Во-вторых, данная технология используется для разработки программного обеспечения, способного выявлять и удалять, например, террористический, экстремистский контент до его массового продвижения в компьютерной глобальной сети Интернет [9, с. 51]. В-третьих, возможности применения блокчейна в противодействии преступности обширны в силу таких свойств, как общедоступность, надежность, высокая адаптивность и рентабельность. Например, в Китае блокчейн, ИИ, большие данные используются для цифровизации правоохранительной деятельности и правосудия, в том числе при расследовании и рассмотрении уголовных дел. В частности, блокчейн технологию активно применяют для распределенного хранения доказательств в электронном формате, исключая тем самым их фальсификацию; верификации криминалистических экспертиз и финансовых документов, используемых в судебном процессе [10].

Что же касается опыта Китая по ССК граждан, то данный подход вызывает множество разноплановых дискуссий и является объектом исследования в различных научных публикациях последних лет (С.А. Буткевич, П.Н. Данилин и И.Ю. Хилько, С.Д. Галиуллина и др., П.В. Трощинский, Т.Н. Юдина и Х.С. Сулемонова). В контексте нашего исследования определим наиболее важные аспекты ССК.

ССК в Китае была заложена во времена династии Сун (960–1279 гг.). В указанный период существовала круговая порука, называемая «баоцзя». Все жители делились на группы по 5–10 семей, должны были следить друг за другом и нести коллективную ответственность за противоправное поведение членов сообщества. Новое развитие система получила при Мао Цзэдуна в 1950-х гг., путем создания учета некоторых категорий граждан. В отношении последних формировались папки с личной информацией на бумажных носителях. С развитием интернета и цифровых технологий в 2002 г. на XVI съезде КПК Генеральный секретарь Цзян Цзэминь поставил задачу создания общекитайской системы социального кредита. В настоящее время данная система повсеместно внедряется в КНР [10, с. 50–51].

Система социального кредита – это электронная рейтинговая система оценки действий отдельных физических и юридических лиц, влияющая на их дальнейшую правоспособность, в том числе дающая право на получение различных льгот и привилегий, а также ограничивающая в отдельных правах лиц, систематически совершающих антисоциальные поступки, преступления. Отметим основные элементы данной системы: 1) сведения о гражданах и юридических лицах накапливаются в цифровом формате; 2) для накопления, обработки информации, формирования рейтинга используются технологии больших данных и ИИ, сосредоточенные в государственных органах – едином информационном центре; 3) учету подлежат все граждане Китая и юридические лица, осуществляющие деятельность на его территории; 4) доступ к информации о рейтинге граждан имеют, в том числе правоохранительные органы.

В соответствии с системой социального кредита каждое лицо получает стартовый рейтинг – 1000 баллов. Они начисляются за положительные действия (сообщение о правонарушении, своевременная оплата коммунальных платежей в течение года, активная волонтерская и иная общественная деятельность и т. д.), либо негативные действия (несвоевременная оплата коммунальных платежей, нарушение правил дорожного движения, курение в запрещенных местах, использование поддельных документов, распространение ложной информации о терроризме, совершение преступлений и т. д.). Таким образом, рейтинг рассчитывается путем анализа 160 000 параметров. В его основу положены четыре основных критерия: честность в государственных делах; коммерческая добросовестность; поведение в обществе; судебная история. После обработки данных гражданам присваиваются баллы: AAA (1050 баллов), AA (1000 баллов), A, B (900 баллов) – образцовые жители Китая; C (менее 849 баллов) – «неблагонадежные» жители (например, не имеют права занимать должности в органах государственной и муниципальной службы); D (менее 600 баллов) – наихудший рейтинг.

Для лиц, имеющих высокий рейтинг, открываются широкие возможности. Лица, которым присваивается рейтинг D, подвергаются различным ограничениям (например, они не могут свободно передвигаться по стране, их трудоустройство затруднено, им отказано в социальном обеспечении, запрещается обучение в престижных школах и вузах, получение кредитов и т. д.) и контролю со стороны правоохранительных органов.

На основании краткого анализа цифровых технологий в противодействии преступности представляется возможным определить некоторые перспективы их использования.

Как представляется, есть все основания по применению технологии больших данных в рамках криминалистической регистрации путем интеграции учетов Информационного центра МВД, ГКСЭ Республики Беларусь и других ведомств в единую систему, позволяющую осуществлять интеллектуальный анализ разрозненной информации по запросу в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Большие данные в совокупности с ИИ способны усилить с технологических позиций методологию учения о криминалистической идентификации, криминалистическую трасологию, дактилоскопию, криминалистическую габитоскопию в части развития комплексных цифровых систем, способных в режиме реального времени проводить идентификацию граждан по биометрическим данным (отпечаткам пальцев и ладоней рук, изображениям лиц и радужной оболочки глаза, татуировкам, шрамам, голосу, походке и др.) или прогнозировать их поведение.

Перечисленные технологии могут быть успешно применены в рамках криминалистической тактики и методики и вывести на новый технологический уровень: планирование расследования; принятие управленческих решений; выдвижение и проверку версий; разработку профилактических, предупредительных мер и их реализации в целях предупреждения преступности; прогнозирование и разрешение следственных ситуаций; проведение следственных действий путем анализа их результатов и устранения противоречий, в том числе по многоэпизодным уголовным делам; оценку достаточности собранных доказательств для предъявления обвинения и последующего расследования уголовного дела и т. д.

Блокчейн технологии будут полезны для совершенствования криминалистической тактики и методики и выведут на новый технологический уровень деятельность по собиранию, оценке, использованию и хранению доказательств в электронном формате при расследовании преступлений.

Опыт Китая по ССК граждан носит дискуссионный характер и вызывает множество вопросов по обеспечению прав и законных интересов граждан, но, безусловно, представляет научный и практический интерес в условиях цифровизации. ССК может рассматриваться как базис для выстраивания системы предупредительных мер в противодействии преступности и удержании ее под должным социальным контролем.

Внедрение ССК влечет пересмотр криминологических парадигм, устоявшихся в теории предупреждения преступности, а также совершенствование правоприменительной практики по предупредительному воздействию на личность преступника и преступность в целом.

Учитывая тот факт, что граждане нашей республики, как и граждане Китая, в большинстве своем законопослушные и дисциплинированные, придерживаются устоявшихся традиций, внедрение подобного опыта представляется весьма перспективным для нашей страны с учетом национальной правовой модели, социально-экономического и научно-технического развития.

Литература

1. Численность лиц, совершивших преступления [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет. – Режим доступа : <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Search?code=1063066>. – Дата доступа : 10.07.2023.
2. Количество зарегистрированных преступлений за I полугодие 2022 г. [Электронный ресурс] / МВД. – Режим доступа : <https://www.mvd.gov.by/ru/page/statistika>. – Дата доступа : 10.07.2023.
3. Число киберпреступлений снизилось почти вдвое. Заместитель председателя СК о тенденциях в области IT-преступлений [Электронный ресурс] / БЕЛТА. – Режим доступа : <https://www.belta.by/society/view/chislo-kiberprestuplenij-snizilos-pochti-vdvoe-zampred-sk-o-tendentsijah-v-oblasti-it-prestuplenij-496880-2022/>. – Дата доступа : 10.07.2023.
4. Личность преступника : характеристика, предупреждение формирования и криминализации : в 2 ч. / В. А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В. А. Ананича. – Минск : Академия МВД, 2022. – Ч. 1 : Общенаучные и теоретико-правовые основы изучения личности преступника. – 324 с.
5. Статистический ежегодник Республики Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2022. – С. 148–154.
6. Швед : количество экстремистских преступлений в прошлом году значительно уменьшилось [Электронный ресурс] / БЕЛТА. – Режим доступа : <https://www.belta.by/society/view/shved-kolichestvo-ekstremistskih-prestuplenij-v-proshlom-godu-znachitelno-umenshilos-551705-2023/>. – Дата доступа : 10.07.2023.
7. Рувинский, Р. З. «Система социального кредита» : исторические предпосылки и доктринальные основания феномена [Электронный ресурс] / Р. З. Рувинский, А. А. Тарасов // Национальная безопасность / nota bene. – 2020. – № 3. – Режим доступа : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33021. – Дата доступа : 10.07.2023.
8. Разумов, Е. А. Цифровое диктаторство : особенности системы социального кредита в Китайской Народной Республике / Е. А. Разумов // Труды ИИАЭ ДВО РАН. – 2019. – Т. 24, № 3. – С. 86–97.
9. Антонян, Е. А. Вопросы применения новых технологий в противодействии кибертерроризму / Е. А. Антонян // Мониторинг правоприменения – 2020. – №1 (34). – С. 51–55.
10. Трощинский, П. В. Цифровой Китай до и в период коронавируса : особенности нормативно-правового регулирования / П. В. Трощинский // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 1 (11). – С. 44–58.

Специфика предписаний, образующих содержание технического нормативного правового акта

Е.С. ТЕНЮТА

Настоящая статья посвящена исследованию специфики содержания технических нормативных правовых актов. Автор анализирует доктринальные подходы, а также положения действующего законодательства с целью определения содержания технического нормативного правового акта. Также на основании того, что основу технического нормативного правового акта составляют технико-юридические нормы, автором проведен критический анализ имеющихся в юридической доктрине подходов ученых-правоведов к определению сущности указанных норм, а также их признаков и характерных черт.

Ключевые слова: технические общественные отношения, технико-юридические нормы, технические нормативные правовые акты, нормы права, структура нормы права, структура технико-юридической нормы.

The article is focused on the study of the specific features of the content of technical normative legal acts. The author analyses doctrinal approaches, as well as provisions of the current legislation in order to determine the content of technical normative legal act. Also based on the fact that the basis of a technical normative legal act is made up of technical and legal norms, the author carried out a critical analysis of the approaches of legal scholars available in the legal doctrine to the definition of the essence of the specified norms, as well as their signs and characteristic features.

Keywords: technical social relations, technical and legal standards, technical normative legal acts, law provisions, structure of law provisions, structure of technical and legal standards.

В целях регламентации порядка взаимодействия человека с техникой и технологиями, а также обеспечения их безопасной, рациональной и эффективной эксплуатации государство принимает особые акты – технические нормативные правовые акты (далее – ТНПА).

В юридической доктрине исследованием ТНПА занимаются А.Ф. Черданцев, Н.В. Сильченко, С.В. Поленина, В.Ю. Лукьянова, Н.А. Тузов. Вместе с тем, в доктрине данный вопрос остается не в полной мере изученным, поскольку имеются пробелы: отсутствует единый непротиворечивый подход к определению сущности ТНПА, его признаков, а также места в системе источников права.

Однако изучение сущности ТНПА невозможно без анализа особенностей его содержания. Традиционно содержание любого нормативного правового акта образует совокупность нормативных предписаний (норм права), обеспечивающих государственно-властное регулирование определенного вида общественных отношений.

Содержание технических документов составляют технические предписания, которые представляют собой совокупность «правил поведения, регулирующих как порядок обращения людей с техникой производства, предметами и силами природы, так и их поведения по отношению друг к другу в процессе обращения с предметами внешнего мира» [1].

Важно отметить, что не все технические документы характеризуются одинаковым содержанием. Существенно то, что закрепленные в ТНПА технические предписания отличаются от предписаний, изложенных в технических актах неюридического характера, тем, что они выделяются особым «юридическим режимом их введения и применения». Как справедливо отмечает Н.А. Тузов, «признаком ТНПА является единство и взаимосвязь содержащихся в нем правовых и технических предписаний, которые в своей предметно-целевой совокупности составляют содержание ТНПА» [2, с. 38].

Профессор В.С. Белых отмечает, что «объединение технических и юридических норм в процессе регулирования технических общественных отношений явилось причиной возникновения технико-юридических норм» [3].

Долгое время классическая правовая доктрина не допускала возможность включения в систему права технических норм. Юристы привыкли понимать под нормами положения традиционных отраслей права – гражданского, уголовного, семейного, трудового, экологического и т. д. Незаинтересованность правоведов в исследовании технических норм, по мнению профессора Р.О. Халфиной, обусловлена тем, что содержание указанных норм формулируется не юридической наукой, а теми областями науки, к которым данная норма относится – химия, биология, медицина, инженерия, фармакология и т. д. [4].

Вместе с тем, взаимодействие человека и природы вышло на новый уровень. В настоящее время многие сферы жизни человека связаны с техническими и технологическими правилами эксплуатации машин и механизмов, обеспечения безопасности разных участков деятельности, охраны здоровья и жизни населения. Роль этих механизмов становится особенно значимой в условиях нарастающей технико-экономической, информационной и иной интеграции государств, когда степень общности в процессах является фактором предотвращения не только национальных, но и глобальных природных и техногенных катастроф.

Общеобязательность технических правил, обеспечение их соблюдения посредством мер государственного принуждения, привлечение к юридической ответственности за их нарушение – все это обуславливало возникновение у правоведов вопросов о том, как взаимосвязаны технические нормы и правовые, а в последствии – что представляют собой технико-юридические нормы?

Несмотря на то, что фактически ТНПА, содержащие технико-юридические нормы, существуют на протяжении длительного периода времени, первые исследования сущности технико-юридических норм были начаты в середине XX в., незадолго до начала научной разработки концепции ТНПА.

Исследованием технико-юридических норм в разное время занимались А.Б. Венгеров, Л.И. Денисов, Н.И. Матузов, А.В. Пчелкин, В.Ю. Лукьянова, А.С. Панова. Вместе с тем, как справедливо отмечает А.Ю. Тихомиров, технико-юридические нормы должны быть предметом «специального и серьезного анализа, поскольку в теории права плохо изучена и разработана природа таких норм» [5].

В юридической литературе прослеживается отсутствие терминологического единства в определении данного вида норм. Так, в разных источниках ученые именуют технико-юридическую норму как «юридико-техническая», «технико-правовая», «социально-техническая» или «правовая норма с материально-вещественным содержанием».

При определении сущности данной правовой категории авторы высказывают различные точки зрения относительно их содержательной стороны. Так, А.Ф. Черданцев, одним из первых исследуя особенности технико-юридической нормы, предложил понимать под ней «техническое правило, которое будучи облеченным в форму юридической нормы, становится общеобязательным правилом, юридической нормой с техническим содержанием, регулирующей поведение (действия) людей по отношению к природе, средствам производства и т. д., в которых (действиях) проявляются отношения между людьми» [6].

В.Н. Хропанюк, описывая технико-юридические нормы, указывал, что через закрепление технических правил в правовых нормах, эти правила приобретают юридическое значение, в силу этого они становятся не только целесообразными, но и обязательными, охраняемыми государством. При этом автор заметил, что в строгом соблюдении технических норм заинтересованы все члены общества, поэтому государство и придает им юридическую силу, «помещает под защиту» [7].

Согласно определению, содержащемуся в большом юридическом словаре, технико-юридические нормы или как они именуются в нем технико-правовые – это в основном нормы, действующие в материально-производственной и управленческой сфере (правила противопожарной безопасности, эксплуатации всех видов транспорта, атомных станций, строительных работ, энергоснабжения, хранения и перемещения взрывчатых и токсических веществ, обращения с оружием, особенно ядерным, разного рода госстандарты и т. п.) [8, с. 557]. Несмотря на то, что указанное определение не подчеркивает сущностные характеристики технико-юридической нормы, оно формирует четкое представление о том «масштабе» и разнородности сфер, в которых действуют указанные нормы.

Содержащееся в технико-юридической норме правило «обращено к воле и разуму человека, способно регулировать и упорядочивать его поведение» [9, с. 24]. В этой связи А.В. Венгеров писал, что они обеспечивают регулирование отношений между участниками общественного производства посредством установления их взаимных прав и обязанностей [10, с. 190]. Они являются мерой и моделью определенного вида деятельности», и в отличие от собственно правовых, они воздействуют в пределах не только возможного и должного, но и дозволенного и необходимого вида деятельности» [11].

Российский ученый А. Пчёлкин, анализируя сущность технико-юридической нормы, отмечал, что ее содержание составляет разрешенное, запрещенное или предписанное техническое действие, установленное или санкционированное государством и обеспеченное мерами государственного убеждения, поощрения и принуждения» [12]. Формулируя приведенную дефиницию, автор в полной мере раскрыл правовые характеристики, присущие технико-юридической норме, поскольку другие исследователи, при определении понятия технико-юридической нормы в большинстве случаев подчеркивали её техническую составляющую, а также в какой-то степени пытались противопоставить их нормам права.

Обобщая многочисленные определения технико-юридической нормы, можно отметить, что, несмотря на наличие определенной противоречивости и отсутствие единообразного подхода к определению технико-юридических норм, очевидным является тот факт, что технико-юридические нормы характеризуются двойственностью, выражающейся в одновременном сочетании технических и правовых признаков.

Советский ученый Ю.А. Трошин полагал, что «между собственно-правовыми и технико-юридическими нормами наряду с их общеобязательностью прослеживается немало общего», в частности, «формальная определенность, принудительность, динамизм...» [11]. В свою очередь А.Ф. Черданцев выделял следующие качественные признаки правовой нормы, которые заимствуются техническими нормами: они исходят от государства, выражают его волю, обеспечиваются возможностью государственного принуждения» [6]. Кроме названных в доктрине права признаков также полагаем отметить, что технико-юридическим нормам присущи и другие признаки нормы права: нормативность, внутренняя упорядоченность (т. е. наличие внутренней структуры «гипотеза-диспозиция-санкция»).

Подводя итог вышесказанному, можно выделить следующие признаки правовой нормы, которые в процессе трансформации были заимствованы технико-юридической нормой: 1) нормативность; 2) формальная определенность; 3) государственно-властный характер; 4) представительско-обязывающий характер; 5) обеспеченность государством; 6) внутренняя упорядоченность.

В то же время несмотря на проявление у технико-юридической нормы отдельных существенных характеристик нормы права, ей также свойственны признаки технической нормы.

Если признаки нормы права детально изучены учеными-правоведами, то признаки, характерные для технических предписаний, остаются мало исследованными. Проведенный анализ доктринальных источников, посвященный исследованию сущности технических норм, позволяет выделить следующие «технические» признаки, которые были заимствованы технико-юридической нормой в процессе ее «трансформации»:

1) *Обусловленность содержания законами природы и уровнем научно-технического прогресса.* Не вызывает сомнений доктринально обоснованная точка зрения, что технические нормы есть складывающиеся на основе физических закономерностей правила воздействия человека на природу в процессе производственной деятельности. В них закрепляются выявленные обществом закономерности функционирования природы, происходящих в ней процессов, а также существующих в ней предметов внешнего мира, которые человек использует в процессе своей деятельности.

В юридической литературе высказывается точка зрения, что технические нормы существуют объективно и в полной мере тождественны законам природы, однако их следует рассматривать как «сотворенные природой». Вместе с тем, техническая деятельность и техника не являются природно-определенными, они есть социальные феномены и содержат в себе

природные закономерности лишь в снятом виде [12, с. 32]. По этой причине профессор Н.И. Матузов указывал на ошибочность суждения о том, что технические нормы тождественны законам природы [13].

Соотношение законов природы и технических норм не столь однозначно, как отмечает А.В. Пчелкин. Будучи образованием идеальным, технические нормы складываются под непосредственным воздействием субъективного фактора. Человек в строго научном смысле слова ничего не может «указать» природе. Человек может лишь определенным образом исследовать природные процессы, свойства веществ, закономерности, свойственные этим веществам или процессам, их взаимодействие друг с другом. На основании проведенного изучения, человек дает им социальную оценку, т. е. признает их полезность, целесообразность, а также формирует обоснованное представление о том, как ему можно и следует воздействовать на изученное природное явление (процесс), которое и трансформируется в правило поведения – техническую норму [12, с. 36].

Таким образом, содержание технико-юридической нормы, с одной стороны, обусловлено законами природы, а также уровнем развития научно-технического прогресса, с другой стороны, при формировании технической нормы основополагающее значение имеет сознание и воля человека, так как именно человек с учетом имеющихся общественных потребностей определяет форму, характер и содержание технических норм.

2) *Невыраженность социального характера.* Еще одной особенностью технических норм является то, что они не регулируют отношения между людьми, а определяют поведение людей по отношению к природе и предметам внешнего мира. В юридической доктрине такие отношения именуются «субъектно-объектные». Так, профессор Ю.Г. Басин, характеризуя понятие технико-юридические нормы, акцентировал внимание на том, что «в общей массе правовых правил они сохраняют свое обособленное положение в силу технического содержания, означающего непосредственное регулирование связи «человек – предмет» [14].

Советский ученый С.С. Алексеев отметил, что «если существуют нормы, регулирующие поведение людей (а не отдельного человека) по отношению предметам природы, техники, то они неизбежно приобретают социальное содержание, т. е. являются нормами, регулирующими отношения между людьми по поводу предметов природы, техники» [15]. С указанным суждением мы согласны, поскольку технические нормы возникли в результате изучения человеком определенных природных явлений с целью последующего применения выявленных особенностей или закономерностей в своей деятельности в обществе, по этой причине первоначально, еще до момента формирования человеком технической нормы, она преследует цель обеспечить в будущем рациональность и эффективность деятельности, по поводу или в процессе которой в обществе возникают определенные общественные отношения. Следовательно, даже несмотря на то, что технические нормы регулируют отношения «человек-предмет», их конечной целью выступает регулирование отношений «человек-человек», возникающих в процессе эксплуатации определенного объекта.

Сторонники социальности технических норм, отмечают, что технические предписания – это разновидность социальных норм, поскольку им присущи такие качества, как их общий характер, значимость не для отдельного индивида, а для коллектива, подобно социальным нормам» [6, с. 7]. С указанным доводом следует согласиться, поскольку от рационального и надлежащего использования человеком предмета внешнего мира или воздействия на них в процессе осуществления своей деятельности зависит безопасность других индивидов и общества в целом.

В то же время ошибочно считать, что все технические предписания носят социальный характер. Так, следует на этот счет согласиться с мнением В.Н. Ивановой, что не все технические нормы одинаковые. Исследователь отмечает, что есть чистые технические нормы, примером которых могут рассматриваться нормы давления, нормы тепла и т. д., они выражают закономерности природных явлений и процессов, а есть социально-технические нормы, возникающие в результате «соприкосновения технических требований с поведением людей» [16, с. 11]. Именно последние должны быть отнесены к категории социальных регуляторов. С указанной точкой зрения следует согласиться, поскольку различные законы физики, химии и других естественных наук также обусловлены закономерностями природы и происходящих в ней явлений, однако они существуют вне зависимости от общества и осуществляемой в нем

деятельности и их исследование не преследует цель обеспечить регулирование общественных отношений, в первую очередь их открытие связано с необходимостью понимать и контролировать происходящие в природе явления. Более того, содержание указанных законов во многом обуславливает содержание технических норм или в терминологии вышеупомянутых исследователей социально-технических норм. Например, законы физики учитываются и положены в основу разработки правил пользования электроприборами или строительных норм.

Таким образом, проведенный анализ доктринальных точек зрения позволяет констатировать, что техническая норма несет определенную социальную значимость для общества, а также в косвенном виде обеспечивает регулирование складывающихся в обществе отношений, что позволяет говорить о ее социальном характере. Имеющиеся в доктрине аргументы против социальности или, как указывают некоторые исследователи, «полусоциального» характера технических норм не являются убедительными, поскольку зачастую учеными игнорируется реальная роль технических норм в обществе, а также их постоянно возрастающая значимость в процессе регулирования деятельности человека в условиях стремительной технизации общества и осуществляемой в нем деятельности. При этом не все технические нормы могут и должны рассматриваться в качестве социального регулятора.

Еще одной особенностью технико-юридических норм, которая заимствована ими от технических, является их *целевой характер*. Российский академик Н.М. Коркунов писал, что «технические нормы – это нормы, позволяющие сформировать цели человеческих действий» [17]. Аналогичную точку зрения поддерживал и А.Ф. Черданцев, который в своем труде указывал, что технические нормы являются «правилами целевыми, поскольку их соблюдение преследует цель – достижение определенного результата в трудовой или иной практически-технической деятельности людей» [6, с. 5].

О данном признаке писал также и А.В. Пчелкин, отмечая, что «технические нормы – это правила, которые разрабатываются и применяются с целью удовлетворения потребностей субъектов за счет использования сил и свойств природы» [12, с. 21].

С приведенными аргументами следует согласиться, поскольку технико-юридические нормы – это своего рода алгоритмы, которые были сформулированы обществом и впоследствии санкционированы государством на основании познания закономерностей законов природы или свойств предметов внешнего мира, которые позволяют человеку, действуя определенным образом, достичь определенную цель, имеющую большую значимость для общества и государства. Примерами таких целей могут быть обеспечение и поддержание экологической, санитарно-эпидемиологической, экономической, энергетической и технологической безопасности.

3) *Элитарность нормы*. Профессор В.Б. Исаков, отмечая, что у технических норм «масса особенностей, отличающих их от других юридических норм», кроме уже обозначенных признаков предложил рассматривать в качестве обособленного признака элитарность технических норм [18]. Указанный признак не нашел широкого признания в юридической доктрине, однако, полагаем, недопустимо его игнорировать, поскольку он является еще одной отличительной чертой данного вида норм.

Элитарность заключается в том, что технические нормы разрабатывает, продвигает и развивает преимущественно научно-техническая элита. Подобная особенность во многом обусловлена тем, что содержание технического предписания составляет сформированное представление о законах или явлениях природы, а также их влиянии на деятельность человека.

Кроме того, элитарность технических норм подтверждается тем, что большинство технических документов, в том числе ТНПА, разрабатываются научно-исследовательскими или специализированными организациями, поскольку разработка технических предписаний требует вовлечения высококвалифицированных специалистов в ограниченной сфере деятельности. Например, строительные нормы (СН 1.03.03-2019) утверждены и введены в действие постановлением Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 29 ноября 2019 г. № 64, однако разработаны РУП «СТРОЙТЕХНОРМ».

Технические нормы следует рассматривать в качестве своеобразного «алгоритма», созданного государством и обеспечивающего безопасное и эффективное воздействие человека на природу или предметы внешнего мира для достижения целей, являющихся стратегически важными и значимыми для общества и государства.

Наиболее значимые для общества и государства технические нормы были обрaмлены правовой оболочкой и трансформировались в технико-юридические нормы.

Принимая во внимание проанализированные подходы к определению понятия технико-юридическая норма, а также учитывая выявленные сущностные черты технических и правовых норм, которые одновременно проявляются у технико-юридической нормы, полагаем возможным сформулировать следующую авторскую дефиницию:

«Технико-юридическая норма – сформированное в обществе, а в последствии санкционированное государством правило, регламентирующее порядок осуществления технической деятельности, рассчитанное на неопределенный круг лиц и закрепленное в техническом нормативном правовом акте, принятом компетентным органом или организацией в установленном порядке».

Литература

1. Тенюта, Е. С. О сущности технического нормативного акта / Е. С. Тенюта // Журнал «Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні». – 2023. – № 3. – С. 81–88.
2. Тузов, Н. А. Технико-юридические акты в системе государственного управления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Н. А. Тузов. – М., 1984. – 218 с.
3. Белых, В. С. Техническое регулирование экономики и предпринимательской деятельности : монография / В. С. Белых [и др.] ; под общ. ред. В. С. Белых. – М. : Проспект, 2016. – 144 с.
4. Социалистическое право и научно-техническая революция / Р. О. Халфина, С. В. Поленина, Н. П. Колдаева [и др.] ; отв. ред. Р. О. Халфина. – М. : Наука, 1979. – 343 с.
5. Тихомиров, Ю. А. Правовое регулирование : теория и практика / Ю. А. Тихомиров. – М. : Формула права, 2010. – 400 с.
6. Черданцев, А. Ф. Технико-юридические нормы в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Ф. Черданцев ; Урал. гос. ун-т. – Свердловск, 1963. – 24 с.
7. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права : учебник для бакалавров / В. Н. Хропанюк ; под ред. В. Г. Стрекозова. – 9-е изд., стер. – М. : Омега-Л, 2015. – 323 с.
8. Большой юридический словарь / авт.-сост.: В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова ; под ред.: А. Я. Сухарев, В. Д. Зорькин, В. Е. Крутских. – М. : ИНФРА-М, 1998. – 790 с.
9. Лукьянова, В. Ю. Технический регламент в системе российского законодательства : монография / В. Ю. Лукьянова. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Ин-т зак-ва и сравнит. правовед. при Правительстве РФ : ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2017. – 208 с.
10. Венгеров, А. Б. Теория государства и права : учебник / А. Б. Венгеров. – 2-е изд. – М. : Омега-Л, 2005 (ОАО Ярослав. полигр. комб.). – 607 с.
11. Трошин, А. Ф. Роль технико-юридических и правовых норм в развитии способностей работников / А. Ф. Трошин // Совет. государство и право. – 1980. – № 8. – С. 66–67.
12. Пчелкин, А. В. Технико-юридические нормы в современной России (Проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. В. Пчелкин. – Нижний Новгород, 2004. – 194 с.
13. Матузов, Н. И. Право в системе социальных норм / Н. И. Матузов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1996. – № 2 (213). – С. 144–157.
14. Басин, Ю. Г. Технические предписания и право / Ю. Г. Басин // Юридические науки. Сборник КазГУ. – Алма-Ата : Изд-во Каз. ун-та, 1976. – Вып. 6. – С. 68–78.
15. Теория государства и права : Учеб. для студ. вузов, обуч. по спец. «Юриспруденция» / С. С. Алексеев, С. И. Архипов, Г. В. Игнатенко [и др.] ; авт. предисл. С. С. Алексеев ; отв. ред.: В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. – 2-е изд., изм. и доп. – М. : НОРМА, 2000. – 595 с.
16. Иванова, В. Н. Технико-юридические нормы в системе правового воздействия на научно-технический прогресс / В. Н. Иванова // Изв. вузов. Правоведение. – 1983. – № 2. – С. 10–17.
17. Коркунов, Н. М. лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – Изд. 8-е (без измен.). – СПб. : Н. К. Мартынов, 1909. – 354 с.
18. Исаков, В. Б. Преемственность правовых норм в сфере технического регулирования / В. Б. Исаков // Юрид. техника. – 2011. – № 5. – С. 184–191.

Некоторые правовые аспекты обращения с женщинами, оказавшимися в сфере уголовного правосудия

И.Н. Цыкунова, И.М. Сеница

В статье исследуются вопросы обращения с женщинами, обусловленные применением к ним уголовных и уголовно-процессуальных мер, направленных на изоляцию от общества. Анализируется целесообразность применения таких мер к некоторым категориям женщин, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления. Рассматриваются проблемы, связанные с условиями пребывания осужденных женщин в местах лишения свободы и их ресоциализацией.

Ключевые слова: правовые стандарты, осужденные, лишение свободы, заключение под стражу, ресоциализация.

The article examines issues of treatment of women caused by application of criminal and criminal procedural measures aimed at isolating them from society. The practicability of applying such measures to certain categories of women suspected or accused of committing a crime is analyzed. The problems associated with the conditions of stay of convicted women in places of deprivation of liberty and their resocialization are considered.

Keywords: legal standards, convicts, imprisonment, detention, resocialization.

Введение. Международно-правовые акты по правам человека признают женщин уязвимой категорией населения. Оказавшись в системе уголовного правосудия, которая в значительной степени предназначена для мужчин, женщины, содержащиеся под стражей, или отбывающие наказание, связанное с изоляцией от общества, а также женщины, отбывшие наказание, после освобождения особенно нуждаются в особой заботе государства в вопросах признания и обеспечения их прав, особых нужд и потребностей.

Наличие физиологических, эмоционально-психологических и других особенностей женщины, отличающих ее от мужчины, социальная значимость женщины как матери во многом и предопределили разработку международного документа в отношении женщин-правонарушителей. Международные стандарты в части удовлетворения потребностей женщин, попавших в сферу уголовного правосудия, были приняты в декабре 2010 г. резолюцией 65/229 Генеральной Ассамблеи на двенадцатом международном тюремном конгрессе в виде Правил Организации Объединенных Наций, касающихся обращения с женщинами-заклученными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы, известных, как Бангкокские правила.

Бангкокские правила объединяют 70 правил, имеющих отношение к положению и защите следующих категорий женщин, оказавшихся в системе уголовного правосудия: женщин-заклученных, отбывающих наказание; женщин-заклученных, находящихся под арестом или ожидающих суда; женщин, являющихся объектом «мер безопасности» или исправительных мер, назначенных судьей; женщин-правонарушителей, к которым применены меры, не связанные с лишением свободы. Данная защита включает в себя и заботу о социальной реинтеграции женщин, что неоднократно повторяется в тексте рассматриваемого международного документа (пп. 29, 40, 43, 46 и др.) [1]. В п. 47 Бангкокских правил прямо указано, что освободившимся женщинам-заклученным, нуждающимся в психологической, медицинской, юридической и практической помощи, с целью обеспечения их успешной социальной реинтеграции в сотрудничестве с общинными службами оказывается дополнительная поддержка.

Таким образом, необходимость обеспечения особых потребностей женщин-заклученных и социальной реинтеграции (ресоциализации) женщин, с учетом их гендерных особенностей и особой уязвимости, декларируются на самом высоком международном уровне. Однако не всегда должное внимание уделяется потребностям женщин, обеспечивающим именно их ресо-

циализацию. Практически всегда правила в сфере обеспечения прав и особых потребностей женщин, находящихся в заключении, и особенности ресоциализации женщин рассматриваются исключительно в рамках материнства и семейных отношений. В конечном счете в особой защите нуждаются любые женщины, как имеющие малолетних детей, так и не имеющих таковых, как состоящие в семейных отношениях, так и не состоящие в них.

Основная часть. Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства (ст. 8 Конституции Республики Беларусь) [2]. Поэтому принятые на международном уровне и закрепленные в международных документах нормы, содержащие правила в сфере обеспечения прав и особых потребностей женщин, находящихся в заключении, и ресоциализации осужденных женщин, освобожденных из мест лишения свободы, получили закрепление в законодательстве Республики Беларусь.

Необходимо отметить, что в действующем законодательстве термины «заключение», «заключенный» практически не используются. В связи с чем, учитывая необходимость адаптации терминологии международно-правовых стандартов к условиям отечественного законодательства, далее речь пойдет о правилах обращения с женщинами, содержащимися под стражей, в отношении которых в ходе производства по уголовному делу применены принудительные меры в виде задержания и заключения под стражу, о правилах обращения с осужденными женщинами при исполнении наказания в виде лишения свободы, а также о проблемных аспектах ресоциализации осужденных женщин.

Применение принудительных мер в виде задержания и заключения под стражу неизбежно связано с существенным ограничением права на свободу и личную неприкосновенность как мужчины, так и женщины. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК) закрепляет основания и условия задержания и заключения под стражу лица независимо от его половой принадлежности (ст. 107, 108, 110–112, 117–119, 126 УПК) [3]. Поэтому каких-либо особенностей применения этих принудительных мер в отношении женщины, принимающей участие при производстве по уголовному делу в качестве подозреваемой или обвиняемой, уголовно-процессуальным законом не предусмотрено. Вместе с тем, полагаем, что при принятии процессуального решения о содержании под стражей подозреваемой или обвиняемой женского пола наряду со строгим соблюдением требований УПК необходимо учитывать психофизиологические и другие особенности женщины, актуализирующие значимость индивидуализации и целесообразности (эффективности) применения в отношении ее принудительных мер в виде задержания и заключения под стражу.

На наш взгляд, определяя целесообразность применения заключения под стражу в отношении женщины, в первую очередь необходимо учитывать характер и степень общественной опасности деяния и ее личности и исходить из необходимости и обусловленности ее применения, когда менее строгая мера пресечения не будет способствовать достижению целей уголовного преследования. Как правило, лица женского пола по сравнению с мужчинами совершают преступления меньшей степени общественной опасности и уровень женской преступности ниже уровня мужской. Заключение под стражу является самой строгой мерой уголовно-процессуального принуждения, сопровождающейся наиболее существенным ограничением прав и свобод. Мы поддерживаем высказывание Ю.В. Францифорова о том, что «ограничения прав и свобод женщин могут быть оправданы только публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, ... а потому при разрешении вопросов, связанных с применением законодательства о мерах пресечения в отношении женщин, ... следует соблюдать баланс между публичными интересами, связанными с применением мер процессуального принуждения, и важностью права на свободу личности» [4, с. 50].

Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется лишь в случае совершения преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет (ч. 1 ст. 126 УПК). Т.А. Савчук, анализируя условия применения заключения под стражу, отмечает, что «в науке уголовного процесса данное законодательное правило оценивается неоднозначно. Одни авторы полагают, что санкция уголовного закона в 2 года лишения свободы как критерий для применения заключения под стражу вызывает сомнения и является условным. Другие ученые (например, Л.Л. Зайцева) предлагают избирать данную меру

пресечения в случае преступлений, влекущих наказание свыше 6 лет лишения свободы. Отдельные правоведы (например, О.И. Цоколова) отмечают, что критерием избрания любой меры пресечения должна выступать категория преступления. Для заключения под стражу – совершение лицом тяжкого и особо тяжкого преступления, в исключительных случаях – преступления средней тяжести» [5]. Разделяя данные мнения, Т.А. Савчук полагает возможным повысить санкцию уголовного закона как критерий применения заключения под стражу до наказания в виде лишения свободы на срок свыше 3 лет и предлагает в качестве исключения из общего правила «рассматривать (для других категорий преступлений, например, менее тяжких и не представляющих большой общественной опасности) случаи, когда преступление совершается:

- умышленно лицами, ранее неоднократно судимыми за аналогичные преступления и имеющими непогашенную и неснятую судимость;
- в период отбывания ранее назначенного судом наказания, не связанного с реальным лишением свободы» [5].

В целом соглашаясь с позицией автора, и с учетом вышеизложенного, полагаем целесообразным законодательно ограничить в УПК применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении женщины, подозреваемой или обвиняемой в совершении преступления, не представляющего большой общественной опасности, а также менее тяжкого преступления.

Применение и заключения под стражу, и задержания влечет принятие процессуального решения о содержании лица под стражей. Сущность содержания под стражей состоит в нахождении лица под охраной в местах содержания под стражей либо иных местах, определенных Законом Республики Беларусь от 16 июня 2003 г. № 215-З «О порядке и условиях содержания лиц под стражей» (далее – Закон).

Условия содержания лиц под стражей регулируются Законом независимо от половой принадлежности лица, задержанного или заключенного под стражу. Тем самым, женщины, содержащиеся под стражей, оказываются в санитарно-гигиенических условиях, созданных для мужчин, и не учитывающих их специфических физиологических и других потребностей. Особенности содержания под стражей предусмотрены лишь для беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в возрасте до трех лет, а также несовершеннолетних и инвалидов (ст. 23–24¹ Закона) [6]. В частности, женщины, содержащиеся под стражей, могут иметь при себе детей в возрасте до трех лет; для беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей, создаются улучшенные материально-бытовые условия, организуется медицинское обслуживание и устанавливаются повышенные нормы питания и вещевого обеспечения; им предоставляются ежедневные прогулки продолжительностью не менее трех часов; ограничение продолжительности ежедневных прогулок не допускается; к беременным женщинам и женщинам, имеющим при себе детей, не может быть применено в качестве меры взыскания водворение в карцер; с согласия женщин, содержащихся под стражей, их дети могут быть переданы родственникам. Кроме того, норма площади в камере на одного человека устанавливается рассматриваемой категории лиц в размере не менее четырех квадратных метров (ст. 13 Закона) и не допускается ограничение веса передач (ст. 17 Закона). Дополнительно Правила внутреннего распорядка изоляторов временного содержания территориальных органов внутренних дел (п. 19) [7] и Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел (п. 26) [8] предусматривают, что для размещения беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в возрасте до трех лет, используются наиболее светлые и сухие камеры, а камеры следственных изоляторов оборудуются одноярусными спальными местами и детскими кроватями. Личный обыск производится лицом одного пола с обыскиваемым [7, п. 24], [8, п. 38], женщины с детьми в возрасте до трех лет получают предметы ухода за ними [7, п. 57], [8, п. 54]. Согласно п. 12 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел для приема в следственный изолятор женщины с ребенком в возрасте до трех лет необходимы свидетельство о рождении или другие документы, подтверждающие принадлежность ребенка матери, а при отсутствии таких документов – письменное указание органа, ведущего уголовный процесс, с указанием полных данных ребенка, заверенное в установленном порядке и скрепленное печатью с изображением Государственного герба Республики Беларусь [8].

Таким образом, обращение с женщинами, содержащимися под стражей, на законодательном уровне не имеет отличий по сравнению с мужчинами, за исключением категории беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в возрасте до трех лет. В целях обеспечения особых нужд и потребностей женщин, содержащихся под стражей, представляется целесообразным законодательно закрепить различные условия содержания под стражей женщин и мужчин.

Что касается стандартов обращения с осужденными женщинами при исполнении наказания в виде лишения свободы, исходя из анализа отечественного уголовно-исполнительного законодательства, можно заключить, что условия отбывания наказания в виде лишения свободы для осужденных женщин несколько мягче, чем для осужденных мужчин. В частности, осужденные женщины отбывают лишение свободы в исправительных колониях только в условиях общего и строгого режимов, в то время как осужденные мужчины – еще и в условиях усиленного режима и исправительной колонии особого режима (ст. 64 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь 2000 г. (далее – УИК)) [9].

Каких-либо других отличий в условиях отбывания лишения свободы в исправительных учреждениях для женщин в УИК не предусмотрено. Более того, исследования, проведенные С.М. Свило, показали, что «условия жизни в ИК созданы без достаточного учета психологических, физиологических и других особенностей лиц женского пола. Во время отбывания наказания происходят непрерывные циклические процессы, которые влияют на психику, вызывают взрывы эмоций, беспричинную агрессию у женщин. Санитарно-гигиенические условия, перечень инвентаря и предметов, которыми обеспечиваются ИК, не учитывают особенностей физиологии: повсеместно отмечается недостаток отдельных средств гигиены, одежды и белья, дополнительных гигиенических мест, невозможность нормальной стирки и т. п. Закрепленная в ст. 94 УИК норма жилой площади на осужденного – два квадратных метра – не предусматривает различий в условиях содержания мужчин и женщин» [10]. В связи с этим автор высказывает предложение, с которым мы согласны, увеличить минимальную норму жилой площади, предоставляемой женщинам, отбывающим наказание в исправительной колонии, до трех квадратных метров на одно лицо.

Необходимо отметить, что УИК предусматривает особенности условий отбывания наказания в виде лишения свободы для беременных женщин, кормящих матерей и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет. Так, в тюрьме на строгом режиме не могут содержаться осужденные беременные женщины и женщины, имеющие при себе малолетних детей (ч. 4 ст. 124 УИК). Кроме того, осужденные беременные женщины и кормящие матери в штрафной изолятор, помещения камерного типа не водворяются и на строгий режим в тюрьме не переводятся (ч. 2 ст. 112 УИК). Осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, судом может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания на период освобождения от работы по беременности, родам и до достижения ребенком трехлетнего возраста (ст. 189 УИК).

УИК также предусматривает особенности материально-бытового обеспечения осужденных беременных женщин, кормящих матерей и женщин, имеющих детей, включая: улучшенные жилищно-бытовые условия и повышенные нормы питания беременным женщинам и кормящим матерям (ч. 4 ст. 94 УИК), бесплатное питание на период освобождения их от работы (ч. 6 ст. 94 УИК), дополнительные продовольственные посылки и передачи в количестве и ассортименте, необходимых для поддержания нормального здоровья матери и ребенка, право на медицинскую помощь на период родов и в послеродовой период (ч. 4 ст. 95 УИК). Осужденные женщины могут помещать своих детей в возрасте до трех лет в дом ребенка исправительного учреждения, им может быть разрешено совместное проживание с детьми в домах ребенка (ч. 1 ст. 95 УИК). Осужденным женщинам, имеющим детей в доме ребенка исправительной колонии, может быть разрешен краткосрочный выезд за пределы исправительного учреждения на срок до семи суток для устройства детей у родственников либо в детском интернатном учреждении, а осужденным женщинам, имеющим детей-инвалидов вне исправительной колонии, – один краткосрочный выезд в год на тот же срок для свидания с ними (ч. 3 ст. 92 УИК).

Считаем необходимым затронуть еще один аспект рассматриваемой темы, а именно, необходимость особого отношения к ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы. В Республике Беларусь отсутствует единое научное понимание и законодательное определе-

ние термина «ресоциализация», однако существующий консенсус мнений ученых и практиков позволяет рассматривать ресоциализацию как специализированный процесс, направленный на достижение требуемого результата – возвращения осужденного к нормальной жизни в обществе через формирование его готовности самостоятельно вести законопослушный образ жизни.

Как уже указывалось, необходимость социальной ресоциализации (реинтеграции) женщин с учетом их гендерных особенностей, признана на самом высоком международном уровне (пп. 29, 40, 43, 46 и др. Бангкокских правил). Однако существующий механизм интеграции осужденных в общество, основанный на нормах УИК, представляется достаточно скудным.

Очевидно, что процесс ресоциализации осужденных женщин сложен и противоречив. Как показывает практика, в процессе отбывания наказания у них чаще, чем у мужчин, происходит распад семей и прерывание отношений с близкими им людьми. В целом, на ресоциализацию осужденных женщин в большей степени оказывают негативное влияние условия содержания в исправительных учреждениях. Исследователи указывают, что имеется некая специфика восприятия женщинами наказания и мер воздействия, что проявляется в комплексе психических состояний в виде фрустрации, тоски, безнадежности, отчаяния [11]. Длительная разлука усугубляет проблемы родительства и отчуждает женщину (и, соответственно, ее детей) от совместной жизни и формирования устойчивых семейных связей.

В настоящее время воспитательная работа, проводимая в исправительных учреждениях, направлена на подготовку осужденных к освобождению и сориентирована на разъяснение их прав и обязанностей после освобождения. Фактическая помощь заключается в содействии в поиске работы и жилья.

Мы считаем, что работа по ресоциализации осужденных женщин должна быть сосредоточена на выработке у них мотивации законопослушного поведения, которое базируется не на страхе наказания, а на осознании ценности и перспектив такого поведения. Прежде всего, женщина должна принять необходимость и увидеть возможность восстановления (или формирования) общественно полезных связей, нормальной трудовой деятельности, повышения социокультурного уровня. Особенно важно это для тех, кто не имеет возможности реализоваться через материнство, и для пожилых женщин, не имеющих семьи или не принимаемых ею. У женщин разного возраста уже в силу биологических причин могут быть совершенно разные потребности и перспективы, что необходимо учитывать в работе с ними.

Заключение.

1. Применение принудительных мер в виде задержания и заключения под стражу подозреваемой или обвиняемой женского пола предполагает строгое соблюдение требований уголовно-процессуального закона, учет при принятии процессуального решения характера и степени общественной опасности совершенного деяния, социально-личностной характеристики подозреваемой или обвиняемой, а также наличия психофизиологических и других особенностей женщины, актуализирующих значимость индивидуализации и целесообразности применения в отношении ее заключения под стражу. Полагаем целесообразным законодательно ограничить в УПК применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении женщины, подозреваемой или обвиняемой в совершении преступления, не представляющего большой общественной опасности, а также менее тяжкого преступления.

2. В настоящее время обращение с женщинами, содержащимися под стражей, на законодательном уровне не имеет отличий по сравнению с мужчинами, за исключением категории беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в возрасте до трех лет. Условия отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительных учреждениях для женщин также не имеют принципиальных отличий от условий отбывания лишения свободы, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством для мужчин, за исключением видов режима и категории беременных женщин, кормящих матерей и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет. В целях обеспечения особых нужд и потребностей женщин, содержащихся под стражей и отбывающих наказание в виде лишения свободы, представляется целесообразным законодательно закрепить различные условия содержания под стражей и отбывания лишения свободы женщин и мужчин, а также увеличить минимальную норму жилой площади, предоставляемой женщинам, отбывающим наказание в исправительной колонии, до трех квадратных метров на одно лицо.

3. Реализация указанных выше мер, на наш взгляд, будет способствовать более эффективной ресоциализации осужденных женщин, что и является целью уголовной ответственности. Кроме того, успешная работа по реинтеграции женщин в общество требует единого комплексного и гибкого подхода и учета их специфических особенностей психологического и физиологического характера.

Литература

1. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила) [Электронный ресурс] : приняты резолюцией 65/229 Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 2010 г. / Организация Объединенных Наций // Конвенции и соглашения. – Режим доступа : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml. – Дата доступа : 15.11.2023.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г.) [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.pravo.by>. – Дата доступа : 15.11.2023.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, 16 июля 1999 г. № 295-3 ; с изм. и доп. [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.pravo.by>. – Дата доступа : 15.11.2023.

4. Францифоров, Ю. В. Особенности применения мер уголовно-процессуального принуждения и производства следственных действий с их участием / Ю. В. Францифоров // Вестн. Волгogr. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. – 2016. – № 2 (31). – С. 49–55.

5. Савчук, Т. А. Условия применения заключения под стражу [Электронный ресурс] / Т. А. Савчук // ilex новости. – Режим доступа : <https://ilex.by/usloviya-primeneniya-zaklyucheniya-pod-strazhu/>. – Дата доступа : 15.11.2023.

6. О порядке и условиях содержания лиц под стражей [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 16 июня 2003 г., № 215-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.pravo.by>. – Дата доступа : 15.11.2023.

7. Правила внутреннего распорядка изоляторов временного содержания территориальных органов внутренних дел [Электронный ресурс] : утв. постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 30 ноября 2016 г., № 315 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.pravo.by>. – Дата доступа : 15.11.2023.

8. Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел [Электронный ресурс] : утв. постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 13 января 2004 г., № 3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.pravo.by>. – Дата доступа : 15.11.2023.

9. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь, 11 янв. 2000 г., № 365-3 ; с изм. и доп. [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.pravo.by>. – Дата доступа : 15.11.2023.

10. Свило, С. М. Реализация наказания в виде лишения свободы в отношении женщин (на примере Республики Беларусь) / С. М. Свило // Вестн. Казанского юрид. ин-та МВД России. – 2011. – № 3 (5). – С. 42–47.

11. Кутлубаев, И. И. Личность осужденных женщин [Электронный ресурс] / И. И. Кутлубаев // Молодой ученый. – 2020. – № 11 (301). – Режим доступа : <https://moluch.ru/archive/301/68114/>. – Дата доступа : 16.11.2023.

К вопросу о кибершпионаже как инструменте совершения преступлений, связанных со шпионажем

О.Г. ШЛЯХТОВА, С.Л. ЕМЕЛЬЯНОВ

В статье анализируется кибершпионаж как средство коммерческого шпионажа. Кибершпионаж – обход систем компьютерной безопасности и получение несанкционированного доступа к защищённой информации в различных целях.

Ключевые слова: кибершпионаж, коммерческий шпионаж, национальная безопасность, цифровизация, информационные технологии, корпоративные сети, утечка информации.

The article analyzes cyber espionage as a means of commercial espionage. Cyber espionage is the bypassing of computer security systems and gaining unauthorized access to protected information for various purposes.

Keywords: cyber espionage, commercial espionage, national security, digitalization, information technologies, corporate networks, information leakage.

Введение. Глобальная компьютеризация (цифровизация) общества позволяет компьютерным технологиям быстрыми темпами проникать во все сферы жизни граждан. Во-первых, это открывает перед гражданами и обществом в целом новые возможности. Во-вторых, стремительное развитие технологий, рост количества электронных и мобильных гаджетов, увеличение числа сервисов и интернет-услуг приводит к возникновению рисков и угроз, что в свою очередь послужило основанием к увеличению количества киберпреступлений, у которых в настоящее время нет конкретной трактовки.

С развитием информационных технологий появились средства шпионажа, использующие специальное оборудование и программное обеспечение.

Основная часть. Определения термина «кибершпионаж» на законодательном уровне нет, поэтому в теоретическом аспекте под кибершпионажем можно понимать несанкционированный доступ к защищенной информации (данным), информационным системам государственных или коммерческих организаций, а также физических лиц с различными целями. Выполняется такой доступ путем обхода системы безопасности компьютера, используя для этого специальные шпионские программы и трояны. Взлом осуществляется путем физического доступа, посредством сети Интернет или локальных сетей.

Кибершпионаж подразумевает использование информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) отдельными лицами, группами лиц или компаниями для получения экономической или личной выгоды.

Кибершпионаж также может осуществляться правительственными организациями, финансируемыми или контролируруемыми государством или лицами, действующими от имени государства, для получения несанкционированного доступа к системам и данным и сбора информации об интересующих их объектах в целях укрепления национальной безопасности, экономической конкурентоспособности и (или) военной мощи страны.

Сам по себе шпионаж не является новым противоправным деянием, однако, появление ИКТ не только позволило другим странам осуществлять неправомерную деятельность по сбору данных с беспрецедентной скоростью, частотой, интенсивностью и в невероятных масштабах, но и снизило риски, связанные с деятельностью по шпионажу (например, риск быть обнаруженным в странах, на которые направлена деятельность по сбору данных).

Цели кибершпионажа могут иметь политическое, экономическое и военное направления. С возникновением нового программного обеспечения, повышением значения гаджетов способы осуществления кибершпионажа регулярно совершенствуются. К основным методам можно отнести:

– целевые атаки (АРТ), обладающие высокой эффективностью. АРТ – это совокупность киберпреступлений, совершаемых против конкретных компаний и организаций;

– распространение вредоносных и шпионских программ. Вредоносные программы используются для совершения атак на компьютерные системы и сбора информации в системах-мишенях. Шпионскими программами заражают жесткие диски для сбора данных о сетевых соединениях и процессах из других систем. Вся полученная информация отправляется на серверы, подконтрольные лицам, которые использовали такие программы;

– социальная инженерия – злоумышленник обманом заставляет свою цель раскрыть информацию или совершить иное действие [1]. Примером может служить целевой фишинг, когда осуществляется отправка электронных писем с зараженными вложениями или ссылками, чтобы заставить получателя открыть письмо и перейти по ссылке;

– «атаки на водопое» (watering hole) – атаки, при которых киберпреступники отслеживают сайты, наиболее часто посещаемые членами определенной организации или группы, а затем заражают эти сайты вредоносными программами в попытке получить доступ к их сети.

Инструменты осуществления кибершпионажа также разнообразны и включают в себя эксплойты (например, поиск и обнаружение ранее неизвестных уязвимостей систем, которые в дальнейшем используются для киберпреступлений) и импланты (например, программный код, разрешающий получать доступ к компьютерной системе).

Необходимо отметить, что кибершпионаж является одним из инструментов, которые могут использоваться в рамках коммерческого шпионажа, когда государства или частные акторы направляют свои киберспособности на сбор конфиденциальной информации у конкурентов или других коммерческих организаций.

Согласно Уголовному кодексу Республики Беларусь (далее – УК) под коммерческим шпионажем подразумевается «похищение либо собирание незаконным способом сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, с целью их разглашения либо незаконного использования» [2, ст. 254].

Объектом посягательства данного преступления является информационная безопасность субъектов экономической деятельности от внешних и внутренних угроз сведений, составляющих их коммерческую или банковскую тайну, которые являются в свою очередь предметом преступления [3, с. 571].

Сбор и похищение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, могут быть тайными (кража) и осуществляться путем грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или модификации компьютерной информации. Помимо этого могут использоваться сетевые атаки, устанавливаться прослушивающие устройства, взламываться корпоративные сети.

Чаще всего целью кибершпионов являются большие объемы информации, хранящейся в автоматизированных государственных системах и базах данных. Данная цель преследуется по причине того, что такой массив информации содержит в себе большой объем персональных данных или коммерчески значимой информации.

Кибершпионаж представляет серьезный риск для государственной безопасности. Конкретные последствия коммерческого кибершпионажа могут быть разнообразными и зависят от целей и масштаба атаки:

1) Утечка конфиденциальной информации. Получение доступа к государственным секретам, планам развития, политическим стратегиям и другой конфиденциальной информации может привести к серьезным последствиям для национальной безопасности интересов государства (например, ослабление обороноспособности). Согласно данным Экспертно-аналитического центра InfoWatch в 2019–2020 гг. почти 60 % инцидентов связаны с компрометацией персональных данных, а примерно каждая пятая утечка в Республике Беларусь – это случай потери или кражи данных, относящихся к категории «коммерческая тайна» (рисунок 1) [4, с. 14–15].

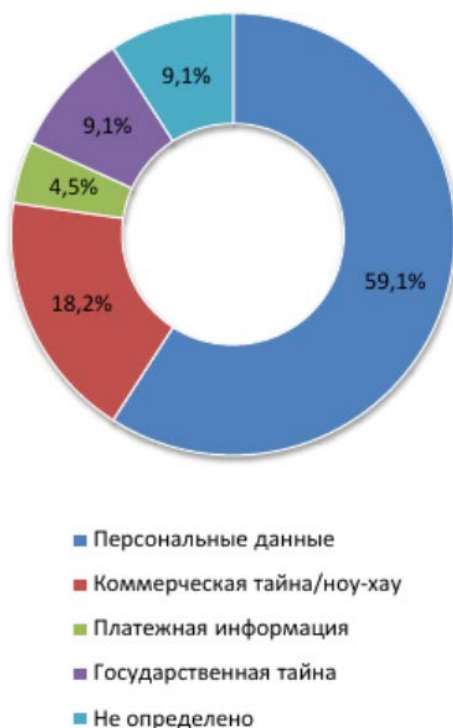

Рисунок 1 – Схема распределения утечки информации по виновным лицам [4, с. 15]

Зарегистрированные утечки связывают с накалившейся политической обстановкой после оглашения предварительных итогов президентских выборов (09.08.2020 г.), когда компрометация данных использовалась оппозицией как средство борьбы с действующей властью. В стране начались массовые акции протеста. Противостояние властей и оппозиции вылилось в подавление ряда митингов. В результате протестующие, используя свои каналы, начали «сливать» в сеть Интернет данные силовиков.

В 2022 г. примерами значимых утечек персональных данных стали факты распространения сведений о клиентах торговых сетей «Соседи» (более 630 тысяч), «Остров чистоты и вкуса» (более 140 тысяч), оператора доставки еды «Just-eat» (более 230 тысяч), баз данных РУП «Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен» (более 55 тысяч), Белгазпромбанка (около 42 тысяч) [5].

Значительно возросла активность вымогателей в первом квартале 2023 г., когда доля использования шифровальщиков в атаках на организации с использованием вредоносного программного обеспечения составила 53 %, что на 9 п.п. больше показателя прошлого квартала, а число инцидентов выросло на 77 % относительно начала 2022 г. Особенно напряженная обстановка наблюдается в секторе науки и образования – на него пришлось 19 % атак вымогателей [6].

Новшества продемонстрировали вымогатели BlackCat и HardBit. Первые начали выкладывать похищенные данные на сайты с адресами, похожими на домен скомпрометированной организации, чтобы факт утечки мог стать известен широкому кругу клиентов или партнеров компании. Вторые пытались убедить жертву раскрыть детали киберстрахования, чтобы скорректировать требования выкупа и гарантированно получить выплату от страховщика.

Модификация (изменение) компьютерной информации может способствовать ее утечке несколькими способами:

– несанкционированный доступ. Если злоумышленник имеет доступ к системе, в которой хранится информация, он может внести изменения в эту информацию, чтобы получить доступ к конфиденциальным данным. Например, злоумышленник может изменить пароль пользователя, чтобы получить доступ к его учетной записи;

– ошибки в программном обеспечении могут привести к тому, что информация будет изменена или раскрыта без ведома пользователя. Например, ошибка в алгоритме шифрования может привести к тому, что зашифрованные данные будут дешифрованы без ключа;

– вредоносное программное обеспечение, которое может быть специально разработано для модификации или раскрытия информации. Например, троян может быть использован для изменения файла конфигурации сервера, чтобы разрешить доступ к конфиденциальным данным.

2) Подрыв доверия и деловой репутации. Кибершпионаж может привести к нарушению доверия клиентов, партнеров и общественности. Утечка конфиденциальной информации или нарушение безопасности данных может нанести непоправимый ущерб репутации компании, что может отразиться на ее финансовых показателях и отношениях с клиентами.

3) Экономические потери. Украденная интеллектуальная собственность может быть использована конкурентами для создания аналогичных продуктов или услуг, что может снизить спрос на оригинальные продукты и привести к убыткам компании. Кибершпионы могут использовать собранную информацию для составления стратегий по захвату рыночной доли у конкурентов. С помощью украденных данных о ценах, планах продаж и маркетинговых стратегиях они могут установить более конкурентоспособные цены, предложить лучшие условия или создать продукты, которые будут привлекательными для клиентов конкурентов. Кроме того, восстановление после кибератаки может потребовать значительных финансовых ресурсов.

4) Распространение киберугроз. Злоумышленники, обладая передовыми киберспособностями, могут использовать их не только для осуществления шпионажа, но и для совершения других преступлений, таких как кибератаки на другие организации, мошенничество, вымогательство и т. д., что создает общую угрозу для бизнес-сообщества и общества в целом.

5) Шпионаж как услуга (EaaS). Появление EaaS сделало коммерческий кибершпионаж более доступным для более широкого круга субъектов угроз. Под EaaS подразумевается предоставление возможностей и инструментов кибершпионажа как услуги, позволяющей отдельным лицам или группам с ограниченными техническими навыками участвовать в шпионской деятельности. Предложения EaaS могут включать инструменты взлома, доступ к скомпрометированным сетям и даже специализированное обучение проведению шпионских операций.

Противодействие кибершпионажу требует комплексного подхода. Организации должны уделять особое внимание кибербезопасности и применять соответствующие меры защиты, такие как использование надежных паролей, многофакторной аутентификации, шифрования данных, регулярное обновление программного обеспечения и установку защитного программного обеспечения.

Непрерывные исследования и разработки в области технологий, программы обучения специалистов вопросам кибербезопасности и повышение осведомленности сотрудников и широкой общественности о киберугрозах также являются важными компонентами комплексной стратегии по борьбе с кибершпионажем.

Сотрудничество с кибербезопасными компаниями, правоохранными органами и государственными учреждениями также может быть полезным. Такие организации могут предоставить экспертную помощь в обнаружении и расследовании кибератак, а также в разработке стратегий защиты от кибершпионажа.

Организациям следует инвестировать в надежные меры кибербезопасности, включая регулярные оценки уязвимостей, мониторинг сети и возможности реагирования на инциденты. Сотрудничество между государственным и частным секторами имеет решающее значение для обмена информацией об угрозах, координации усилий по реагированию на инциденты и разработки общих стандартов кибербезопасности.

Также необходимо дальнейшее усиление международного сотрудничества и обмен информацией о киберугрозах между государствами, что поможет предотвратить и пресечь киберпреступления в сфере коммерции.

Заключение. В целом кибершпионаж представляет значительную угрозу для организаций, экономики и национальной безопасности. Эффективная кибербезопасность, информи-

рованность и сотрудничество с ведущими организациями в области кибербезопасности являются ключевыми элементами противодействия этой угрозе.

Чтобы снизить риск утечки информации в результате ее модификации, необходимо принимать следующие меры:

- обеспечить надлежащий контроль доступа к системе. Только авторизованные пользователи должны иметь доступ к системе, в которой хранится информация;
- регулярно проводить аудит безопасности системы, что позволит выявить ошибки в программном обеспечении и другие потенциальные уязвимости;
- использовать надежные методы шифрования для защиты компьютерной информации от несанкционированного доступа;
- обновлять программное обеспечение до последней версии. Обновления программного обеспечения часто содержат исправления ошибок, которые могут привести к утечке информации.

Программисты также могут внести свой вклад в снижение риска утечки информации, разрабатывая программное обеспечение с учетом безопасности. При разработке такого программного обеспечения необходимо учитывать следующие факторы:

- безопасность должна быть одним из основных приоритетов;
- все функции программного обеспечения должны быть тщательно протестированы на предмет безопасности;
- необходимо использовать надежные методы шифрования;
- программное обеспечение должно регулярно обновляться.

Для повышения эффективности правового регулирования и раскрытия противоправных деяний такого рода считаем целесообразным внести следующие дополнения в ст. 254 и 358 УК:

- 1) ч. 1 ст. 254 УК после слова «способом» дополнить словами «, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет либо иной информационной сети,»;
- 2) ст. 358 УК после слова «хранение» дополнить словами «, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет либо иной информационной сети,».

Литература

1. Кибершпионаж [Электронный ресурс] / Управление Организации Объединенных наций по наркотикам и преступности. – Режим доступа : <https://www.unodc.org/e4j/ru/cybercrime/module-14/key-issues/cyberespionage.html>. – Дата доступа : 07.07.2023.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 4 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 09.03.2023 г., № 256-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : научно-практический комментарий / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : НЦПИ РБ, 2019. – 1000 с.
4. Утечки информации в Республике Беларусь. 2019–2020 годы / Экспертно-аналитический центр InfoWatch. – М., 2020. – 24 с.
5. В Национальном центре защиты персональных данных назвали компании, допустившие утечки данных в 2022 году [Электронный ресурс] // Беларусь Сегодня. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/sosed-i-ostrov-chistoty-i-vkusa-i-drugie-v-ntszpd-rasskazali-o-samykh-bolshikh-utechkakh-dannykh-belo.html>. – Дата доступа : 25.10.2023.
6. Актуальные киберугрозы : I квартал 2023 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://myfin.by/stati/view/aktualnye-kiberugrozy-i-kvartal-2023-goda>. – Дата доступа : 25.10.2023.

Всебелорусское народное собрание и повышение активности субъектов гражданского общества

Е.И. ЭСМАНТОВИЧ, И.И. ЭСМАНТОВИЧ

Принятие изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь, введение нового конституционного органа – Всебелорусского народного собрания активизировали деятельность ряда субъектов гражданского общества, в первую очередь, политических партий и общественных организаций. В статье рассматриваются предпосылки создания Всебелорусского народного собрания, анализируются направления развития общественных объединений, политических партий и органов местного самоуправления.

Ключевые слова: гражданское общество, субъекты гражданского общества, политическая партия, общественное объединение, Всебелорусское народное собрание, местное самоуправление, активность.

The adoption of amendments and additions to the Constitution of the Republic of Belarus and the introduction of a new constitutional body – the All-Belarusian People's Assembly – intensified the activities of a number of civil society entities, primarily political parties and public organizations. The article examines the prerequisites for the creation of the All-Belarusian People's Assembly, analyzes the directions of development of public associations, political parties and local governments.

Keywords: civil society, civil society subjects, political party, public association, All-Belarusian People's Assembly, local government, activity.

Одной из первоначальных целей формирования гражданского общества является создание благоприятной правовой базы для развития всех институтов гражданского общества, создание правовых и социально-экономических условий, при которых для каждого человека, социальной группы или организации будет обеспечена возможность активного участия в процессе принятия и реализации управленческих решений.

На современном этапе развития формированию гражданского общества государство уделяет большое внимание. Подготовка изменений в Конституцию Республики Беларусь всколыхнула население Беларуси, его гражданскую активность. На сотнях диалоговых площадок по всей территории государства наряду с вопросами, непосредственно касающимися Основного Закона, поднимались проблемы развития органов территориального самоуправления, придания им финансовой самостоятельности, повышения статуса политических партий и общественных организаций, активизации участия граждан в решении местных вопросов.

Формирование гражданского общества, создание полноценной инфраструктуры гражданских инициатив и благоприятной правовой базы для развития всех его институтов в качестве одной из приоритетных задач определила Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 г. [1].

Составной частью институтов гражданского общества на местном уровне выступает политически активное население. Именно граждане, проживающие на определенной территории, имеют реальную возможность оперативно реагировать на недостатки в работе органов местного самоуправления, в тесном с ними сотрудничестве, что требует развития гражданской активности на местах. Реализация субъективного права граждан на участие в общественных инициативах связана со способностью фактически воздействовать на осуществление общегосударственных дел.

Серьезные изменения претерпевает законодательство в сфере правовой регламентации деятельности политических партий и общественных объединений, что во многом связано с появлением в Конституции Республики Беларусь нового представительного органа – Всебелорусского народного собрания.

Участие граждан в деятельности высшего представительного органа народовластия Беларуси не ново в истории нашего государства. За время существования Республики Беларусь с 1996 по 2021 гг. состоялось шесть Всебелорусских народных собраний, на которых решались важнейшие вопросы жизни государства: от рассмотрения и принятия программ социально-экономического развития страны до инициирования проведения референдумов по изменению Конституции.

Можно вспомнить и участие граждан в съездах Советов и съездах народных депутатов СССР, на которые также избирались депутаты от гражданского общества. За время сущест-

ования Советского Союза с 1922 по 1991 г. состоялись тринадцать съездов высших органов государственной власти СССР (восемь Всесоюзных съездов Советов и пять съездов народных депутатов СССР). К примеру, по Конституции СССР 1977 г. наряду с депутатами от территориальных и национально-территориальных избирательных округов в съездах Советов принимали участие представители общесоюзных общественных организаций [2]: КПСС, ВЦСПС и кооперативных организаций (колхозов и потребкооперации), ВЛКСМ, женских советов, организаций ветеранов войны и труда, научных обществ, творческих союзов, других общественных организаций, имеющих общесоюзные органы.

Закон о Всебелорусском народном собрании предоставил право избирать делегатов на ВНС субъектам гражданского общества, которые зарегистрированы и осуществляют свою деятельность в установленном законом порядке, имеют областные, Минскую городскую организационные структуры, являются республиканскими общественными объединениями, численность совершеннолетних членов которых составляет не менее 100 000 граждан; объединяют не менее половины зарегистрированных в Республике Беларусь профессиональных союзов. Кроме того, увеличивается минимальный порог численности для создания политической партии – до 5 тысяч человек. Повышаются требования к учредителям политической партии, которыми смогут быть лишь граждане Беларуси, постоянно проживающие в Республике Беларусь и достигшие 18-летнего возраста. В настоящее время каждая политическая партия Беларуси должна строиться по территориальному принципу: иметь организационные структуры во всех областях Республики Беларусь, районные организационные структуры не менее чем в одной трети районов и городов областного подчинения каждой из областей Республики Беларусь, районные организационные структуры не менее чем в одной трети районов города Минска [3]. Такой подход законодателя заставляет активизировать деятельность общественных объединений и политических партий при желании иметь своих представителей в высшем представительном органе народовластия Беларуси [4].

В результате приведения в соответствие с требованиями современного законодательства из 15 политических партий в Республике Беларусь смогли пройти перерегистрацию только 4 – Белорусская партия «Белая Русь», Коммунистическая партия Беларуси, Либерально-демократическая партия Беларуси, Республиканская партия труда и справедливости [5]. Такая партийная структура позволяет и предполагает активизацию деятельности политических партий на всех административно-территориальных уровнях.

Все четыре партии, зарегистрированные на территории Республики Беларусь, в своих учредительных документах формулируют задачи развития гражданского общества. Среди целей Белорусской партии «Белая Русь» обеспечение незыблемости конституционного строя и гражданского согласия, развитие гражданского общества в Республике Беларусь и конструктивное взаимодействие со всеми его институтами [6]. Цель Либерально-демократической партии Беларуси – создание сильного консолидированного государства, где осуществляется социальное партнёрство общества и государства [7]. Коммунистическая партия Беларуси сформулировала в Программе стратегическую цель – создание общества подлинного народовластия и развитой духовной культуры, стимулирующее творческую активность личности, самоуправление трудящихся [8]. Методы деятельности Республиканской партии труда и справедливости закреплены в её Уставе: организация широкого участия граждан в общественной и политической жизни общества, участие в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления в соответствии с действующим законодательством; содействие формированию и развитию системы социального партнёрства на основе достижения баланса интересов между государством и обществом [9].

Все партии провозглашают необходимость развития местного самоуправления, оказания содействия населению территорий во взаимодействии с местными органами власти, в том числе, через представительство в органах власти и органах самоуправления различных уровней, участие в избирательных кампаниях, политическом просвещении граждан, с целью активизация их участия в управлении государственными и общественными делами, использование и поддержку различных форм самоуправления.

Стоит отметить, что избирательная активность рассматриваемых нами субъектов по сравнению с 2018 г. (год предыдущих выборов депутатов местных Советов Республики Беларусь 28-го созыва) значительно выросла как на республиканском, так и на местном уровнях. Все прошедшие перерегистрацию партии претендуют на большее представительство в органах власти. Цифра партийных кандидатов составляет внушительные 35 % [10].

Закон об основах гражданского общества сформулировал требования к субъектам гражданского общества, претендующим на избрание депутатов ВНС: 1) они должны быть республиканскими общественными объединениями (быть созданными на территории Республики Беларусь и иметь организационные структуры во всех областях Республики Беларусь и городе Минске), 2) иметь областные организационные структуры и численность не менее 100 тысяч совершеннолетних граждан или объединять не менее половины зарегистрированных в Республике Беларусь профессиональных союзов [11]. Согласно Закону, в настоящее время к субъектам гражданского общества, имеющим право на взаимодействие с государственными органами (организациями) в особых формах, в том числе, избрание делегатов Всебелорусского народного собрания и участие в реализации его решений, отнесены пять общественных объединений – Республиканское общественное объединение «Белая Русь», общественное объединение «Белорусский республиканский союз молодежи», Белорусское общественное объединение «Белорусский союз женщин», общественное объединение ветеранов и Федерация профсоюзов Беларуси [12].

Видится, что активность политических партий и общественных объединений Республики Беларусь как наиболее организованных субъектов гражданского общества будет расти не только на республиканском, но и на местном уровне. От активности их членов во многом должно зависеть решение как вопросов республиканского значения, так и региональных вопросов.

Отдельное внимание следует обратить на повышение социально-политической активности молодежи. Именно молодым людям предстоит в дальнейшем решать вопросы развития государства и административно-территориальной единицы, в которой они проживают. На молодежь обращают, в первую очередь, внимание политические партии и общественные объединения, которые задумываются о будущем существовании. В данной связи должна расти активность Белорусского республиканского союза молодежи, объединяющего молодых людей от 14 до 31 года. Именно в этом возрасте осознанно формируется мировоззрение, правовая и политическая культура, политическая грамотность, гражданское сознание и гражданская ответственность. Если деятельность профсоюзных организаций, в первую очередь, направлена на защиту трудовых, учебных и социально-экономических прав, то состоящие в рядах БРСМ имеют возможность разнопланового участия в его деятельности, что развивает социально-политические взгляды, готовит активного человека для дальнейшего участия в жизни государства.

Именно молодежная организация должна создавать условия для саморазвития человека, и управлять этим процессом, формировать ценностные ориентации личности. Первичные организации БРСМ имеют возможность и организуют разнообразные виды деятельности молодых людей, участвуя в которых они приобретают опыт социальных отношений, коммуникативные и творческие способности, где происходит становление гражданина, человека, ответственного за свои поступки.

Гражданское общество как совокупность негосударственных организаций и свободных граждан, создающих вместе с государством развитые правовые отношения, является важным инструментом консолидации усилий государства и негосударственных структур для решения социально-экономических проблем, достижения общественно значимых целей. Критерии успешного развития гражданского общества предусматривают обеспечение общедоступного участия в процессе разработки социально-экономической политики и мер по обеспечению национальной безопасности страны. Такие возможности в Республике Беларусь созданы для всех субъектов гражданского общества. Политические партии имеют возможность выдвигать своих представителей в органы власти, общественные объединения и органы местного самоуправления участвуют в формировании Всебелорусского народного собрания. Таким образом субъекты гражданского общества причастны и могут влиять через своих представителей на решения стратегического и программного характера Всебелорусского народного собрания: утверждать программы социально-экономического развития Республики Беларусь, основные направления внутренней и внешней политики, военную доктрину, концепцию национальной безопасности (ст. 89³ Конституции Республики Беларусь, ст. 13 Закона о Всебелорусском народном собрании). Посредством участия в Палате представителей делегаты от субъектов гражданского общества влияют на принятие законов, согласовывают назначения Премьер-министра, оценивают деятельность Генерального прокурора, Председателя Комитета государственного контроля и Председателя Правления Национального банка и пр. (ст. 97 Конституции Республики Беларусь).

Повышению заинтересованности граждан в развитии гражданского общества, решении возникающих общественных проблем, нахождении путей решения этих проблем должны содей-

ствовать органы государства. Именно органы государственного управления должны принимать субъектов гражданского общества в качестве равноправных партнеров, поддерживать инициативы граждан, политических партий и общественных объединений, поскольку последние ближе к населению, представляют население и лучше знают его проблемы и насущные потребности.

В рамках Гомельской области, к примеру, принята и реализуется Стратегия устойчивого развития до 2025 г., которая предусматривает практику передачи структурам гражданского общества ряда полномочий государственных органов, развитие партнерства субъектов территориального развития путем создания сетевых структур, коммуникативных площадок, координационных центров, расширение информирования населения о деятельности структур гражданского общества (организаций и инициатив) в области территориального развития.

К местным особенностям хорошо адаптируется местное самоуправление, которое развивает самодеятельность и инициативу граждан, формирует гражданское самосознание, объединяет людей для решения локальных проблем, является важным условием стабильности и социального мира. Политическим партиям и общественным объединениям на современном этапе предоставляется возможность непосредственного участия в местном самоуправлении посредством местных выборов. Можно утверждать, что партии и движения не только участвуют в формировании высших представительных органов государства, но и обеспечивают организационно-политическое развитие местного самоуправления.

Вовлечение субъектов гражданского общества в управление государством позволяет ожидать дальнейшего роста их активности, что будет способствовать повышению гражданского самосознания, политической культуры и социальной ответственности граждан, обеспечит и укрепит гражданское единство.

Литература

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] : протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 2 мая 2017 г. №10 // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. – Дата доступа : 07.04.2023.
2. Конституция СССР 1977 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://vsussr.pravussr.su/?page_id=121. – Дата доступа : 07.04.2023.
3. О политических партиях [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 5 октября 1994 г., № 3266-ХП // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
4. О Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 7 февраля 2023 г., № 248-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
5. Список зарегистрированных политических партий [Электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия Республик Беларусь. Официальный сайт. – Режим доступа : <https://www.rec.gov.by/ru/election-schedule-ru/view/elections-2024-edg>. – Дата доступа : 07.04.2023.
6. Программа партии «Белая Русь» [Электронный ресурс] // Официальный сайт белорусской партии «Белая Русь». – Режим доступа : <https://partiya.by/>. – Дата доступа : 07.04.2023.
7. Программа ЛДПБ [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЛДПБ. – Режим доступа : <https://ldpb.by/ru/category/informatsiya>. – Дата доступа : 05.04.2023.
8. Программа Коммунистической партии Беларуси [Электронный ресурс] // Официальный сайт КПБ. – Режим доступа : <http://www.comparty.by/>. – Дата доступа : 07.04.2023.
9. Устав Республиканской партии труда и справедливости [Электронный ресурс] // Официальный сайт Республиканской партии труда и справедливости. – Режим доступа : <https://rpts.by/ru>. – Дата доступа : 07.04.2023.
10. Сведения о партийности кандидатов в депутаты [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://rec.gov.by/uploads/files/Pdf/2024/stat34-35.pdf>. – Дата доступа : 07.04.2023.
11. Об основах гражданского общества [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 14 февраля 2023 г., № 250-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
12. Общественные объединения [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. Официальный сайт. – Режим доступа : <https://president.gov.by/ru/belarus/society/obedinenija>. – Дата доступа : 07.04.2023.

Взаимодействие таможенных органов государств-членов ЕАЭС в условиях цифровой экономики

Т.П. Яцко

В данной статье проанализирован порядок взаимодействия таможенных органов государств-членов ЕАЭС в контексте цифровой повестки ЕАЭС. На основании анализа выявлены проблемы и внесены предложения по совершенствованию взаимодействия таможенных органов государств-членов ЕАЭС.

Ключевые слова: таможенные органы, ЕАЭС, взаимодействие, цифровая экономика, таможенный союз.

This article analyzes the procedure for interaction between the customs authorities of the EAEU member states in the context of the digital agenda of the EAEU. Based on the analysis, problems and proposals for improving the interaction between the customs authorities of the EAEU member states were identified.

Keywords: customs authorities, EAEU, interaction, digital economy, customs union.

В современном мире уровень развития цифровых технологий играет определяющую роль в конкурентоспособности стран и экономических союзов. Переход к цифровой экономике рассматривается Евразийским экономическим союзом (далее – ЕАЭС) в качестве ключевой движущей силы экономического роста [1]. Евразийской экономической комиссией с 2016 г. совместно с экспертами Всемирного банка проводилась работа по изучению опыта и выработке рекомендаций для получения экономического эффекта от развития цифрового пространства и реализации Цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г. При выработке предложений по формированию цифрового пространства были определены приоритеты среди которых были обозначены – развитие нормативно-правовой базы ЕАЭС и гармонизация законодательства государств-членов; формирование единого цифрового пространства для увеличения взаимного товарооборота с внедрением электронной торговли; расширение практики использования информационно-коммуникационных технологий для повышения эффективности трансграничного взаимодействия между органами государственной власти, хозяйствующими субъектами и физическими лицами; разработка и реализация совместных проектов и программ, направленных на цифровую трансформацию экономик стран Союза [1].

Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки евразийского экономического союза до 2025 года» определены приоритеты проработки инициатив в рамках реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г. В числе которых обозначены цифровая прослеживаемость движения продукции, товаров, услуг и цифровых активов в ЕАЭС; цифровая торговля союза; цифровые транспортные коридоры союза [2].

Поскольку в рамках ЕАЭС функционирует таможенный союз ЕАЭС, который предопределяет единое таможенное регулирование на всей территории ЕАЭС, развитие интеграционных процессов в ЕАЭС обуславливает расширение сфер взаимодействия таможенных органов государств-членов ЕАЭС. Увеличение степени гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС, переход на цифровую экономику будет также способствовать развитию цифрового взаимодействия таможенных органов государств-членов ЕАЭС в сфере таможенного регулирования.

Проведенный анализ научных источников показывает, что значительное внимание уделяется вопросам таможенного сотрудничества, поскольку позволяет решать многие задачи, стоящие перед таможенными органами. Так, Н.Г. Липатова отмечала, что «взаимодействие государств и международных межправительственных организаций в области таможенного дела способствует экономической интеграции» [3, с. 31]. И.Е. Ткаченко в системе таможенного сотрудничества считает взаимную помощь одним из наиболее эффективных инструментов, результаты использования которого могут повысить эффективность и таможенного контроля, и расследования случаев нарушения таможенных правил [4, с. 85]. Представляется,

что по мере развития интеграционных процессов таможенные органы наряду с сотрудничеством в сфере таможенного регулирования выстраивают и взаимодействие, которое учитывает и цифровую повестку интеграционных процессов.

Договор о ЕАЭС определил, что в целях информационного обеспечения интеграционных процессов во всех сферах, затрагивающих функционирование Союза, разрабатываются и реализуются мероприятия, направленные на обеспечение информационного взаимодействия с использованием информационно-коммуникационных технологий и трансграничного пространства доверия в рамках Союза [5, ст. 23]. Интегрированная система ЕАЭС призвана обеспечивать информационную поддержку, в том числе по вопросам таможенно-тарифного и нетарифного регулирования; таможенного регулирования; технического регулирования, применения санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер; зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин; зачисления и распределения специальных, антидемпинговых и компенсационных пошлин [5, приложение 3].

С 2018 г. на территории ЕАЭС вступил в действие Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее – ТК), принятый в целях обеспечения единого таможенного регулирования в ЕАЭС [6, ст. 1]. ТК ЕАЭС предусмотрена возможность непредоставления документов и (или) сведений, необходимых для совершения таможенных операций, если сведения о таких документах и (или) сведения из них, могут быть получены таможенными органами из информационных систем таможенных органов, а также из информационных систем государственных органов (организаций) государств-членов в рамках информационного взаимодействия таможенных органов и государственных органов (организаций) государств-членов [7, ст. 80]. В настоящее время определен порядок получения таможенными органами государств-членов сведений о выданных сертификатах соответствия продукции требованиям технических регламентов ЕАЭС (Таможенного союза) или сертификатах соответствия на продукцию, включенную в единый перечень продукции. Подлежащей обязательному подтверждению соответствия по единой форме по запросу в рамках реализации интегрированной информационной системы ЕАЭС общего процесса «Использование баз данных документов, оформляемых уполномоченными органами государств-членов Евразийского экономического союза, при регулировании внешней и взаимной торговли, в том числе предоставляемых при совершении таможенных операций подтверждения соблюдения запретов и ограничений» [8]. Таможенные органы государств-членов ЕАЭС могут получать сведения из лицензий на экспорт и (или) импорт отдельных товаров, разрешений на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров и заключений (разрешительных документов) на ввоз, вывоз и транзит отдельных товаров, включенных в единый перечень товаров, к которым применяются меры нетарифного регулирования в торговле с третьими странами в рамках указанного общего процесса использования баз данных документов [9].

Основной формой таможенного декларирования является электронное декларирование, таможенное декларирование в письменной форме допускается в определенных ТК ЕАЭС случаях [7, ст. 103]. ТК ЕАЭС допускает совершение таможенных операций с использованием информационных систем и информационных технологий таможенных органов, декларантов и иных заинтересованных лиц, а также информационных систем государственных органов (организаций) государств-членов в рамках информационного взаимодействия. Тем самым, ТК ЕАЭС позволяет в процессе совершения таможенных операций использовать таможенными органами государств-членов ЕАЭС весь потенциал информационных систем и информационных технологий и, следовательно, цифровой повестки ЕАЭС.

В настоящее время Распоряжением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16 августа 2022 г. № 132 был одобрен проект Протокола о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. (далее – Проект) [10]. Значительный объем вносимых изменений в ТК ЕАЭС обусловлен предлагаемым включением в него двух новых глав, определяющих особенности порядка и условий перемещения через таможенную границу Союза товаров электронной торговли и статус оператора электронной торговли, а также большого количества соответствующих этим двум новым главам изменений в действующие статьи ТК ЕАЭС. Таким образом, таможенные органы го-

сударств-членов в своей деятельности нацелены на использование информационных систем и технологий и реализация цифровой повестки ЕАЭС не потребует кардинальных изменений в деятельности таможенных органов государств-членов ЕАЭС.

Взаимодействие таможенных органов государств-членов ЕАЭС в сфере таможенного регулирования с использованием систем и информационных технологий не получило достаточного развития. Среди форм взаимодействия таможенных органов государств-членов ЕАЭС в рамках ТК ЕАЭС не обозначена возможность взаимодействия с использованием информационных технологий и (или) информационных систем. В свою очередь, отсутствие посыла в ТК ЕАЭС не способствует проработке механизмов и форм такого взаимодействия, поскольку без наличия определенных регламентов невозможна цифровизация сферы таможенного регулирования в части взаимодействия таможенных органов государств-членов ЕАЭС. На практике основной формой взаимодействия таможенных органов выступает обмен информацией на регулярной основе согласно определенных ТК ЕАЭС сведений из таможенных документов и запросов о предоставлении копий документов и (или) сведений в виде документов на бумажном носителе. Представляется, что такой запрос в виде электронного документа возможно будет осуществлять при закреплении в ТК ЕАЭС положений, позволяющих таможенным органам определять технические условия для направления запроса и ответа на него в электронной форме.

В определенной степени информационное взаимодействие таможенных органов осуществляется в рамках обмена информацией на регулярной основе в электронной форме [7, ст. 370]. Запрос о представлении копий документов и (или) сведений может быть оформлен письмом в виде электронного документа или документа на бумажном носителе. Вместе с тем отсутствует единый документ на уровне ЕАЭС, который определял бы или содержал рекомендации по порядку осуществления запроса о представлении копий документов и (или) сведений в виде электронного документа. Тем самым не формируется система, позволяющая размещать такого рода запрос таможенного органа одного государства-члена ЕАЭС, а таможенному органу другого государства ЕАЭС соответственно размещать ответ по результатам рассмотрения запроса.

Среди основных функций Объединенной коллегией таможенных служб государств-членов Таможенного союза, созданной Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации в рамках Договора об Объединенной коллегии таможенных служб государств-членов Таможенного союза от 22 июня 2011 г., определена и функция координирования взаимодействия таможенных служб государств-членов Таможенного союза [11, ст. 1]. Вместе с тем в своей деятельности Объединенная коллегия в большей степени делает акцент на информационное взаимодействие таможенных органов государств-членов ЕАЭС в рамках контроля определенных таможенных процессов. Таким образом, вопросы информационного взаимодействия таможенных органов государств-членов ЕАЭС как одной из форм развития единого таможенного регулирования в настоящее время нуждаются в более детальном рассмотрении.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что имеется необходимость рассмотрения информационного взаимодействия таможенных органов в рамках цифровой повестки ЕАЭС, как электронного взаимодействия. Создание единого цифрового пространства таможенных органов государств-членов ЕАЭС позволит наиболее эффективно реализовывать деятельность таможенных органов государств-членов ЕАЭС в сфере таможенного регулирования. Цифровизация экономики является естественной тенденцией развития экономики. Внедрение цифровых технологий в рамках ЕАЭС будет иметь максимальную эффективность при построении в электронной форме взаимодействия государственных органов государств-членов ЕАЭС сферах регулирования, отнесенных к наднациональному уровню, таких как единое таможенное регулирование. Принятие ТК ЕАЭС обеспечило нормативную основу и способствовало активизации таких процессов цифровизации в таможенной сфере, как использование электронного предварительного информирования, технологии электронного таможенного декларирования, автоматическая регистрация и автоматический выпуск товаров. Вместе с тем реализация цифровой повестки ЕАЭС в сфере таможенного регулирования – это не только разработка нормативной базы в части совершенствования электронной торговли, но и вывод взаимодействия таможенных органов государств-членов ЕАЭС на новый цифровой уровень. Взаимодействие таможенных органов государств-членов ЕАЭС – это объективно обусловлен-

ная и predeterminedная интеграционными процессами функция таможенных органов, направленная на совершенствование процесса перемещения товаров и транспортных средств, совершение таможенных операций и форм таможенного контроля, и представляет собой часть единого таможенного регулирования. Единое таможенное регулирование определило необходимость наличия единого акта, регулирующего таможенные правоотношения и определяющего единый правовой механизм такого взаимодействия. Формированию механизма единого таможенного регулирования в рамках ТК ЕАЭС, взаимодействию в формате электронных документов будет способствовать принятие актов Евразийской экономической комиссией, направленных на определение правил и технических условий взаимодействия таможенных органов (путем направления запросов и ответов в электронном формате).

Литература

1. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года : перспективы и рекомендации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://eec.eaeunion.org/upload/directions_files. – Дата доступа : 03.03.2023.
2. Об основных направлениях реализации цифровой повестки евразийского экономического союза до 2025 года : решение Высшего Евразийского Экономического Совета от 11 октября 2017 г., № 12 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. Липатова, Н. Г. Международное таможенное сотрудничество в условиях экономической интеграции государств / Н. Г. Липатова // Вестник Российской таможенной академии. – 2018. – № 3. – С. 25–31.
4. Ткаченко, И. Е. Содержание понятия «таможенное сотрудничество» и его значение для таможенной администрации / И. Е. Ткаченко, О. Г. Боброва // Вестник Российской таможенной академии. – 2013. – № 4. – С. 84–91.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : подписан в г. Астане 29.05.2014 г. : в ред. от 11.04.2017 г., с изм. от 09.12.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
6. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : подписан в г. Москва 11.04.2017 г. : с изм. от 29.04.2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
7. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : подписан в г. Москве 11.04.2017 г. : в ред. от 29.05.2019 г., с изм. от 05.04.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
8. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 5 декабря 2017 г. № 168 «Об утверждении состава сведений о документах о подтверждении соответствия, которые могут быть получены таможенными органами государств-членов Евразийского экономического союза, и порядка получения таких сведений», от 15 января 2019 г. № 2 «Об утверждении состава сведений о выданных свидетельствах о государственной регистрации продукции, которые могут быть получены таможенными органами государств-членов Евразийского экономического союза, и порядка получения таких сведений» : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://docs.eaeunion.org>. – Дата доступа : 03.03.2023.
9. О составе сведений из лицензий на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров, разрешений на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров и заключений (разрешительных документов) на ввоз, вывоз и транзит отдельных товаров, включенных в единый перечень товаров, к которым применяются меры нетарифного регулирования в торговле с третьими странами, которые могут быть получены таможенными органами государств-членов Евразийского экономического союза, и порядке получения таких сведений [Электронный ресурс] : решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 6 августа 2019 г., № 129. – Режим доступа : <https://docs.eaeunion.org>. – Дата доступа : 03.03.2023.
10. О проекте Протокола о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года [Электронный ресурс] : распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16 августа 2022 г., № 132. – Режим доступа : <https://docs.eaeunion.org>. – Дата доступа : 03.03.2023.
11. Договор об Объединенной коллегии таможенных служб государств-членов Таможенного союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://eec.eaeunion.org/upload/dogovor>. – Дата доступа : 03.03.2023.

Методологические аспекты реализации концепта «Университет 3.0» в белорусской высшей школе.

Ч. 2. Факторы, влияющие на развитие современных университетов

О.В. Авдейчик¹, В.А. Струк², А.С. Антонов², А.Н. Лесун²

Рассмотрены основные факторы, влияющие на развитие современных университетов. Показана роль эконоцентризма в образовательном процессе. Предложены методические подходы к реализации концепта «Университет 3.0», основу которых составляет развитие интеллектуального потенциала, способствующего формированию гармоничной личности.

Ключевые слова: концепт «Университет 3.0», методологическая реализация, эконоцентризм, интеллектуальный потенциал, гармонизация личности.

The main factors influencing the development of modern universities are considered. The role of econocentrism in the educational process is shown. Methodological approaches to the implementation of the «University 3.0» concept are proposed, the basis of which is the development of intellectual potential that contributes to the formation of a harmonious personality.

Keywords: «University 3.0» concept, methodological implementation, econocentrism, intellectual potential, personality harmonization.

Современная экономика характеризуется увеличением влияния эконоцентризма, который выдвигает на первый план деятельность юридических субъектов получения значимой прибыли [1].

В работе Щелкунова М. Д. [2] отмечена особая роль тенденции эконоцентризма, который *«нацелен на тотальный товарно-денежный характер обмена продуктами деятельности, платность всех товаров и услуг, коммодификацию нематериальных продуктов... Университет, будучи вовлеченным в эконоцентристские тренды, трансформируется из классического социального института в экономического субъекта, занимающегося производством научно-образовательных услуг. Маркерами этой трансформации являются коммерческий характер обучения, использование экономических критериев эффективности вузов»* (выделено нами – О.А., В.С., А.А., А.Л.). Необходимо отметить, что «эконоцентризм» приведет к качественному изменению сущности индивидуума, у которого все действия будут направлены на «тотальный товарно-денежный характер обмена продуктами деятельности». При этом в модели эконоцентризма роль университетов будет «трансформирована из классического социального института в экономический субъект, занимающийся производством научно-образовательных услуг» [2]. На наш взгляд, превращение университетов в типовые коммерческие структуры, для которых показатель дохода является основным критерием успешности и значимости в обществе, разрушит систему образования, ориентированную на создание индивидуума с высоким уровнем интеллектуального потенциала, способного использовать свое креативное мышление в интересах развития общества и человека. Преимущественное обучение студентов по эконоцентричным критериям, по нашему мнению, приведет к дальнейшему расслоению общества на элиту и обслуживающую часть, что сопряжено с ростом напряженности, и созданию предпосылок для нестабильного его развития с большим числом бифуркаций.

Эконоцентризм разрушает первоначальную цель образовательного процесса, состоящую в формировании личности с высоким уровнем гармоничного развития на основе сочетания высоких профессиональных навыков и культурных, религиозных, национальных традиций и достижений, свойственных социуму. Эконоцентризм превращает индивидуума в инструмент успешной реализации проекта с высоким уровнем дохода, не вдаваясь в осо-

бенности его нравственного развития и совершенствования. Поэтому для университетов в классическом понимании их назначения экономоцентризм, по нашему мнению, является неприемлемой тенденцией развития, разрушающей сущность университетов как центров формирования личностей с высокой степенью гармонизации.

К числу важных предпосылок реализации концепта «Университет 3.0» относят рост технологического предпринимательства в вузовской среде [2]. При этом «университеты и правительства действуют как предприниматели, демонстрируя, что инновации и предпринимательство не ограничиваются бизнесом» [3]. Необходимо отметить, что концепция «Тройной спирали» [4] является фактической интерпретацией предложенного в [5], [6] подхода к образованию интегрированного интеллектуального ресурса между научными, учебными организациями и промышленными предприятиями, что позволяет интенсифицировать инновационную деятельность всех участников интеграционного процесса путем выполнения совместных проектов различного вида и функционального назначения. При этом основное внимание в разработанной модели [5], [6] в отличие от модели «тройной спирали» [4] было уделено развитию интеллектуальной составляющей всех участников, а не только развитию предпринимательства, так как попытка реализовать все полученные результаты в виде продукта определенного назначения снижает эффект от интегрирования интеллектуального потенциала вследствие развития только коммерциализации знаний. В предложенной модели не рассмотрены направления совершенствования высшей школы не только как структуры, обеспечивающей высшее образование, но и как структуры, разрабатывающей новации для различных сфер применения.

Предпосылкой, обеспечивающей переход к модели «Университет 3.0», считают рост ценности интеллектуальных ресурсов [2]. В работе [7] отмечают, что *«...возникает проблема: как долго будет сохраняться ситуация, когда обладатели финансового капитала получают львиную долю прибыли, порожденной применением знаний, к генерации которых они не имеют непосредственного отношения?»* (выделено нами – О.А., В.С., А.А., А.Л.). Отметим, что новая экономика, базирующаяся на знаниях высокого уровня, способна принимать активное участие в их генерировании путем финансирования проектов, которые рассчитаны на получение доходов. Формы этого участия зависят от направления деятельности и позволят получать знания с различной степенью готовности и практического использования.

«Университетские преподаватели, генерирующие и распространяющие знания» [7], должны обеспечивать реализацию интеллектуальных продуктов высокого уровня, которые могут при владении основными формами их реализации в виде инновационных разработок, так как сложившаяся в ряде ВУЗов система обеспечения коммерциализации знаний не обладает необходимыми практическими навыками для такой деятельности. В следствие этого, разработки, выполненные в рамках проектов, финансируемых различными организациями (Министерство образования Республики Беларусь, ГКНТ, БРФФИ и др.), формально принадлежащие университетам, не находят должной поддержки для сохранения авторского права и получения соответствующего вознаграждения со стороны таких служб. Очевидно, что нормативная правовая система, регулирующая процесс обращения знаний в вузах, должна быть изменена с учетом необходимости соблюдения авторского права на разработки различного типа – и коммерциализируемые, и обеспечивающие развитие и совершенствование образовательного процесса.

Среди предпосылок, обеспечивающих реализацию концепта «Университет 3.0», отмечают рост значимости университетов как общества знаний, инновационной экономики [2]. При этом в [4] указывают, что университеты играют значительную роль в реализации «Тройной спирали». Рост «значимости университетов как институтов общества знаний» [2], по нашему мнению, основан прежде всего на повышении уровня образовательного процесса, который позволяет подготовить интеллектуально сформированных специалистов для различных отраслей экономики на базе полученных знаний нового уровня. Проведение исследований в рамках проектной деятельности позволит создать «высокотехнологичную составляющую роста экономики знаний» [7], так как именно специалисты с высоким уровнем креативного интеллекта обеспечивают появление новаций, вносящих принципиальные изменения в деятельности социумов. Увлечение университетов предпринимательской деятельностью с целью получения максимального дохода, по нашему мнению, снижает вероятность появления новаций нового поколения вследствие недостаточной интеллектуальной подготовки исполнителей.

Важнейшей предпосылкой реализации концепта «Университет 3.0» считают [2] разгосударствление социальных институтов, так как «... чем дальше, тем больше обнаруживается неэффективность тотально государственного управления и централизованного ресурсного обеспечения учреждений высшего образования: обреченность государственных вузов на финансирование по остаточному принципу, нарастающая неспособность государства обновлять и эффективно поддерживать учебно-лабораторную базу образования в условиях инновационных изменений, обеспечивать материально-финансовыми ресурсами развитие вузовской науки» (выделено нами – О.А., В.С., А.А., А.Л., [8]). На наш взгляд, университеты являются институциональной составляющей социально-политических систем, обеспечивающих реализацию государственной стратегии инновационного развития путем подготовки кадров с высоким уровнем интеллектуальной подготовки с участием в государственных программах научных исследований, направленных на достижение новых результатов по совершенствованию традиционных отраслей экономики и созданию новых. «Разгосударствление высшей школы» в сложившейся в отечественной экономике ситуации приведет к подготовке специалистов, мало востребованных ключевыми отраслями, однако имеющих достаточно знаний для участия в международных проектах. Это приведет к утрате институциональной составляющей социально-экономического развития, которая была ориентирована на развитие отечественной экономики в ситуации переходного периода.

Предложены методические основы перехода к концепту «Университет 3.0», позволяющие выбрать направление его практической реализации [2]. К их числу относят «изменение целей, задач и стратегии университетов». При этом «... на первое место в модели «Университет 3.0» выходят: формирование эффективного предпринимательского поведения, повышение инновационной активности и подготовка предпринимателей, коммерциализация результатов научного труда сотрудников» (выделено нами – О.А., В.С., А.А., А.Л. [2, с. 144]). На наш взгляд, переход к новым методическим основам деятельности университетов в рамках модели «Университет 3.0» требует всестороннего анализа сложившейся в отечественных вузах ситуации с научно-исследовательской деятельностью, которая перестала быть основным компонентом, определяющим эффективность работы преподавателей, магистрантов и аспирантов, и поэтому не может быть основой «для эффективного предпринимательского поведения, повышения инновационной активности и подготовки предпринимателей» [2]. Низкий уровень финансирования государственных заданий в программах различного вида, наряду с формализацией процесса обучения студентов, магистрантов и аспирантов, низкой квалификацией сотрудников систем, обеспечивающих «коммерциализацию результатов научного труда сотрудников», привели к реализации процесса стагнации научной составляющей и резкому уменьшению доли завершенных проектов, могущих составить коммерческий интерес для бизнес-окружения.

Важным элементом процесса реализации концепта «Университет 3.0» считают переход к новой организационной структуре [2]. В работах [7], [9], [10] предложены сетевые структуры, ориентированные на взаимодействие с внешней средой. Необходимо отметить, что создание «сетевых структур, ориентированных на внешнее взаимодействие, реализацию интеллектуального потенциала сотрудников» [6]–[9], возможно только при наличии соответствующего научного потенциала, обеспечивающего реализацию разработок по различным отраслям промышленности путем создания специализированных предприятий и применения инноваций для повышения эффективности действующего производства. Однако фактический опыт развития отечественной высшей школы в последнее время свидетельствует о недостаточном уровне научной составляющей как в учебном процессе, так и для реализации третьей стороне. Это приводит к неэффективности реализации одного из основных положений концепта «Университет 3.0», связанного с «переходом к новой инновационной структуре, обеспечивающей активизацию предпринимательства, научной и инновационной деятельности» [2]. Направление «сотрудничества с бизнесом, создание совместных лабораторий, проведение совместных исследований» [7] было нами предложено и реализовано при создании системы интеллектуального обеспечения инновационной деятельности промышленных предприятий (СИОИД ПП) [5], которая на основе интегрированного интеллектуального потенциала научных, учебных и производственных структур обеспечивала в рамках совместных проектов реализацию новых разработок в промышленности региона. В начале 2015–2017 гг. была раз-

работана концепция «Университете 3.0», которая по сути аналогична концепту СИО-ИД ПП и предполагает, что интеллектуальные ресурсы участников не будут интегрированы в рамках выполнения проектов и в образовательном процессе.

Концепт «Университет 3.0» экономоцентричен по сути, так как предполагает превращение университетов в центры для «коммерциализации знаний», для воспроизведения которых в необходимых объемах и в соответствии с запросами социума требуется эффективная научно-исследовательская деятельность, которая предполагает участие всех членов – преподавателей, студентов, административного персонала с созданием новшеств и доведения их до промышленного использования [4], [5]. По нашему мнению, это одна из задач университетов, так как основная их цель состоит в подготовке кадров высокой квалификации с креативным интеллектуальным мышлением для разработки и реализации достижений науки в практике.

Формирование инфраструктуры для поддержки научной, инновационной и предпринимательской деятельности может иметь различный характер [2]. В работе [7] отмечена актуальность создания «*«карусели ноу-хау» («хаба ноу-хау»)*, которая включает в себя научно-исследовательские подразделения компаний, независимые (часто узкоспециализированные) научно-исследовательские институты, инфраструктуру для техностартеров, инвесторов и фирм, предоставляющих профессиональные услуги» (выделено нами – О.А., В.С., А.А., А.Л. [2, с. 145]). Для создания «карусели ноу-хау («хаба ноу-хау»)» согласно Й. Виссема [8] необходима эффективная научно-исследовательская деятельность университетов, позволяющая разрабатывать практические приложения с характерными «ноу-хау», представляющими существенный интерес для пользователей. Практический опыт функционирования отечественной высшей школы указывает на незначительное число научных разработок, «ноу-хау» которых защищены патентами на изобретение. Это обстоятельство не позволяет университетам «позиционировать себя как ядро хаба ноу-хау», как открытую сеть взаимодействия с другими исследователями, компаниями, государственными и негосударственными организациями» [2] вследствие низкой доли или практического отсутствия современных разработок, представляющих интерес для промышленности или бизнес-сообщества.

В работе [7] считают важными структурными единицами трансдисциплинарные подразделения, специализирующиеся на конкретных областях исследований. Очевидно, что совершенствование исследовательской структуры университетов является весьма актуальной задачей, однако для создания «трансдисциплинарных подразделений, специализирующихся на конкретных областях исследований» [7], необходимы кадры высокой квалификации и соответствующее финансирование их деятельности. Этот процесс является неодномоментным и неоднозначным по своему содержанию, так как простое увеличение численности «институтов» приведет к превращению университета в типичный научно-исследовательский институт с утратой в значительной мере его основной функции – подготовки высококвалифицированных кадров для различных отраслей действующих производств. Поэтому подобная рекомендация, предложенная Й. Виссема [8], является, на наш взгляд, лишь частным случаем трансформирования университетов в выраженные исследовательские организации («институты») при наличии соответствующих предпосылок: опыта практической деятельности в области использования научных разработок в практике, ориентированности на промышленные предприятия, оказывающие определяющее развитие конкретной отрасли в стране («ведомственные институты»), наличие адекватного финансирования со стороны промышленных предприятий и т. п.

В работе [2] отмечают, что «... действующие «сверху» национальные и государственные системы образования не слишком подходят для существенных изменений: действующие «снизу» отдельные преподаватели и администраторы ограничены в своих возможностях» (выделено нами – О.А., В.С., А.А., А.Л. [2, с. 143]). На наш взгляд, существующая в настоящее время система управления высшей школой в значительной степени формализована и не занимается анализом основных направлений реализации инновационного процесса в промышленном производстве с участием разработок, выполненных в ВУЗах различного профиля. Это приводит к необходимости «группам преподавателей и администраторов» [2] выполнять научные исследования в интересах промышленных предприятий в рамках прямых договоров без выполнения заданий крупных научно-технических программ, что существенно снижает влияние университетов на развитие регионов и государства.

К числу методических основ перехода к концепту «Университет 3.0» относят *«развитие системы мотивации, в том числе мотивации инновационной деятельности, предпринимательства, научной деятельности»* (выделено нами – О.А., В.С., А.А., А.Л. [2, с. 143]). Система «мотивации инновационной деятельности» в настоящее время в значительной степени формализована, так как среди сотрудников, занимающихся содействием в осуществлении инновационной деятельности, практически нет специалистов с практическим опытом такой работы. Поэтому реальная деятельность такой системы не оказывает существенного влияния на активизацию процесса разработки новых решений для промышленного производства, в том числе приоритет и научная новизна которых защищены патентами на изобретение, без которых практически невозможно осуществить реализацию инновационных разработок без заимствования третьей стороной.

Дж. Лэнг [11] отмечает, что для начинающего предпринимателя важным является наличие необходимого для начала работы: финансирования, технических средств, системы обеспечения возврата займов, налоговых льгот и т. п. На наш взгляд, для «начинающего предпринимателя» [8] главным компонентом «начала работы» должен быть инновационный проект со всеми составляющими, обеспечивающими новизну, защиту от несанкционированного использования, экономическую эффективность, «ноу-хау» и т. п. Компоненты, предлагаемые Дж. Лэнгом [11]: «финансирование, широкополосный интернет, выгодные условия ипотечного кредитования, налоговые льготы» и т. п., вторичны, так как если нет основного компонента – инновационного проекта – эти вторичные признаки не используются.

В работе [7] отмечают, что важным мотивационным моментом является оставление большей части интеллектуальной собственности разработчикам – преподавателям, студентам. Отечественные университеты за последние годы потеряли свое ведущее положение в разработке объектов интеллектуальной собственности различного назначения, что обусловлено отсутствием в них планомерной системной работы по разработке научных основ для создания таких объектов. Поэтому предложение И. Виссеми [8] о мотивации путем «оставлении большей части интеллектуальной собственности ее создателям» в настоящее время в республике является малоактуальным, так как значительная часть университетов не занимается разработкой объектов интеллектуальной собственности высокого уровня.

В работе [8] также указывают на необходимость активизации научной деятельности и изменение подходов к ее осуществлению, создание хабов, объединяющих различные организации в коммерциализации разработок, так как *«это центр, который не могут игнорировать ни один исследователь и ни одна компания, действующие в конкретной области знаний: это центр, в высшей мере привлекательный для студентов и профессоров»* (выделено нами – О.А., В.С., А.А., А.Л. [2, с. 146]). Необходимо подчеркнуть, что создание «хаба, объединяющего различные организации, участвующие в создании и коммерциализации ноу-хау», было предложено нами еще в начале этого века путем объединения (интегрирования) интеллектуального потенциала научных (НУ), учебных (УО) организаций и учреждений и промышленного производства (ПП). Опыт реализации подобного интеграционного подхода на ОАО «Белкард» и ЗАО «Солигорский Институт проблем ресурсосбережения с Опытным производством» (ЗАО «СИПР с ОП») показал его эффективность и целесообразность широкого применения [5], [6]. Однако в последующие после 2012–2014 гг. интеграционный принцип интеллектуального взаимодействия в области инновационной деятельности промышленных предприятий не был развит должным образом, что в ряде случаев обусловило процесс стагнации ряда региональных промышленных предприятий и формирование технологической зависимости их от ведущих стран с развитой инновационной структурой в виде материалов, технологий, программного обеспечения, логистики и др.

Важным фактором, влияющим на методические основы перехода к модели «Университет 3.0», считают диверсификацию источников финансирования [2]. Й. Виссема [8] *«предлагает передать средства государственного финансирования университетского образования независимым организациям-посредникам, то есть заменить прямое финансирование финансированием через независимых посредников»* (выделено нами – О.А., В.С., А.А., А.Л. [2, с. 145]). По нашему мнению, государственные университеты являются институциональными составляющими социально-политической системы и их финансирование в необходи-

мых объемах предусмотрено действующей нормативно-правовой базой. Для «процветания университетов» [7] требуется расширение собственных возможностей по коммерциализации знаний в рамках системной научной деятельности различных организаций, предприятий, в том числе бизнес-окружения. Замена такой смешанной формы финансирования университетов на «финансирование через независимых посредников» [7] приведет неустойчивому характеру функционирования и создаст предпосылки для материальной зависимости от внешней среды и потере основного назначения университета – образовательного процесса по созданию кадрового потенциала для общественного развития.

Важное влияние на функционирование университетов в новой модели оказывает формирование «фондов целевого капитала» [12]. На наш взгляд, создание «фондов целевого капитала (эндаумент)» [12] возможно только при существовании системы бизнеса, осуществляющего «благотворительные пожертвования» для университетов, которые позволяют ими распоряжаться в целях развития инновационной деятельности. В отечественной практике такие «пожертвования» осуществляются крайне редко, так как система оценки финансовой деятельности субъектов хозяйствования различного типа не оказывает им содействия в благотворительной деятельности для развития интеллектуального потенциала и поиска путей его приложений.

В работе [2] отмечают, что университеты стремятся к коммерциализации своей сферы деятельности и «... здесь на первый план выходят такие направления, как реализация прав на объекты интеллектуальной собственности, создание новых организаций, спонсорство, выполнение научно-инновационных работ по заказу» (выделено нами – О.А., В.С., А.А., А.Л. [2, с. 146]). Однако для «реализации прав на объекты интеллектуальной собственности», «выполнения научно-инновационных работ по заказу» и других видов «коммерциализации всех сторон деятельности» [2] университеты должны обладать сформированной научно-исследовательской базой для получения таких объектов и выполнения коммерческих проектов. Низкий уровень финансирования заданий государственных программ различного уровня не позволяет выполнять научные исследования на должном уровне, соответствующем получению принципиально новых решений, прежде всего, в области NBIC-технологий. Поэтому это направление «коммерциализации всех сфер деятельности университета» [2] в настоящее время не позволяет успешно реализовать модель «Университет 3.0». Другие виды деятельности университетов – «получение платы за образовательные услуги, выполнение научно-исследовательских работ» – формализованы, так как без определенного компонента – научных знаний высокого уровня – они не оказывают значимого влияния на их развитие.

Одним из факторов, определяющих процесс реализации концепта «Университет 3.0», считают реализацию новых методов преподавания и массового образования [2], [7]. Отмечают [7], что «для реализации данного направления необходимо оптимизировать учебные планы и развивать образовательный процесс, в том числе вводить с первого курса дисциплины в области предпринимательства, коммерциализации, а также проводить образовательные курсы для сотрудников» (выделено нами – О.А., В.С., А.А., А.Л. [2, с. 147 со ссылкой на [7]]).

Для развития предпринимательского направления в области образовательного процесса необходимо не только «оптимизировать учебные планы» [2], но и иметь персонал с большим опытом практической деятельности в этом направлении для осуществления целевой подготовки студентов основам реализации законченных научных разработок в практике. Опыт показывает, что в большинстве отечественных вузов подобные специалисты отсутствуют, или имеют недостаточные практические навыки в осуществлении процесса коммерциализации научных достижений в реальном секторе экономики с получением значимого дохода. Этот процесс наиболее характерен для провинциальных учебных заведений, в которых существует недостаток квалифицированных кадров для осуществления образовательной подготовки студентов в рамках концепта «Университет 3.0».

Заключение. В ряде технологически развитых стран успешно реализуется модель «Университет 3.0», которая вносит принципиальные изменения в образовательный процесс высшей школы. Основным элементом современного образовательного процесса считают коммерциализацию знаний, полученных в ходе системных научных исследований, преимущественно по заказам бизнес-окружения. Такой подход усиливает проявление экономоцен-

тризма, основанного на получении прибыли от научной деятельности, трансформируя образовательный процесс в процесс предоставления образовательных услуг, который не может способствовать развитию интеллекта и формированию гармоничной личности, способствующих развитию социумов в различных направлениях их деятельности.

Литература

1. Водопьянов, П. А. Концепт постиндустриализма и реальный социальный прогресс / П. А. Водопьянов, Ч. С. Кирвель // Социология. – 2011. – № 1. – С. 20–32.
2. Щелкунов, М. Д. Университеты нового поколения / М. Д. Щелкунов // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 1. – С. 187–192.
3. Марахина, И. В. Теоретические и методические основы перехода белорусских ВУЗов к модели «Университет 3.0» / И. В. Марахина // Белорусский экономический журнал. – 2021. – № 1. – С. 140–155.
4. Etzkowitz, H. The Triple Helix : University – Industry – Government. Innovation and Enterprenenship / H. Etzkowitz, Ch. Zhou. – London : Routledge, 2018. – 342 p.
5. Интеллектуальное обеспечение инновационной деятельности промышленных предприятий технико-экономический и методологический аспекты / О. В. Авдейчик [и др.] – Минск : Право и экономика, 2007. – 529 с.
6. Авдейчик, О. В. Основы научной и инновационной деятельности : учеб. пособ. / О. В. Авдейчик, Л. Н. Нехорошева, В. А. Струк ; под ред. Л. Н. Нехорошевой, В. А. Струка. – Минск : Право и экономика, 2016. – 489 с.
7. Константинов, Г. Н. Что такое предпринимательский университет / Г. Н. Константинов, С. Р. Филинович // Вопросы образования. – 2007. – № 1. – С. 49–63.
8. Виссема, Й. Г. Университет третьего поколения : управление университетом в переходный период / Й. Г. Виссема. – М. : Олимп-Бизнес, 2018. – 122 с.
9. Карпов, А. Современный университет как драйвер экономического роста : модели и миссии / А. Карпов // Вопросы экономики. – 2017. – № 3. – С. 58–76.
10. Кларк, Б. Р. Создание предпринимательских университетов : организационные направления трансформации / Б. Р. Кларк ; пер. с англ. А. Смирнова. – М. : Изд. дом гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2011. – 237 с.
11. Lang, J. Creating the climate for innovations [Electronic resource] / J. Lang // SlideServe, 2019. – Mode of access : <https://www.slideserve.com/yovela/creating-the-climate-for-innovation-powerpoint-ppt-presentation>. – Date of access : 14.04.2023.
12. Бондарь, А. В. Предпринимательский университет как точка роста экономики знаний / А. В. Бондарь, П. А. Лис, В. А. Слиж // Белорусский экономический журнал. – 2018. – № 1. – С. 105–122.

¹Гродненский государственный аграрный университет

²Гродненский государственный университет имени Я. Купалы

Поступила в редакцию 14.04.2023

Цифровизация здравоохранения в Республике Беларусь: проблемы внедрения и перспективы

А.Г. ЗЕМЦОВ

Цифровизация системы здравоохранения осуществляется в целях повышения качества оказания медицинской помощи, в том числе повышения скорости проведения лечебно-диагностических и профилактических мероприятий, оптимизации времени поиска информации и трудозатрат специалистов. Основной целью проведения цифровизации системы здравоохранения Республики Беларусь является формирование комплексной, единой информационной системы, которая обеспечивает повсеместную доступность услуг здравоохранения, обеспечивает определенный и высокий уровень качества медицинских услуг.

Ключевые слова: цифровизация, здравоохранение, социальная политика, информационная экономика.

The digitalization of the healthcare system is carried out in order to improve the quality of medical care, including increasing the speed of therapeutic, diagnostic and preventive measures, optimizing the labor costs of specialists. The main purpose of digitalization of the healthcare system of the Republic of Belarus is the formation of a comprehensive, unified information system that ensures universal accessibility of healthcare services, provides a certain and high level of quality of medical services.

Keywords: digitalization, healthcare, social policy, information economy.

Введение. Цифровизация системы здравоохранения представляет собой поступательный, планомерный процесс, связанный с разработкой, отбором и внедрением современных информационно-коммуникационных технологий по различным направлениям, видам деятельности, входящим в данную систему. Она осуществляется в целях повышения качества оказания медицинской помощи, в том числе повышения скорости проведения лечебно-диагностических и профилактических мероприятий, уточнения диагнозов, оптимизации трудозатрат обслуживающих специалистов, снижения «теневых» документооборотов в медицине, усиления контроля за частным сектором, обеспечения сквозного информационного поля по результатам оказания медицинских услуг [1]. Внедрение современных информационных технологий в систему здравоохранения способствует более эффективному использованию ресурсов, в том числе финансовых и трудовых ресурсов [2].

В современных условиях вопросам цифровизации здравоохранения в Республике Беларусь уделяется значительное внимание, что обусловлено появлением новых видов заболеваний вирусной природы, в частности, коронавирусной инфекции. Появление таких заболеваний привело к необходимости ускорения диагностики, повышения доли дистанционных форм медобслуживания из-за повышенных рисков для здоровья. В условиях пандемии Covid-19 система здравоохранения Республики Беларусь столкнулась с рядом небывалых, масштабных вызовов, которые потребовали принятия решений на государственном уровне. В частности, возникла необходимость обеспечения физического дистанцирования пациентов, предоставления части медицинских услуг в режиме онлайн в целях обеспечения большей безопасности медицинских работников и пациентов (как на этапе стационарной помощи, так и на этапе амбулаторного лечения).

Основная часть. Одним из наиболее значимых направлений первого этапа цифровизации здравоохранения Республики Беларусь является реализация мероприятий по формированию в стране национальной системы электронного здравоохранения, которая выступает базой объективной, достоверной и полной информации об оказываемых медицинских услугах. Аккумулируемая в такой базе медицинская информация способствует повышению качества оказываемых медицинских услуг [3]. Реализация соответствующих мероприятий направлена на предоставление пациентам следующих услуг и возможностей:

- предоставление пациентам онлайн-доступа к данным, содержащимся в системе здравоохранения;
- предоставление услуги записи пациентов к врачу с помощью сети Интернет;
- создание условий для дистанционного лечения;
- формирование электронных рецептов.

Создание единой информационной среды в системе здравоохранения Республики Беларусь направлено на объединение информационного пространства в данной сфере, формирование данных не только о пациентах и оказываемых им медицинских услугах, но и о врачах, рецептурных данных, о частных медучреждениях, разнообразии и прейскуранте их услуг. Такие данные могут быть оперативно получены, переданы медицинскими организациями, но с соблюдением всех необходимых процедур защиты персональных данных. Также создание единой информационной среды выступает необходимым условием для предоставления медицинских услуг в дистанционной форме.

Создание единой информационной среды в системе здравоохранения Республики Беларусь приведет к оптимизации процессов, связанных с использованием, хранением, обработкой, получением значительного массива данных, содержащихся в системе здравоохранения, создаст условия и возможности для принятия наиболее оптимальных, верных решений медиками в короткие сроки, приведет к внедрению электронного документооборота и экономии канцтоваров, снижению непроизводительных потерь [4].

В результате создания единой информационной среды в системе здравоохранения Республики Беларусь повысится эффективность управления данной системой. Внедрение инструментов автоматизации и статистической обработки данных, включенных в систему здравоохранения, обеспечит возможность проведения оперативного анализа заболеваемости в стране, выявления начальных признаков пандемий, территориальных границ их распространения и купирования.

При проведении цифровизации системы здравоохранения в Республике Беларусь большое внимание должно быть уделено реализации концепции «подключенный пациент» [5], которая предоставляет возможности получения пациентами необходимых медицинских данных, медицинских услуг в любое удобное время в любом удобном месте.

Распространение современных информационных технологий в системе здравоохранения не направлено исключительно на удовлетворение потребностей пациентов в получении медицинских услуг. Кроме затребования медицинских данных, а также обеспечения эффективного взаимодействия между пациентами и медицинскими специалистами, внедрение таких технологий преследует целью более эффективное взаимодействие между работниками медицинских организаций и вспомогательных служб, повышение гибкости управления, интенсификация обмена опытом, рост квалификации врачей.

В результате проведения опроса работников учреждений здравоохранения [6] были получены данные, в соответствии с которыми ожидаемые мероприятия по оцифровке системы здравоохранения повысят эффективность управления медицинскими организациями, будут способствовать повышению оперативности, удобству предоставления медицинской помощи пациентам, обеспечат комплексный подход при предоставлении медицинских услуг.

Одним из важных мероприятий является оптимизация статистического учета и информационных процессов в здравоохранении с целью сокращения медицинских ошибок, немотивированных назначений и осложнений в послеоперационном периоде. Это позволит достичь повышения эффективности и качества лечения, а также повысить доверие пациентов к системе здравоохранения. Сокращение времени, затрачиваемого медицинским персоналом на поиск информации о пациентах и ведение письменной документации, сыграет серьезную роль в повышении эффективности и качества медицинского обслуживания. Автоматизация процессов записи и отчетности поможет сэкономить время и повысить производительность труда медицинского персонала. Использование цифровых технологий в области диагностики и тестирования позволит сократить количество повторных исследований и снизить затраты на здравоохранение. Усовершенствованные системы управления финансами также способствуют снижению затрат и эффективному распределению ресурсов в сфере здравоохранения.

В результате реализации этих мероприятий будут повышены пороги доступности, качества и надежности медицинской информации для пациентов, а также обеспечена оптимизация финансовых и материальных ресурсов, имеющихся в системе здравоохранения.

При разработке и внедрении информационных систем в сфере здравоохранения необходимо учитывать ряд особенностей данных систем, в частности, то, что функционирование таких систем сопряжено с высокой динамикой их использования, также обширностью массивов данных и пролонгированным периодом накопления последних. Современные информационные системы в сфере здравоохранения должны соответствовать следующим условиям:

- обеспечение безопасного хранения личных данных пациентов;
- предоставление возможности получения широкого спектра медицинских услуг в электронном виде;
- высокий уровень компьютерной грамотности персонала сферы здравоохранения и др.

Процесс цифровизации системы здравоохранения в Республике Беларусь, его эффективность находятся в зависимости от разработки и внедрения прикладных медицинских технологий, электронных средств, способствующих более качественному, оперативному обслуживанию пациентов. Также большое значение при проведении цифровизации отводится мероприятиям, направленным на расширение доступа к сети Интернет в районных центрах, своевременное комплектование учреждений здравоохранения необходимым техническим оборудованием. Цифровизация смягчит снижение доступности медицинских услуг в сельской местности. Внедрение различных информационных технологий в систему здравоохранения способствует повышению эффективности (в том числе, экономической), оперативности реализации отдельных процессов в рамках данной системы, экономичности расходования ресурсов при осуществлении медицинской практики.

Цифровизация системы здравоохранения, таким образом, в Республике Беларусь является одним из приоритетных направлений государственной политики страны.

Большое значение для проведения цифровизации этой системы имело принятие Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 г. [7]. В рамках данной государственной программы можно выделить подпрограмму «Обеспечение функционирования системы здравоохранения Республики Беларусь». К числу задач данной подпрограммы относится, в частности, задача, связанная с формированием условий для развития здравоохранения, повышения доступности оказания медицинской помощи для населения. Достижение поставленных задач обеспечивается посредством инновационного развития отрасли, повышения качества предоставляемых учреждениями здравоохранения услуг за счет внедрения информационных технологий.

В результате реализации мероприятий, включенных в данную подпрограмму, планируется достижение следующих результатов: внедрение и широкое применение в организациях здравоохранения интеллектуальных систем для дистанционного мониторинга здоровья, проведение цифровой трансформации системы здравоохранения в Республике Беларусь.

В целях достижения целей и задач, поставленных документами программного и стратегического характера, направленных на обеспечение цифровизации системы здравоохранения Республики Беларусь, принят такой подзаконный нормативный правовой акт, как «Положение о порядке функционирования и использования централизованной информационной системы здравоохранения» [8].

Данным нормативным правовым актом вводится понятие централизованной информационной системы здравоохранения (далее – ЦИСЗ), определяются цели и задачи создания ЦИСЗ в Республике Беларусь. В настоящее время проводятся мероприятия, направленные на завершение создания ЦИСЗ, данная система еще не введена в повсеместную деятельность, однако, достигнуты значимые результаты по ее внедрению. В настоящее время рассматривается предложение по доработке сервисов ЦИСЗ для улучшения взаимодействия поликлиник и стационаров. ЦИСЗ аккумулирует в единое целое применяемые медицинские информационные технологии, а также позволит сформировать единую аналитическую систему для принятия управленческих решений.

Благодаря созданию ЦИСЗ будет сформирован единый электронный архив информации о пациентах на основе электронных медицинских карт. Такая система обеспечит возможность осуществлять сбор, накопление и хранение данных о состоянии здоровья пациентов, оперативно

получать всю имеющуюся медицинскую информацию о пациентах, в том числе, в целях выбора наиболее эффективных тактик лечения. В рамках создаваемой системы формируются условия для осуществления эффективного взаимодействия учреждений здравоохранения при оказании медицинской помощи. Также внедряется функционал, который позволяет пациентам получать доступ к медицинским услугам посредством личного кабинета пациента, а сотрудникам учреждений здравоохранения формировать различные виды статистических форм и отчетов.

Несмотря на ряд позитивных тенденций, которые были достигнуты в результате цифровизации системы здравоохранения, существует ряд проблем, с которыми столкнулось государство (с одной стороны), медицинские работники (с другой стороны), пациенты, как потребители медицинских услуг (с третьей стороны).

В результате проведения цифровизации системы здравоохранения были внедрены значимые улучшения, воспользоваться которыми при получении медицинских услуг смогут не все пациенты. Действительно, проведение цифровизации способствовало повышению эффективности медицинского обслуживания, повышению доступности медицинских услуг, снижению стоимости предоставляемых медицинских услуг. При этом к числу недостатков реализованных мероприятий в русле цифровизации можно отнести то, что был существенным образом осложнен доступ к получению медицинских услуг пациентам, которые не имеют необходимого уровня цифровой грамотности. К числу таких пациентов, как правило, относятся люди, которые имеют низкий уровень доходов, проживают в местах, в которых недостаточным образом развиты Интернет-технологии, люди преклонного возраста. Существующая проблема в значительной степени актуальна для населения, которое проживает в сельской местности, в результате чего данная категория населения сталкивается с трудностями при проведении лечебно-профилактических мероприятий.

Также при оказании медицинской помощи с применением информационных технологий может иметь место такая проблема, как неоправданные ожидания пациентов при применении такого формата, как телемедицинское консультирование. Это обусловлено тем обстоятельством, что оказание медицинских услуг с применением информационных технологий имеет значимые различия от предоставления оных в очном формате, что ведет к снижению взаимопонимания между медицинскими работниками и пациентами, росту недоверия к медицинским работникам. В результате снижения доверия между пациентом и медицинским работником может возникнуть ситуация, что пациенты будут не выполнять или выполнять не в полной мере полученные рекомендации по лечению.

К числу проблем, обусловленных цифровизацией системы здравоохранения Республики Беларусь, можно отнести также отсутствие необходимых стандартов для обмена медицинской информацией в системе здравоохранения в соответствии с требованиями законодательства Республики Беларусь. Также отсутствуют стандарты получения и применения медицинской информации о пациентах сотрудниками учреждений здравоохранения вне таких учреждений, а они необходимы, причем конкретные и жесткие, во избежание утечки персональных данных.

На наш взгляд, в целях проведения совершенствования процессов цифровизации системы здравоохранения в Республике Беларусь, представляется необходимым реализовать следующие мероприятия:

- обеспечить равномерное территориальное развитие информатизации здравоохранения Республики Беларусь с целью предоставления равной доступности медицинского обслуживания сельского и городского населения;
- обеспечить укрепление взаимодействия в области информационно-коммуникационных технологий между государственным и частным медицинскими секторами;
- сформировать необходимые стандарты для обмена медицинской информацией в системе здравоохранения в соответствии с требованиями законодательства Республики Беларусь.

Заключение. Таким образом, в настоящее время в Республике Беларусь осуществляется реализация первого этапа национальной стратегии по цифровизации системы здравоохранения. Основной целью проведения цифровизации системы здравоохранения Республики Беларусь является формирование комплексной, единой информационной системы, которая обеспечивает повсеместную доступность услуг здравоохранения, обеспечивает определенный уровень качест-

ва медицинских услуг. Достижение данной цели предусматривает необходимость внедрения ряда различных современных технологий в сфере здравоохранения. Достижение данной цели предусматривает необходимость повышения эффективности функционирующей системы организации медицинской помощи, а также проведения оптимизации сроков предоставления медицинских услуг, проведения оказания стационарной медицинской помощи. Таким образом, предстоит предварительная работа по стандартизации, унификации, регламентированию отдельных медицинских документов и их обороту. Современный опыт применения информационных технологий в системе здравоохранения развитых стран свидетельствует о том, что в случае корректного внедрения таких технологий повышается экономическая эффективность системы здравоохранения. Система начинает более эффективно расходовать финансовые ресурсы.

Также необходимо отметить, что Беларусь обладает ещё не полностью реализованным потенциалом сферы IT-технологий в медицине и совершенствовании инфраструктуры здравоохранения. Помимо инноваций в области цифровых технологий в управлении здравоохранением, помощи маломобильным пациентам и разработки профилактических мер, существует множество других элементов, которые могут способствовать цифровизации здравоохранения и медицинской помощи в Беларуси. К ним относятся повышение уровня медицинских знаний и образования населения, увеличение эффективности диагностических исследований и сокращение времени между выявлением проблем со здоровьем и началом лечения. Развитие цифровой медицины и здравоохранения в Республике Беларусь даст реальную возможность улучшить качество жизни и здоровье граждан.

Литература

1. Шандора, Н. Цифровизация системы здравоохранения : опыт и перспективы / Н. Шандора // Наука и инновации. – 2020. – № 2. – С. 38.
2. Концепция развития электронного здравоохранения Республики Беларусь на период до 2022 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://minzdrav.gov.by/upload/dadvfiles/CONCEPT_E-Health.pdf?ysclid=lq3zmdqgai73677657. – Дата доступа : 26.12.2023.
3. Петрова, Л. И. Реализация права на медицинскую помощь в Республике Беларусь в условиях развития электронного здравоохранения / Л. И. Петрова // Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь : матер. Республиканской науч.-практ. конф., Минск, 18–19 ноября 2022 г. / БГУ ; редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 413–417.
4. Солдатенко, И. Г. Цифровизация системы здравоохранения Республики Беларусь / И. Г. Солдатенко // Социология в постглобальном мире : матер. всероссийской науч. конф., Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 г. ; отв. ред.: Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. – СПб., 2022. – С. 469.
5. Об утверждении Концепции развития электронного здравоохранения Республики Беларусь [Электронный ресурс] : приказ министерства здравоохранения Республики Беларусь, 20.03.2018 г., № 244. – Режим доступа : <https://normativka.by/lib/document/76937?ysclid=lq8emtv9ce27899900>. – Дата доступа : 26.12.2023.
6. Об утверждении Программы социально-экономического развития Беларуси на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь от 29.07.2021 г., № 292. – Режим доступа : <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-292-ot-29-iyulya-2021-g>. – Дата доступа : 27.12.2023.
7. О Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 [Электронный ресурс] : постановление Совета министров Республики Беларусь, 19.01.2021 г., № 28. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100028>. – Дата доступа : 27.12.2023.
8. О порядке функционирования и использования централизованной информационной системы здравоохранения [Электронный ресурс] : постановление Совета министров Республики Беларусь, 13.05.2021 г., № 267. – Режим доступа : <https://normativka.by/lib/document/500303623?ysclid=lq8ex3sdmx485782376>. – Дата доступа : 27.12.2023.

Эволюция маркетинговых коммуникаций

Н.И. ИСАЙЧИКОВА

В статье представлена эволюция маркетинговых коммуникаций с учетом цифровизации и повышения уровня внедрения информационных технологий в современном обществе.

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации, продвижение, интернет-маркетинг, инфлюенсер.

The article presents the evolution of marketing communications taking into account digitalization and increasing the level of information technology implementation in modern society.

Keywords: marketing communications, promotion, Internet marketing, influencer.

Введение. С момента появления рекламы маркетинговые коммуникации продолжают эволюционировать в соответствии с развитием технологий и изменением требований потребителей. Однако в последние десятилетия изменения происходят значительно быстрее, чем когда-либо раньше. В настоящее время маркетинговые коммуникации могут быть представлены в различных форматах, начиная от традиционной рекламы на телевидении и в печати до текстовой рекламы в Интернете и влиятельных маркетинговых кампаний в социальных сетях.

Первая эра маркетинговых коммуникаций началась с появления традиционных рекламных каналов, таких как радио и телевидение в 1920-х гг. В этот период потребители были сравнительно неопытны в отношении рекламы, и маркетологи могли свободно использовать эти каналы для продвижения своих продуктов. Тем не менее с течением времени массовая реклама начала утомлять потребителей, и маркетологи должны были найти новые способы привлечения внимания аудитории.

Вторая эра маркетинговых коммуникаций пришла в 1990-х гг., когда компании стали перенаправлять свои рекламные бюджеты в онлайн-среду. Интернет дал возможность маркетологам проводить геотаргетинг, контекстную рекламу и использовать электронную почту для связи с клиентами. В этом периоде также появилась практика создания корпоративных веб-сайтов и использования SEO для повышения видимости сайтов в поисковых результатах.

В настоящее время мы находимся в третьей эре маркетинговых коммуникаций, которая определяется преобладанием мобильных устройств и социальных сетей. Эти технологии позволяют маркетологам общаться с аудиторией на более индивидуальном уровне и создавать наиболее релевантный контент.

В рамках третьей эры маркетинговых коммуникаций также стало популярным использование инфлюенсер-маркетинга. Инфлюенсеры, имеющие большую аудиторию в социальных сетях, могут помочь компаниям достичь максимального охвата своей целевой аудитории. Кроме того, компании также начали использовать машинное обучение и искусственный интеллект для создания более эффективных рекламных кампаний и персонализации контента.

Современная эра маркетинговых коммуникаций также характеризуется тем, что потребители стали более информированными и критичными в отношении рекламы. В связи с этим компании должны создавать контент, который не только привлекает внимание аудитории, но и предоставляет ценность для потребителей. Это может быть достигнуто путем создания интересного и познавательного контента, который соответствует интересам и потребностям аудитории.

Основная часть. Обзор существующих источников, посвященных разработке и реализации коммуникационной составляющей комплекса маркетинга позволил подойти к систематизации как традиционных, общепринятых в практике использования, так и инновационных видов и инструментов маркетинговых коммуникаций.

Маркетинговые коммуникации – это процесс создания, передачи и получения информации о продукте, услуге или идее с целью привлечения внимания и заинтересованности со стороны целевой аудитории.

Отметим, что современные организации используют сложные коммуникационные системы для поддержания контактов с посредниками, клиентами, различными общественными организациями и слоями. В этом плане понятия «маркетинговая коммуникация» и «продвижение продукта» в маркетинге являются практически идентичными друг другу.

Отечественные и зарубежные авторы разработали различные классификации и концепции маркетинговых коммуникаций, которые включают в себя различные типы коммуникаций, такие как рекламные, продажные, промоушн и паблик-релейшнз, а также концепцию интегрированных маркетинговых коммуникаций, которая объединяет все доступные инструменты маркетинга.

Основные (классические) виды продвижения широко рассмотрены в работах [1]–[6] схематично представлены на рисунке 1.

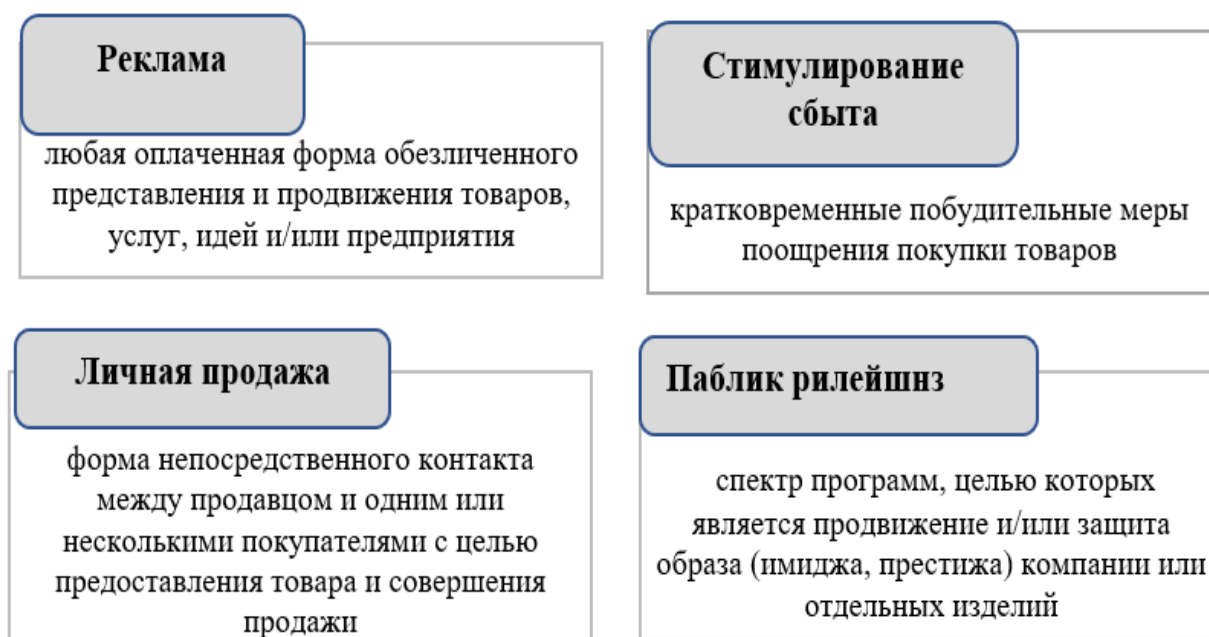

Рисунок 1 – Традиционный (классический) набор инструментов маркетинговых коммуникаций

Е.Н. Голубкова [3], в свою очередь, подходит к классификации маркетинговых коммуникаций более широко и к описанным выше традиционным инструментам маркетинговых коммуникаций добавляет прямой маркетинг как непосредственное интерактивное взаимодействие продавца (производителя) и потребителя в процессе продажи конкретного товара. При этом покупателю отводится роль активного и полноправного участника диалога.

Концепция интегрированных маркетинговых коммуникаций, которую развивают такие авторы, как Ф. Котлер, И.М. Синяева и др. предполагает включение в себя всех доступных инструментов маркетинга, таких как реклама, личные продажи, промоушн и паблик-релейшнз, а также новые цифровые каналы коммуникации, такие как социальные сети, мобильные приложения и электронная почта. Интегрированные маркетинговые коммуникации позволяют создавать более эффективные и целостные кампании, которые могут привлечь большее количество потенциальных клиентов и укрепить позиции компании на рынке.

Г.Л. Багиев с соавторами выделил свою классификацию маркетинговых коммуникаций (рисунок 2), разделив их на коммуникации, направленные на продвижения товара, и коммуникации, направленные на разработку и совершенствование продукции. Оба вида коммуникаций взаимодействуют друг с другом и формируют так называемый синергетический эффект, в котором и заключается цель маркетинговых коммуникаций.

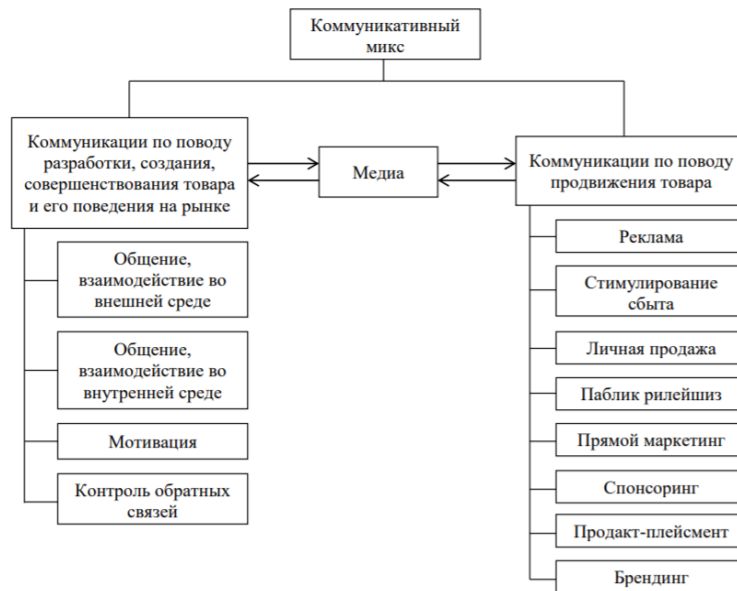

Рисунок 2 – Структура комплекса маркетинговых коммуникаций [2, с. 485]

В различных источниках можно встретить классификацию маркетинговых коммуникаций, сформированную в организации по принципу прямого или косвенного воздействия на потребителя (рисунок 3) [7].

Считается, что термины ATL и BTL возникли, когда один из топ-менеджеров этой компании при составлении маркетинговой сметы забыл включить в нее массовую бесплатную раздачу товара. Черта под сметой была уже подведена, поэтому дополнительные статьи расходов он вписал под чертой («под чертой» – англ. Below The Line (BTL) и «над чертой» – Above The Line (ATL)).

Разделение на ATL и BTL подразумевает характер воздействия на потребителя. Прямая реклама (ATL) оказывает прямое воздействие на потребителя, т. е. сама компания размещает информацию в СМИ, тем самым обеспечивая прямое воздействие на аудиторию. Тогда как BTL воздействует через специальные мероприятия, дистрибьюторов и прочие косвенные инструменты.

Рисунок 3 – Классификация маркетинговых коммуникаций по принципу прямого или косвенного воздействия на потребителя

Следует заметить, что с быстрым развитием интернет-маркетинга и соответственно способов достижения клиента в сети первоначальное разделение на массовые (ATL) и немассовые (BTL) виды деятельности утратило смысл существования. Мобильные телефоны, смартфоны и другие устройства приобрели популярность, что позволяет общаться с клиентом другими способами. Таким образом, BTL развивается в направлении действий, определенных как прямые методы достижения клиента. Наряду с развитием технологий и меняю-

щимися рынками, а также требованиями потребителей возникают новые каналы связи с получателями. Наряду с этим возникают трудности при классификации новых медиа и методов общения с клиентом в отношении биполярной оппозиции: ATL и BTL [7].

Современным направлением в продвижении товаров и услуг стал так называемый инфлюенсер-маркетинг – это стратегия маркетинга, при которой компании используют популярность и влияние в социальных сетях персон, известных как инфлюенсеры, для продвижения своих товаров или услуг. Инфлюенсеры – это люди, имеющие большое количество подписчиков на своих социальных аккаунтах, которые интересуются их жизнью, мнением и рекомендациями.

Инфлюенсер-маркетинг является одной из наиболее эффективных и популярных форм коммуникационных технологий в социальных сетях, особенно в Instagram и YouTube. Он позволяет компаниям рекламировать свои товары или услуги, используя персональные связи между инфлюенсерами и их подписчиками. Эта стратегия маркетинга может помочь компаниям достичь более широкой аудитории и повысить узнаваемость своего бренда.

Стоит отметить, что инфлюенсер-маркетинг не является универсальным решением для всех компаний и брендов. Эта стратегия маркетинга может быть эффективной для продвижения товаров и услуг в определенных сферах, таких как мода, красота, фитнес, путешествия и т. д. Однако в других сферах, таких как B2B, инфлюенсер-маркетинг может не работать.

Кроме того, стоит учитывать, что инфлюенсер-маркетинг может быть дорогим способом продвижения, особенно для компаний с ограниченным бюджетом.

Вывод. Рассмотренные подходы в эволюции классификаций маркетинговых коммуникаций, появление новых коммуникационных технологий и средств, позволяет сделать следующие выводы:

– маркетинговые коммуникации продолжают эволюционировать в соответствии с изменением технологий и поведением потребителей;

– объединение инструментов, методов, технологий в маркетинговых коммуникациях приводит к возникновению их новых концептуальных моделей, расширяющих возможности коммуникаций в маркетинге и одновременно усложняющих управление ими;

– развитие индивидуализированных медиатехнологий в коммуникационном Интернет-пространстве приводит к развитию интерактивных коммуникаций, что предполагает качественно новый подход к организации маркетинговых коммуникаций.

Сегодня организации должны использовать разнообразные каналы коммуникации, включая традиционные и цифровые, для привлечения и удержания своей аудитории. Кроме того, важно создавать контент, который отвечает интересам и потребностям аудитории, и использовать технологии, такие как машинное обучение и искусственный интеллект, для повышения эффективности маркетинговых кампаний. Все это позволит организациям установить лояльность потребителей и достичь успеха на рынке.

Литература

1. Акулич, И. Л. Маркетинг : учебник для вузов / И. Л. Акулич. – 8-е изд., испр и доп. – Минск : Высшая школа, 2014. – 542 с.
2. Багиев, Г. Л. Маркетинг : учебник для вузов / Г. Л. Багиев, В. М. Тарасевич, Х. Анн ; под общ. ред. Г. Л. Багиева. – 2-е изд., перераб и доп. – М. : ЗАО «Изд-во «Экономика», 2001. – 718 с.
3. Голубкова, Е. Н. Интегрированные маркетинговые коммуникации : учеб. и практ. для академич. бакалавриата / Е. Н. Голубкова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Юрайт, 2015. – 344 с.
4. Исайчикова, Н. И. Актуальность маркетинговых коммуникаций в условиях кризиса Проблемы социально-экономического и правового обеспечения инновационного развития Беларуси : материалы XIV Межвузовской науч.-практ. конф., Гомель, 4 февраля 2010 г. / под общ. ред. С. И. Ляха. – Гомель : ГФ УО ФПБ МИТСО, 2010. – Ч. I. – С. 234–236.
5. Котлер, Ф. Основы маркетинга. Краткий курс / Ф. Котлер ; пер. с англ. – М., 2007. – 656 с.
6. Синяева, И. М. Маркетинговые коммуникации : Учебник / И. М. Синяева, С. В. Земляк, В. В. Синяев ; под ред. Л. П. Дашкова. – М. : Изд.-торг. Корп. «Дашков и К», 2005. – 304 с.
7. Традиционное разделение на ATL и BTL и Современный маркетинг бренда [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dramtezi.ru/zametki/atl-i-btl.html>. – Дата доступа : 02.02.2023.

Особенности противоречия и единства между экономикой лесоводства и экономикой промышленного производства в лесном хозяйстве Беларуси

О.В. ЛАПИЦКАЯ

В работе показано, что лесное хозяйство Беларуси является комплексным, то есть ведется лесохозяйственная деятельность, которая включает в себя лесовосстановление, рубки промежуточного пользования, охрану и защиту леса, а также ведется коммерческая деятельность в виде заготовки древесины и ее глубокой переработки. За последние два-три десятилетия в лесном хозяйстве существенно возросла доля коммерческой деятельности, которая к 2021 г. составила более 70 % всего финансирования отрасли. Показано, что оба вида деятельности в лесном хозяйстве составляют между собой единое целое, что обеспечивает как получение прибыли, так и сохранение экосистем и экологической безопасности государства.

Ключевые слова: лесохозяйственное производство, лесовосстановление, рубки промежуточного пользования, рубки главного пользования, переработка древесины, экологическая безопасность.

The paper shows that the forestry of Belarus is complex, that is, forestry activities are carried out, which include reforestation, intermediate felling, protection of the forest, as well as commercial activities in the form of timber harvesting and its deep processing. Over the past two or three decades, the share of commercial activity in forestry has significantly increased, which by 2021 amounted to more than 70 % of the total financing of the industry. It is shown that both types of activities in forestry constitute a single whole, which ensures both profit making and the preservation of eco-systems and the environmental safety of the state.

Keywords: forestry production, reforestation, intermediate felling, final felling, wood processing, environmental safety.

Введение. Лесное хозяйство Беларуси включает в себя лесохозяйственное производство и коммерческую деятельность, которая заключается в проведении лесозаготовок, переработке древесины и оказании услуг. Такая организационная структура лесного хозяйства возникла в результате длительного эволюционного развития, начиная с XVIII в. Первоначально лесное хозяйство занималось, в основном, охраной и защитой леса и реализацией древесины на корню. Заготовка древесины осуществлялась частными компаниями. Промышленной деятельностью лесное хозяйство длительный период не занималось [1]–[2].

Наиболее интенсивные лесозаготовки в Беларуси начали проводиться после того, как территория нашей страны была присоединена к Российской империи. Потребности большого государства в строительстве городов, флота, промышленных предприятий потребовали значительного увеличения объемов лесозаготовок. Так, в 1800 г. объемы лесозаготовок составили 10 млн. м³, но уже к 1900 г. этого объем увеличился до 16 млн. м³, а в 1918 г. он составил 28 млн. м³. Соответственно, уменьшалась и лесистость: с 50 % в 1800 г., 37 % в 1900 г. и 22 % в 1918 г. При этом древесина отпускалась на корню по рыночным ценам. Фактически финансовое обеспечение лесного хозяйства осуществлялось за счет лесной ренты по довольно высоким ценам. Для расчетов спелостей леса и возрастов рубки использовалась хозяйственная спелость, которую исчисляли по величине себестоимости и рентабельности выращивания древостоев. Соответственно, достаточно высокой была и цена древесины. Поэтому лесной доход России до 1917 г. в 3 раза превышал затраты на ведение хозяйства [3]–[5].

В первые десятилетия Советской власти в стране финансирование лесного хозяйства за счет лесной ренты продолжалось, но уже со второй половины 30-х гг. прошлого века лесное хозяйство помимо финансирования за счет лесных такс и бюджетных дотаций начало получать относительно небольшой доход за счет реализации древесины от рубок ухода [1]. Поскольку доходы от лесной ренты в силу низких таксовых цен на древесину не покрывали потребности на ведение лесного хозяйства, то утвердилось мнение, что лесное хозяйство является убыточной отраслью. На самом деле это было не так, так как из-за низких отпускных цен на древесину большие прибыли получала лесная промышленность и деревопереработка,

т. е. государство в целом от использования леса имело большие прибыли. Именно реализация древесины в 30-е гг. в страны Западной Европы обеспечила денежные поступления, которые позволили построить многие промышленные предприятия [1]–[2].

Для того, чтобы не быть убыточным, в лесном хозяйстве с конца 50-х гг. прошлого века и особенно в 70–80-е гг. стало усиленно развиваться промышленное производство. Оно заключалось в строительстве деревоперерабатывающих производств и выпуске конечной продукции деревопереработки, которая реализовывалась в народном хозяйстве. Это позволило обеспечить техническое перевооружение лесного хозяйства, поднять уровень заработной платы в отрасли и сделать ее привлекательной. Одновременно, улучшение финансового состояния лесного хозяйства обеспечивало расширение объемов лесовосстановления, улучшение охраны и защиты леса.

Особенно бурными темпами развитие промышленной деятельности наблюдается за последние три десятилетия. В то же время, развитие коммерческой деятельности в лесном хозяйстве выявило определенные противоречия между долгосрочными задачами лесного хозяйства, связанными с восстановлением, охраной и защитой лесов, и получением текущей прибыли. Хотя эти обе стороны ведения лесного хозяйства являются между собой взаимоувязанными.

В силу сказанного задачей настоящей работы является исследование имеющихся противоречий между коммерческой и лесохозяйственной деятельностью лесной отрасли и установление необходимых пропорций для их гармоничного развития.

Материалы и методика. В данной работе использовались открытые ведомственные материалы Министерства лесного хозяйства, сведения из лесного кадастра и других открытых статистических сведений, а также литературные источники [1], [6]–[7].

Методика исследований состояла в использовании современных методов лесоводственного и экономического анализа, применялся также системный анализ и математическое моделирование [1], [7]–[11].

Результаты и их обсуждения. В настоящее время в лесной отрасли Беларуси теория комплексного лесного хозяйства, основанная на технологической и организационной взаимосвязи двух видов экономической деятельности: лесоводстве и лесозаготовках отличаются своим содержанием продукции и экономик и одновременно их целостностью и системностью.

Из двух видов экономической деятельности (лесоводство и лесозаготовок) лесное хозяйство как самостоятельная отрасль национальной экономики определяет лесоводство. Лесозаготовки относят к другой отрасли – промышленности.

Экономика лесоводства носит рентный характер, а экономика лесозаготовок реализует коммерческий интерес. Их системную связь осуществляет рентно-коммерческий вектор развития экономических отношений комплексного лесного хозяйства на адекватной институциональной основе.

Экономику комплексного лесного хозяйства выражает рентный доход и механизм его воспроизводства. Рентный доход образуется в результате рубок леса и заготовок, пользования его продуктами и услугами.

Экологоориентированное развитие комплексного хозяйства определяет устойчивое продуцирование экосистемных услуг, положительную динамику древесного запаса лесного фонда.

Реализация вышеизложенных положений заключается в том, что лесное хозяйство получает бюджетное финансирование на проведение тех мероприятий, которые не могут дать быстрой экономической отдачи. Результаты лесохозяйственной деятельности проявляются в постепенном накоплении древесных запасов, производстве и воспроизводстве экологических полезностей леса (депонирование углерода, водоохраные функции, защитные функции и т. д.), а также в сохранении и сбережении лесов и их воспроизводстве. Поэтому бюджетное финансирование осуществляется для проведения лесовосстановления (искусственного и естественного), для формирования оптимальной породной структуры (проведение рубок ухода в молодняках, осветления и прочистки), для осуществления охраны и защиты леса (защита лесов от пожаров, самовольных порубок, от вредителей и болезней леса), а также для проведения лесоустройства и природоохранных мероприятий.

Бюджетное финансирование предполагалось и предполагается осуществлять за счет получения рентных платежей как от абсолютной, так и от дифференциальной ренты. Она выражается в получении таксовой стоимости от продажи леса на корню, а также от различных платежей за различные лесонарушения и некоторые услуги.

Коммерческая или хозрасчетная деятельность лесного хозяйства осуществляется в основном за счет заготовки и реализации древесины при проведении рубок главного пользования, прочих рубок, а также за счет выполнения санитарных рубок и рубок ухода, где может быть получена товарная продукция.

Важной статьёй коммерческой деятельности лесного хозяйства является комплексная переработка древесного сырья: лесопиление, производство мебельных заготовок и самой мебели, выпуск топливных гранул (пеллет), реализация продукции охоты и сельского хозяйства, а также плата за различные услуги, которые оказываются населению и другим отраслям народного хозяйства.

Все перечисленные виды работ являются неотъемлемой составляющей деятельности современных организаций лесного хозяйства в Беларуси. Они выполняются на единой организационной и кадровой основе и определяют роль и значение лесного хозяйства в общей системе народного хозяйства страны.

В то же время за последние десятилетия значительно возросла доля коммерческой деятельности лесхозов, которые в настоящее время стали преобладающей в финансовом отношении. Это видно из ежегодной отчетности Министерства лесного хозяйства. Для примера в таблице 1 приведены данные, показывающие итоги работы организации лесного хозяйства за 2011 и 2021 гг. (таблица 1).

Таблица 1 – Основные результаты работы организации Министерства лесного хозяйства Республики Беларусь

№ п/п	Виды работ	2011 г.	2021 г.
Бюджетная деятельность			
1	Лесовосстановление и лесоразведение, тыс. га	27,2	49
	в т.ч. искусственное	22,8	40
2	Охрана леса, млн. га, в том числе	9,4	9,7
	наличие лесной охраны, тыс.чел.	15,4	13
	тушение пожаров, га	115,6	503,6
	проведение минерализованных полос, тыс. км	–	83,2
	противопожарных разрывов, км	–	144,8
3	Защита леса, тыс. га, в том числе		
	лесопатологические обследования	–	100
	площадь очагов вредителей и болезней, тыс. га, в том числе	206,2	129,5
	вредителей	71,3	2,9
	болезней	135	126,6
	ликвидировано очагов вредителей и болезней, тыс. га	16	23,6
	сплошные санитарные рубки проведены		
	площадь, тыс. га	0,77	6,2
	объем, млн. м ³	0,0188	1,7
4	Рубки ухода в молодняках, тыс. га	67,7	80,1
5	Лесоустройство, тыс. га	1230,4	955,0
6	Средняя заработная плата работников лесохозяйственной деятельности, рублей	170,9	1391
Коммерческая (хозрасчетная) деятельность			
7	Заготовка древесины, тыс.м ³ , в том числе	9616,1	21862,1
	рубки главного пользования	2880,9*	13765,1
	рубки промежуточного пользования	4627,0	5971,0
	прочие рубки	2108,3	2126
8	Переработка древесины, млн. м ³ , в том числе	1,5	5,7
	выпущено пиломатериалов	1,0	1,5
9	Побочное лесопользование, млн. рублей	1,2	5,3
10	Охотохозяйственная деятельность, млн. рублей	1,4	10,3
11	Выручка от внешнеэкономической деятельности, млн. долл. США	133,2	272,3
12	Средняя заработная плата работников промышленного производства, рублей	182,7	1625

В 2011 г. по рубкам главного пользования в дополнение к объемам заготовки, проведенными организациями Министерства лесного хозяйства (2,8 млн. м³), заготовлено организациями других ведомств 4,5 млн. м³. Таким образом, общий объем заготовки в Республике Беларусь в 2011 г. составил 14,1 (9,6 + 4,5) млн. м³.

Финансовые показатели за 2011 г. нами скорректированы с учетом прошедшей деноминации 2016 г. Расходы на ведение лесного хозяйства в 2011 г. составили почти 1 млрд. рублей, в том числе за счет республиканского бюджета – 0,4 млрд. руб. Таким образом, про-

цент бюджетного финансирования в 2011 г. составил 40 %. Поступления от ведения лесного хозяйства составили 0,63 млрд. рублей. Рентабельность реализованной продукции (работ, услуг) в целом по отрасли составила 25,9 %. Рентабельность продукции деревообработки составила 17,4 %, продукции лесозаготовок – 32,9 %.

Всего по Министерству лесного хозяйства в 2021 г. было получено от средств бюджета и от коммерческой деятельности 3,2 млрд. рублей, где доля бюджетного финансирования составляет 24,2 %, а коммерческая деятельность равна 75,8 %. Рентабельность реализованной продукции (работ, услуг) составила 48,5 %. При этом рентабельность реализованной продукции лесозаготовок составила 63,3 %, лесопиления – 45,4 %, прочей продукции – 7,5 %.

В 2011 г. привлечено инвестиций в основной капитал 33,7 млн. рублей, в том числе 5,9 млн. рублей в лесохозяйственное производство, что составляет 17,5 %. Из общего объема инвестиций в 2021 г. 666,7 млн. рублей инвестиции в лесохозяйственное производство составили 21 %, а в коммерческую деятельность 79 %, в том числе в техническое перевооружение лесозаготовительного производства 40 %, в деревоперерабатывающее производство 18,6 %, в прочие (создание инфраструктуры, строительство дорог и прочие) 20,4 %.

Анализ таблицы 1 показывает, что за последние годы удельный вес коммерческой деятельности в работе лесхозов постепенно увеличивается. Если в 2011 г. доля бюджетного финансирования составляла 40 %, то в 2021 г. она снизилась до 24,2 %.

Коммерческая (хозрасчетная) деятельность лесхозов и лесохозяйственное производство между собой существенно отличаются. Коммерческая деятельность лесхоза направлена на получение прибыли и отвечает задачам текущего периода. Она обеспечивает техническое состояние производственных мощностей лесхоза, поддерживает на высоком уровне заработную плату и т. д.

Лесохозяйственные работы имеют своей целью сохранение и приумножение (выращивание) лесов. Их результат носит долговременный характер и проявляется в течение десятилетий. Оба эти виды деятельности взаимосвязаны. Как отмечали еще известные ученые [12]–[13], для того, чтобы проводились лесозаготовки и осуществлялась переработка древесины, необходимо, чтобы были выращены соответствующие лесные насаждения. В настоящее время мы используем результаты лесохозяйственной деятельности лесоводов, работавших в 40-е, 50-е и 60-е гг. XX в. Именно от них нам достались современные высокопродуктивные леса ценных древесных пород.

Отметим, что в те годы хозрасчетная деятельность была выражена слабо [14]. Доля бюджетного финансирования доходила до 90 %. Хотя величина лесных такс постоянно увеличивалась, но рост затрат на лесное хозяйство (заработная плата, материалы, машины и оборудование) возрастал намного большими темпами. Сказывалась и значительная инфляция. Поэтому, поступления от лесной ренты многие десятилетия не обеспечивали покрытие затрат на лесное хозяйство, из-за чего бюджетное финансирование было очень высоким.

В 50 – начале 60-х гг. прошлого века объем рубок ухода был невысокий, менее 1,5 млн. м³. Древесина от рубок главного пользования, которую заготавливали леспромхозы, распределялась централизованно, она шла на строительство в городах, на деревоперерабатывающие заводы. Для местных нужд (колхозам, школам, больницам, населению) оставалась, в основном, древесина от рубок ухода, которой остро не хватало. Поэтому со второй половины 60-х гг. фактически произошла смена парадигмы лесного хозяйства.

Лесное хозяйство, которое до этого было обязано, в основном, поставлять лес по главному пользованию леспромхозам, свою главную задачу (парадигму) видоизменило. Увеличив в несколько раз объемы рубок ухода и многократно расширив переработку древесины, лесное хозяйство решило сразу две задачи: во-первых, практически были удовлетворены потребности в древесине местного населения и местных организаций; во-вторых, лесное хозяйство получило определенную финансовую самостоятельность. При существенном сокращении бюджетного финансирования за счет прибыли от коммерческой деятельности лесхозы смогли технически перевооружиться, увеличить заработную плату своим работникам, что повысило привлекательность отрасли и постепенно перевело ее из технически отсталой в число передовых.

Рассматривая организацию лесного хозяйства как комплексную, мы видим определенные противоречия между коммерческой и лесохозяйственной деятельностью. Они заключаются, в основном, в том, что для эффективной коммерческой деятельности необходимо проводить лесозаготовки в больших объемах и желательно концентрировать их в одном месте.

Инвестиции в производство должны в основном направляться на приобретение оборудования для лесозаготовок и деревопереработки. При этом желательно иметь определенные ограничения экологического и лесоводственного характера.

Для успешного возобновления и выращивания лесов требования несколько иные. Здесь очень важно соблюдать экологические условия: недопущение эрозии почв, сохранение полноты древостоев, не допускать преждевременных рубок, проводить интенсивную охрану и защиту леса. Для этого нужны значительные затраты финансовых средств, которые в настоящее время существенно превышают поступления от лесной ренты. При этом доходы от экологической функции лесов практически отсутствуют.

Поскольку существует понимание, что без лесохозяйственной деятельности и выращивания высокопродуктивных лесов коммерческая деятельность лесхозов невозможна, то в отрасли принимаются компромиссные решения, где как коммерческая деятельность, так и лесохозяйственное производство идут на определенные уступки. Так, для осуществления успешной лесохозяйственной деятельности используются различные нормативные документы, обеспечивающие соблюдение необходимых экологических и лесохозяйственных требований. В качестве примера можно привести СТБ 1708-2006 «Устойчивое лесопользование и лесосохранение» (с поправками) [15], где приведены основные требования и ограничения экологической направленности при ведении лесохозяйственной деятельности. Подобные же ограничения и регламентация присутствуют и в Лесном кодексе, как в предыдущие годы, так и в последнем его варианте [16].

Поскольку ведение работ в организациях лесного хозяйства носит комплексный характер, то они должны соответствовать требованиям системного подхода к организации производства [8]. При этом в соответствии с требованиями системного анализа должно проводиться ранжирование целей и задач при проведении различных мероприятий. По нашему мнению, в этой системе на первое место должны выйти вопросы лесовосстановления и лесоразведения.

Следующим по важности мероприятием должна стать охрана и защита леса, без чего вырастить высококачественные древостои невозможно. Поскольку в настоящее время наши леса интенсивно используются человеком (по определению В.В. Антанайтиса, это хозяйственные леса [17], по определению В.Ф. Багинского и других, это антропогенные леса [1]), то при их выращивании необходимо проводить рубки ухода и другие рубки промежуточного пользования. Это позволяет получить древостои нужных древесных пород и древесины соответствующего качества.

Породный состав лесов с преобладанием хвойных и твердолиственных может быть сформирован и без участия человека, но на это требуются столетия [9], [18]. Современное общество не имеет возможности ждать столь длительное время, поэтому с помощью уходов за лесом формируется необходимый требуемый породный состав и желательная возрастная структура лесов в соответствии с теорией нормального леса. К сожалению, последнее условие – нормальный лес – пока еще не достигнуто, но стремление к его достижению осуществляется [19]–[20].

Завершение лесохозяйственной деятельности и начало коммерческой деятельности осуществляется в процессе лесопользования. При ведении коммерческой деятельности также существуют определенные приоритеты. Одним из основных является получение максимальной прибыли. Для этого необходимо минимизировать затраты на проведение лесозаготовок и транспортировку древесины, а также применять самые современные технологии и технические средства для заготовки, транспортировки и переработки древесины.

Таким образом, основные противоречия между коммерческой и лесохозяйственной деятельностью заключаются в различии целей работ и сроков для получения результатов. Но поскольку оба вида деятельности (коммерческая и лесохозяйственная) органически объединены в общей системе лесного хозяйства, то эти противоречия должны сглаживаться и нивелироваться на основе взаимного компромисса. Это достигается применением современных нормативных документов и в практической деятельности специалистов лесного хозяйства.

Лесохозяйственная деятельность, т. е. выращивание высокопродуктивных лесов, создает условия для коммерческой деятельности лесхозов. В тоже время коммерческая деятельность лесхозов обеспечивает возможность проведения эффективной работы по восстановлению и выращиванию лесных насаждений.

Рассматривая данные вопросы в философском плане, мы видим здесь борьбу и единство противоположностей [21]. Их гармонизация позволяет обеспечить устойчивое развитие отрасли и осуществлять надежное и устойчивое лесопользование.

Заключение. Обобщая изложенное, приходим к следующим выводам.

1. Лесное хозяйство в Беларуси ведется комплексно, т. е. осуществляется лесохозяйственная деятельность (лесовосстановление, уход за лесом, его охрана и защита) и коммерческая деятельность, которая заключается в заготовке древесины, ее переработке и реализации.

2. За последние десятилетия в общем объеме работ и финансирования преобладает коммерческая деятельность, которая составляет около 70 % всех финансовых затрат.

3. Лесохозяйственная деятельность для отрасли остается главной задачей, так как без воспроизводства и выращивания лесов коммерческая деятельность будет невозможна.

4. Имеющиеся противоречия между экономикой лесоводства и экономикой промышленного производства в лесном хозяйстве в определенной мере нивелируются действующими нормативными документами, которые регламентируют проведение рубок леса, лесовыращивание и лесовосстановление. При проведении коммерческой и лесохозяйственной деятельности обеспечивается сохранение экологической устойчивости и экологического равновесия за счет сохранения лесных экосистем.

Литература

1. Багинский, В. Ф. Лесопользование в Беларуси / В. Ф. Багинский, Л. Д. Есимчик. – Минск : Бел. наука, 1996. – 367 с.
2. Багинский, В. Ф. История лесного хозяйства в Беларуси / В. Ф. Багинский, О. В. Лапицкая // Лес в жизни восточных славян от Киевской Руси до наших дней : сб. науч. тр. – Гомель : ИЛ НАН Беларуси, 2008. – Вып. 57. – С. 64–70.
3. Шутов, И. В. О золотом эквиваленте лесного дохода России / И. В. Шутов // Лесное хозяйство. – 2011. – № 1. – С. 12–14.
4. Анучин, Н. П. Проблемы лесопользования / Н. П. Анучин. – М. : Лесная пром-ть, 1986. – 264 с.
5. Ермаков, В. Е. Лесоустройство / В. Е. Ермаков. – Минск : Выш. шк., 1993. – 259 с.
6. Государственный лесной кадастр Республики Беларусь (по сост. на 01.01.2021). – Минск : Минлесхоз, 2021. – 88 с.
7. Моисеев, Н. А. Экономика лесного хозяйства / Н. А. Моисеев, Г. М. Киселев, Е. Б. Назаренко. – М. : МГУЛ, 2004. – 204 с.
8. Багинский, В. Ф. Применение системного анализа в лесном хозяйстве / В. Ф. Багинский. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – 175 с.
9. Мелехов, И. С. Лесоведение / И. С. Мелехов. – М. : Лесная пром-ть, 1980. – 406 с.
10. Неверов, А. В. Экономика природопользования : учеб. пособ. для ВУЗов / А. В. Неверов. – Минск : БГТУ, 2009. – 554 с.
11. Янушко, А. Д. Экономика лесного хозяйства / А. Д. Янушко. – Минск, 2004. – 368 с.
12. Васильев, П. В. Экономика использования и воспроизводства лесных ресурсов / П. В. Васильев. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 484 с.
13. Трубников, М. М. Экономическая спелость леса и организация лесохозяйственного производства / М. М. Трубников. – М. : Лесная пром-ть, 1969. – 175 с.
14. Арещенко, В. Д. Экономика и организация лесохозяйственного производства Белоруссии / В. Д. Арещенко, А. Д. Янушко. – Минск : Ураджай, 1972. – 167 с.
15. Устойчивое лесопользование и лесопользование : СТБ 1708-2006. – Введ. 18.12.2006. – Минск : Госстандарт, 2006. – 57 с.
16. Лесной Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 24 дек. 2015 г. № 332-3 : принят Палатой представителей 3 дек. 2015 г. : одобр. Советом Респ. 9 дек. 2015 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2018 г., № 152-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
17. Антанайтис, В. В. Современное направление лесостроительства / А. В. Антанайтис. – М., 1977. – 280 с.
18. Морозов, Г. Ф. Учение о лесе / Г. Ф. Морозов. – М.-Л. : Гос. изд-во, 1925. – 367 с.
19. Стратегический план развития лесного хозяйства Беларуси на период с 1996 по 2015 гг. – Минск : Минлесхоз РБ, 1997. – 178 с.
20. Стратегический план развития лесохозяйственной отрасли на период с 2015 по 2030 гг. (утвержден 23 декабря 2014 № 06/20- 271). – Минск : Минлесхоз РБ, 2014. – 52 с.
21. Калмыков, В. Н. Философия : учеб. пособ. / В. Н. Калмыков. – Минск : Выш. шк., 2017. – 320 с.

Инновационное предпринимательство как фактор экономического развития современного государства

Д.И. Микулко, Е.Д. Беспанская-Павленко

В статье раскрывается роль предпринимательства как одного из важных факторов производства и его значение в создании добавленной стоимости в развитых странах. Рассматривается также его роль в формировании инновационного потенциала экономики, который становится важной движущей силой экономического развития страны. Определяется роль государства в создании условий для развития инновационного предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательство, инновационность, экономическое развитие, государство.

The article reveals the role of entrepreneurship as one of the important factors of production and its importance in creating added value in developed countries. Its role in the formation of the innovative potential of the economy, which becomes an important driving force for the country's economic development, is also considered. The article defines the role of the state in creating conditions for the development of innovative entrepreneurship.

Keywords: entrepreneurship, innovativeness, economic development, state.

Социально-экономическое развитие общества предполагает качественные и структурные изменения в экономике, факторах роста, производственных силах. Экономический рост служит материальной основой повышения уровня и качества жизни населения и используется в международной практике в качестве важнейшего показателя развития национальной экономики. С точки зрения общественных интересов, экономический рост способствует также поддержанию национальной экономической безопасности [1, с. 5–7].

Обязательным условием экономического развития является модернизация всех аспектов хозяйственной жизни страны, т. е. адаптация к отечественным условиям самых совершенных способов организации и технологии производства, предпринимательской деятельности, разработанных и реализованных в наиболее развитых странах мира [2, с. 411–429]. Целью этого процесса является организация производства товаров и услуг, конкурентоспособных на мировом рынке, с учетом национальных конкурентных преимуществ.

Экономическое развитие, безусловно, является сложным и многомерным образованием. А факторы, которые на него влияют, представляют собой целостную систему, состоящую из нескольких элементов, взаимосвязанных друг с другом. Предпринимательство относительно недавно стали рассматривать в качестве одного из важных факторов производства, несмотря на то, что все классики экономической мысли признавали объективную значимость предпринимательской деятельности для экономического развития любого государства.

Существуют различные подходы при выделении и анализе факторов экономического развития, определяющих возможности увеличения реального объема производства. Марксистская теория подразделяет все факторы производства на две большие группы: личный фактор производства и вещественный [3, с. 188–197]. Под личным фактором производства понимается рабочая сила как совокупность физических и интеллектуальных способностей человека к труду. В качестве вещественного фактора понимаются в совокупности все средства производства [3, с. 194–197].

В классических экономических теориях выделяют три основные группы факторов производства: труд, земля и капитал [4, с. 99]. Труд – это процесс расходования человеком его физической, интеллектуальной и духовной энергии. Вторым фактором производства является земля, под которой понимаются посевные и пахотные земли, водные и лесные ресурсы, полезные ископаемые. Третьим фактором производства является капитал. Капитал – это созданные людьми средства производства и денежные накопления, используемые в производстве товаров и услуг [4, с. 651–654].

В этих теориях личность предпринимателя не рассматривается как один из факторов производства. Однако уже в современных теориях предпринимательство признается важным и значимым условием экономического развития государства.

В теории Й.А. Шумпетера идея экономического развития опирается на факт постоянных изменений исторических условий, неповторимости хозяйственного кругооборота и на появление каждого последующего исторического состояния из предыдущего. Причем в его теории речь идет о механизме изменений, олицетворением которого является фигура «предпринимателя» [5, с. 123]. Сам феномен экономического развития Шумпетер связывал с фигурой предпринимателя – хозяйственного субъекта, функцией которого является осуществление новых комбинаций и который выступает как его активный элемент, характеризующийся при помощи таких качественных понятий как инициатива, авторитет, дар предвиденья и т. д., не свойственных в привычном кругообороте [5, с. 143]. Таким образом, в этой теории выделяется уже четыре группы факторов производства: земля, труд, капитал, предпринимательская способность. Первые три фактора в этой теории понимаются так же, как и вышеизложенные, а предпринимательская деятельность (способность) определяется как специфический фактор производства, предполагающий использование инициативы, смекалки и риска в организации производства [5, с. 15].

Американский экономист Дж.Б. Кларка также выделяет среди четырех факторов производства деятельность предпринимателя, наряду с капиталом, капитальными благами (средства производства и земля) и трудом рабочего. Он пишет о том, что «предприниматель движет вперед технику производства и постоянно вводит какие-либо усовершенствования, которые увеличивают производительность и позволяют реализовать это увеличение в виде прибыли» [6, с. 31].

Таким образом, признается тот факт, что в современном мире развитие экономической системы любого государства тесно взаимосвязано с результативной предпринимательской деятельностью. Причем это связано не столько с формой собственности субъекта хозяйствования (государственной либо частной), сколько со способностью создавать конкурентные востребованные рыночные продукты с высоким уровнем добавленной стоимости.

И действительно, в ведущих странах мировой экономики доля малого и среднего предпринимательства в экономиках развитых странах превышает 50 %. Например, в Евросоюзе их доля в ВВП страны в среднем составляет 75 %, в США около 53 %, в Японии – 55 %. В России – 23 %, в Республике Беларусь этот показатель находится на отметке 26 % [7], [8].

Предпринимательство всегда связано с нововведениями и инновациями. На эту сторону экономической деятельности обратили внимание Й. Шумпетер и А. Маршалл. Й. Шумпетер показал тождественность предпринимательства и нововведений, А. Маршалл утверждал, что действительная роль предпринимателей (или изобретателей) в жизни общества состоит в том, что своим новшеством они не только создают новый порядок, но, что очень важно, ускоряют процессы, уже конструктивно созревающие в обществе [9].

То есть инновации являются важной движущей силой экономического развития. На самом деле, инновационные процессы способствовали выходу мирового сообщества на новый, более высокий уровень развития. Инновации используются практически во всех сферах жизнедеятельности как отдельного человека, так и общества в целом. Переход мировой экономики на новый этап технологического развития характеризуется созданием и проникновением во все сферы жизни цифровых информационно-коммуникационных технологий, робототехники, биотехнологий, электроники нового поколения, новых источников энергии, методов ее хранения и передачи, активным развитием технологий искусственного интеллекта и других передовых технологий.

Как показывает статистика, уровень жизни стран неразрывно связан с их инновационной активностью. Так, с 2007 г. Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) совместно с сетью академических партнеров проводится изучение инновационной активности стран и рассчитывается «Глобальный инновационный индекс» (ГИИ). В исследовании анализируются 132 страны по 81 показателю. Итоговый рейтинг представляет собой среднее двух субиндексов: ресурсов инноваций (институты, человеческий капитал и наука, инфраструктура, уровень развития рынка и бизнеса) и результатов внедрения инноваций (развитие технологий и экономики знаний, развитие креативной деятельности). Лидерами

«Глобального инновационного индекса» (ГИИ) в 2022 г. стали Швейцария, США и Швеция. В первую десятку также вошли Великобритания, Нидерланды, Южная Корея, Сингапур, Германия, Финляндия и Дания. Республика Беларусь занимает в этом рейтинге 77 место [10].

Неоспорим тот факт, что в развитых странах предпринимательство, сфера малого и среднего бизнеса содействуют развитию инновационного потенциала экономики, поиска и внедрения инноваций, являющихся фактором получения конкурентных преимуществ, заключающихся в умении находить новые рынки сбыта, производить новые товары, изобретать новые способы изготовления товаров [11]. Поэтому становится очевидным, что именно предприниматели становятся драйверами продвижения инноваций на рынок.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно сделать вывод, что для небольших стран, не обладающих значительными запасами природных ресурсов и капиталов, развитие инновационного предпринимательства является необходимым с точки зрения национальной экономической безопасности.

Однако этот процесс, создания и внедрения инноваций, может быть реализован только при комплексной поддержке государства. Его роль в создании инновационной экономики достаточно многосторонняя. Важным при этом является не только финансирование науки, но и законодательное регулирование в области инноваций, их внедрения и коммерциализации, государственно-частного партнерства в этой области, а также развитие инфраструктуры поддержки инновационного предпринимательства [12].

Поддержка науки необходима, так как инновационный процесс предполагает осуществление фундаментальных и прикладных исследований, в ходе которых создаются научные разработки, трансформирующиеся затем в современные технологии. При этом происходит аккумуляция научно-технической информации, которая может служить фундаментом для дальнейшего развития как научных исследований, так и инновационной деятельности.

Законодательное регулирование в области инноваций и государственная политика поддержки предпринимательства позволяют создать для него благоприятную среду, которая предполагает стабильность экономической политики государства, эффективную систему защиты интеллектуальной собственности, упрощенные административные процедуры, предоставление налоговых льгот.

Развитие инфраструктуры поддержки инновационного предпринимательства, как показывает опыт развитых стран мира, имеет важное значение для развития инновационного бизнеса. Она служит базовой составляющей инновационного потенциала. Инновационная инфраструктура представляет собой совокупность взаимосвязанных, взаимодополняющих производственно-технических систем, организаций, фирм и соответствующих организационно-управляющих систем, требуемых для эффективного осуществления инновационной деятельности и реализации инноваций. По мнению ряда ученых и практиков, в современных условиях именно инновационная инфраструктура во многом предопределяет темпы развития экономики региона и рост благосостояния его населения [11].

Государство также в силах менять процесс создания инноваций, превращая их в объект массового производства. Последнее основывается на увеличении инновационной составляющей в результатах экономических процессов, что рассматривается как важный фактор создания полноценной инновационной экономики [12].

Таким образом, роль государства в создании условий для развития инновационного предпринимательства базируется на применении специального законодательства и реализации системы государственных программ по его поддержке и развитию.

Подводя итог, можно сказать, что «предпринимательство» наряду с «инновационностью» стали определяющими факторами конкурентоспособности государственных экономик на мировых рынках. Особенно это касается небольших стран, не обладающих высокими запасами природных ресурсов и капиталов. Инновационные предприниматели являются драйверами превращения технологии в рыночный продукт. И в процессе своей деятельности они способны привлекать капиталы с мировых рынков в национальную экономику в виде инвестиций. Роль государства заключается в создании инфраструктурных возможностей для развития высокотехнологичного предпринимательства. С одной стороны, это заключается в поддержке

науки с целью развития фундаментальных и прикладных исследований. С другой – в развитии инфраструктуры поддержки инновационного предпринимательства с целью формирования предпринимательских компетенций и создания на базе научных исследований инновационных рыночных продуктов, конкурентных на международных рынках. С третьей – в создании благоприятной среды для привлечения капиталов с целью финансирования сформированных высокорисковых (венчурных) инновационных проектов в национальной юрисдикции.

Литература

1. Экономический рост : факторы эффективного развития : монография / по общ. ред. Г. Ю. Гуляева. – Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. – 110 с.
2. Макконнел, К. Р. Экономикс : Принципы, проблемы и политика / К. Р. Макконнел, С. Л. Брю. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 974 с.
3. Маркс, К. Капитал. ПСС / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.
4. Пейши, У. Классика экономической мысли / У. Пейши, А. Смит, Риккардо [и др.]. – М. : ЭКСМО, 2000. – 895 с.
5. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер ; пер. с нем. В. С. Автономова, М. С. Любского, А. Ю. Чепуренко [и др.]. – М. : Эксмо, 2008. – 864 с. – (Антология экономической мысли).
6. Кларк, Дж. Б. Распределение богатства / Дж. Б. Кларк ; пер. Д. Страшунского, А. Бесчинского. – М., Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. – 300 с.
7. Боркова, Е. А. Динамика развития малого и среднего бизнеса : проблемы и перспективы / Е. А. Боркова, В. Е. Подкатилина, П. Е. Завьялова // Гос. вестник. – 2019. – № 2 (26). – С. 83–89.
8. Коваленко, Н. В. Отечественный и зарубежный опыт государственной поддержки малого и среднего предпринимательства / Н. В. Коваленко, Т. А. Сулейманова // ЦИТИСЭ. – 2020. – № 2 (24) – С. 471–485.
9. Самаева, Е. В. Предпринимательство и его роль в экономическом развитии : ретроспективные и современные подходы / Е. В. Самаева, С. А. Задбинов // Вестник РГГУ. – 2009. – № 3. – С. 25–33.
10. Глобальный инновационный индекс. Инновационные тенденции и отчет 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.globalinnovationindex.org>. – Дата доступа : 10.03.2023.
11. Кожабаева, А. Т. Инновационное предпринимательство в аспекте устойчивого социально-экономического развития республики Казахстан / А. Т. Кожабаева // Вестник ВГУИТ. – 2017. – Т. 79, № 1. – С. 451–459.
12. Кадырова, А. К. Роль инноваций, науки и государства в развитии экономики [Электронный ресурс] / А. К. Кадырова // Universum : экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. – 2021. – № 1-2 (77). – Режим доступа : <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/11211>. – Дата доступа : 30.01.2021.

Сельская местность как одно из направлений региональной политики Беларуси

И.Н. РУСАК

В статье проведен анализ основных тенденций в сфере региональной политики на уровне сельской местности. Автор анализирует количество сельских населенных пунктов, затрагивает вопросы численности трудовых ресурсов в сельской местности и занятости в сфере сельского, лесного и рыбного хозяйства. Подтверждает необходимость пересмотра основных направлений реализации региональной политики в сельской местности и указывает на запрос общества на «ребрендинг сельской местности», основанный на новых стандартах проживания и наличия объектов базовой инфраструктуры. **Ключевые слова:** сельская местность, стандарт проживания, региональная политика, Республика Беларусь, трудовые ресурсы.

The article analyzes the main trends in the field of regional policy at the rural level. The author analyzes the number of rural settlements, touches on the issues of the number of labor resources in rural areas and employment in the field of agriculture, forestry and fisheries as well as confirms the need to revise the main directions of the implementation of regional policy in rural areas and points to the public's request for a «rural rebranding» based on new standards of living and the availability of basic infrastructure facilities.

Keywords: rural area, standard of living, regional policy, Belarus, labor resources.

Введение. В настоящее время происходит значительное изменение структуры человеческого потенциала Беларуси в разрезе пространственных аспектов страны. Сценарные прогнозы научно-исследовательских организаций, расчеты профильных министерств и ведомств говорят о «вымывании» трудовых ресурсов из сельской местности, сокращении демографического потенциала страны в целом.

Основные вопросы функционирования и формирования трудового потенциала сельской местности в Беларуси отражены в трудах ряда белорусских ученых: Е.В. Ванкевич, С.Ю. Солодовникова, Л.Е. Тихоновой, Л.П. Шахотько, Е.А. Антиповой, А.В. Богдановича, Б.А. Манак, О.А. Пашкевич, А.Г. Бобровой и др. [1]–[3].

В научных трудах отражается взаимосвязь экономического роста региона, инфраструктуры, трудового потенциала, а также ряда пространственных факторов функционирования территории. В условиях опережающих темпов цифровизации общества, доступности и скорости развития транспортной инфраструктуры демографический потенциал является основой экономики региона. Наличие квалифицированных кадров, необходимых для обеспечения функционирования основных процессов жизнедеятельности общества – это приоритет управленческих функций местных органов власти, который сейчас опережает даже приоритетность привлечения инвестиций на ту или иную территорию.

О демографическом старении сельской местности, увеличивающейся демографической нагрузке на трудоспособное население, усилении дифференциации данных процессов в разрезе макро-, микроуровень говорится в трудах Е.А. Антиповой и Б.А. Манак еще с 2000-х гг. [4]–[5].

Основная часть. Беларусь всегда считалась аграрной страной. Если рассмотреть динамику численности населения в разрезе село / город, то можно говорить о ярко выраженном сельском укладе жизни в 60-е гг. XX в. и продолжающемся процессе урбанизации в настоящий момент (рисунок 1).

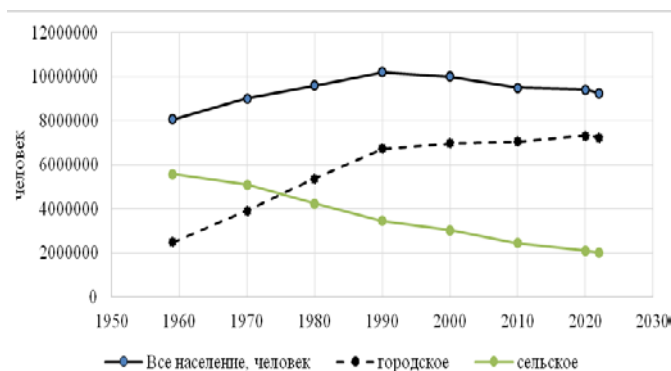

Рисунок 1– Динамика численности населения страны

Примечание: источник: собственная разработка на основе [6].

Динамика изменения численности населения страны отражает резкий рост численности населения в городе на фоне сокращения общей численности населения Беларуси с 1991 г. Имеющийся разрыв между городским и сельским населением за последние тридцать лет растет значительными темпами. Данной проблеме необходимо уделить особое внимание, особенно в силу сокращения общей численности населения страны.

Если рассматривать ситуацию в долевом разрезе, то численность сельского населения сократилась более чем в три раза: с почти 70 % в 1959 г. до 22 % в 2022 г. (рисунок 2).

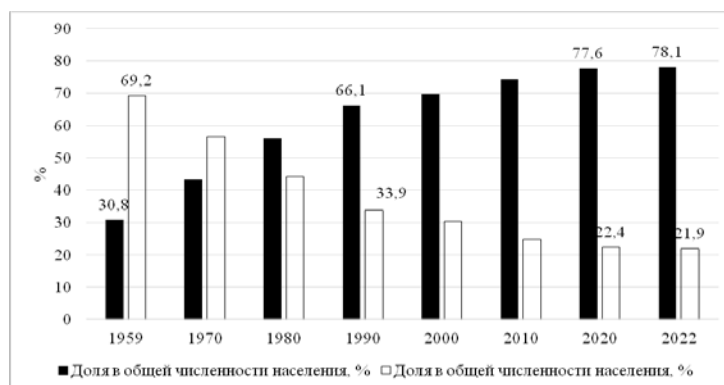

Рисунок 2 – Доля населения в разрезе городского и сельского в общей численности населения страны с 1959 по 2022, %

Примечание: источник: собственная разработка на основе [6].

Как видно из рисунка 2, тенденция сокращения численности сельского населения началась в стране с 1970 г. и продолжилась более ускоренными темпами после 1990-х. Среди причин, которые можно определить ключевыми, отметим резкое падение доходов населения в сельской местности, развитие промышленности, рост числа городов, создание конкурентоспособных рабочих мест с более высокими доходами в городах. Одним из ключевых факторов стала концентрация высших учебных заведений, интеллектуального капитала и развитой инфраструктуры в столице с одновременной популяризацией высшего образования как гаранта «лучшей жизни». Таким образом, в конце двадцатого века престижность жизни в городе является основным фактором нежелания жить в сельской местности, поиска лучших условий для реализации потенциала лучшего будущего для молодежи страны.

Еще одно подтверждение тенденции сокращения сельского населения – укрупнение сельских населенных пунктов. На сегодняшний день наблюдается отрицательная динамика количества сельских населенных пунктов в разрезе регионов. В частности, с 1991 по 2022 гг. общее количество поселков городского типа сократилось на 35 единиц (со 110 в 1991 г. до 85 в 2022 г.), сельских поселений на 588 (с 23615 в 1991 г. до 23027 в 2022 г.), количество сельсоветов уменьшилось на 330 (с 1480 в 1991 г. до 1150 в 2022 г.). В то же время, общее количество городов в стране увеличилось со 101 в 1991 г. до 115 в 2022 г.

Сельская местность в Беларуси всегда ассоциировалась с сельским хозяйством, ведением личного подсобного хозяйства, аграрной страной и т. п. Таким образом, целесообразно изучить трудовые ресурсы и занятость населения в АПК. Рассмотрим более подробно занятость с сфере сельского, лесного и рыбного хозяйства по областям Беларуси (таблица 1).

Таблица 1 – Основные показатели занятости населения в сфере сельского, лесного и рыбного хозяйства в разрезе областей и г. Минска с 2000 по 2022 гг.

	Доля занятых в с/х области от общего количества занятых в с/х по стране, %		Доля занятых в с/х области от общего количества занятых по стране, %		Доля занятых в с/х области от общего количества занятых по области, %	
	2000	2022	2000	2022	2000	2022
Брестская область	19,50	19,58	2,97	1,64	20,89	12,35
Витебская область	14,49	14,53	2,21	1,22	17,15	10,89
Гомельская область	15,41	15,99	2,35	1,34	15,78	9,82

Окончание таблицы 1

Гродненская область	16,22	15,76	2,47	1,32	21,59	12,49
Минская область	20,79	22,10	3,17	1,85	21,66	11,45
Могилевская область	12,31	11,55	1,87	0,97	15,77	9,62
г. Минск	0,86	0,50	0,13	0,04	0,65	0,17

Примечание: источник: собственная разработка на основе [6].

Как видно из таблицы 1, процентное соотношение занятых в сельском хозяйстве в разрезе областей от общего количества занятых в сельском хозяйстве по стране практически за 22 года не изменилось. Небольшие изменения отмечаются в увеличении количества занятых в Минской области, сокращении в Гродненской, Могилевской и г. Минске. Если рассмотреть общее количество занятых в сельском хозяйстве областей в соотношении к общему количеству занятых по стране, то можно говорить о значительном сокращении общего количества занятых и переориентации рынка труда областей в другие сферы (сфера промышленности, сфера торговли и т. п.). Самое значимое сокращение – практически в два раза характерно для Брестской, Витебской и Гродненской областей. В региональном разрезе также резкое сокращение занятых в сельском хозяйстве области от общего количества занятых области в целом. Если в 2000-х гг. практических пятая часть всех занятых Брестской, Гродненской, Минской областей работала в сфере сельского, лесного и рыбного хозяйства, то за 22 года максимальное значение составляет 12–13 % в Брестской, Гродненской и Минской областях. Данная тенденция отражает специфику перепрофилирования рынка труда в первую очередь в сельской местности и связана, конечно же, с оттоком населения в город и «вымиранием» белорусской деревни. Вторым фактором, подтверждающим данные цифры, является использование в сфере сельского хозяйства более новых технологий, новой материальной базы, которая является более роботизированной и не нуждается в значительном количестве рабочей силы. Данный факт подтверждает уже наметившуюся попытку автоматизировать и цифровизировать сферу сельского, лесного и рыбного хозяйства в стране, единственным сдерживающим фактором является высокая стоимость внедрения новых технологий в данную сферу.

Таким образом, возникает вопрос, каким видится будущее развитие сельской местности в нашей стране, каким будет конкурентное преимущество жизни обычного рядового гражданина в сельской местности.

Среди предполагаемых и рассматриваемых направлений можно говорить о запущенной программе создания стандартов более комфортного проживания в сельской местности в рамках реализации региональной политики Беларуси на современном этапе. Происходит ярко выраженная урбанизация страны с центрами притяжения к агрогородкам. Основная инфраструктура в сельской местности создается на уровне агрогородков, которые, скорее всего, в недалеком будущем станут базовой основой сельской жизни белорусов. Напомним, что к категории сельских населенных пунктов, согласно Закона Республики Беларусь «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь» от 5 мая 1998 г. № 154-З относятся:

- агрогородки – благоустроенные населенные пункты, в которых создана производственная и социальная инфраструктура для обеспечения государственных минимальных социальных стандартов проживающему в них населению и жителям прилегающих территорий;
- поселки, деревни – населенные пункты, в которых создана производственная и социальная инфраструктура, не отнесенные к агрогородкам;
- хутора – населенные пункты, не отнесенные к агрогородкам, деревням или поселкам [7].

Если рассматривать существующие политические решения на уровне «один район – один проект» в рамках реализации нового инвестиционного цикла в стране, то практически все инвестпредложения сфокусированы и реализовываются на уровне не ниже агрогородков. Следовательно, необходимо готовиться к значительному сокращению классических поселков и деревень. Это говорит о необходимости пересмотра ряда стратегических документов, особенно социальных стандартов жизни населения: нормативы обеспеченности магазином, почтовым отделением, амбулаторией, аптеками, водоснабжением, вывозом мусора и др.

Важно сформировать необходимую модель стандарта жизни населения в сельской местности, которая будет способствовать реализации ряда критериев, в основу которых будут заложены ожидания населения от жизни в сельской местности и его удовлетворенность.

Проведенное Белорусским институтом стратегических исследований (далее – БИСИ) исследование социального портрета жителя сельской местности показывает изменение отношения современной молодежи и лиц среднего возраста к сельскому образу жизни. Среди основных ожиданий – это необходимость возможности самореализации, запрос на элитарность загородного образа жизни и его экологичность от молодежи. Важным аспектом является наличие инфраструктуры, возможности трудоустройства, а также гарантированных социальных стандартов комфортного проживания, акцент на учреждениях образования, здравоохранения, торговли и общественного питания. Запросы молодежи основываются на качественной продовольственной продукции, развитой досуговой среде (торгово-развлекательные центры, спортивные площадки и т. п.).

Отдельным маркером для нашей страны является такой приоритет, как «мода на аутентичность села», что подразумевает новое развитие малых населенных пунктов и реализацию ряда услуг в сфере гостеприимства и туризма. Исследования БИСИ подтверждают необходимость так называемого ребрендинга сельского образа жизни [8]–[9].

Как показывает анализ ведущих СМИ Беларуси, выступлений представителей министерств и местных органов власти, данный вопрос имеет важное значение в рамках реализации концепции современной региональной политики Беларуси. Специалисты Министерства экономики, эксперты из РУП «БЕЛНИИПГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА», представители местных органов власти на основе зарубежного опыта, выработали систему стандартов комфортного проживания и занимаются ее реализацией в пилотных агрогородках каждой области [10].

Критериями отбора, определенными Министерством экономики Республики Беларусь, являются блоки: транспортно-логистическое расположение, специализация и наличие градообразующего объекта, трудовые ресурсы, инфраструктура (жилищная, социальная, инженерная и иные).

В качестве необходимой модели сельского образа жизни можно предложить схему, отражающую полный спектр необходимых объектов инфраструктуры, наличие которых обеспечивает социальные стандарты жизни в сельской местности, регламентируемые нормативными правовыми документами Республики Беларусь.

Перечень основных объектов инфраструктуры в соответствии с типовыми проектами «Деревня будущего», рекомендованных РУП «БЕЛНИИПГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА», отражен в таблице 2.

Таблица 2 – Перечень основных объектов инфраструктуры для 4 типов поселений

Численность населения (тип)	Основные объекты инфраструктуры
Свыше 0,7 тыс. чел. (1 тип)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сельский совет (административное здание) 2. Культурный объект 3. Кинотеатр 4. Объект службы быта 5. Музей 6. Школа 7. Детский сад 8. Учреждение здравоохранения 9. Автостанция 10. Санаторий 11. Аптека 12. Торговый центр 13. Торговый объект 14. Рынок с рыночной площадью 15. Объект общественного питания 16. Учреждение кредитования и финансирования (расчетно-банковский центр) 17. Учреждение связи 18. Детская школа искусств 19. Библиотека 20. Гостиница 21. Агроусадьба
Свыше 0,5 тыс. чел. (2 тип)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Административное здание 2. Дом культуры 3. Учреждение здравоохранения 4. Библиотека 5. Отделение связи 6. Школа 7. Детский сад 8. Спортивное сооружение, стадион 9. Торговый объект

Окончание таблицы 2

От 0,2 тыс. чел. (3 тип)	1. Административное здание 2. Дом культуры 3. Школа 4. Детский сад 5. Торговый объект 6. Учреждение связи 7. Спортивный объект
От 50 чел. (4 тип)	1. Торговый объект 2. Площадка для объектов мобильных форм социального обслуживания 3. Дом социальных услуг
Менее 20 чел.	Площадка для объектов мобильных форм социального обслуживания

Примечание: источник: собственная разработка на основе [11].

Как видно из таблицы, наибольший акцент в плане застройки и инфраструктуры сделан на населенные пункты с численностью свыше 700 человек, что подтверждает тезис о приоритизация жизни населения в агрогородках.

Также необходимо учитывать и современный запрос общества на безопасность, наличие объекта религиозного назначения (церкви, костела и т. п.).

Заключение. Самым сложным в реализации пилотных проектов, на наш взгляд, является обеспечение условий притока населения, создание комфортных условий проживания для современных молодых специалистов, а также уже сложившихся квалифицированных кадров с точки зрения реализации человеческого потенциала и стандартов обеспечения качества жизни на уровне городской местности. Немаловажным аспектом будет необходимость не только реализации плана мероприятий, но и поиска инвестиционных ресурсов для так называемого ребрендинга сельской местности в соответствии с современными стандартами.

Правильная постановка задачи в сфере ребрендинга сельской территории будет способствовать замедлению оттока трудовых ресурсов в городскую местность, областные центры и столицу, а также позволит создать конкурентоспособную среду для функционирования экономики районов Республики Беларусь, что в краткосрочной перспективе будет способствовать региональному экономическому росту.

Литература

1. Боброва, А. Г. Демографический и трудовой потенциал сельской местности Республики Беларусь / А. Г. Боброва, Е. А. Антипова, О. А. Пашкевич [и др.]. – Минск : Бел. наука, 2021. – 217 с.
2. Манак, Б. А. Регионы Беларуси : особенности демографического развития и трудовой потенциал сельской местности : монография / Б. А. Манак, Е. А. Антипова. – Минск : БГПУ, 2007. – 232 с.
3. Молодежная безработица в приграничных регионах : опыт компаративного анализа : монография / Е. В. Ванкевич [и др.] ; под науч. ред. Е. В. Ванкевич. – Витебск, 2017. – 156 с.
4. Манак, Б. А. Демографические потери и современные трудовые ресурсы возможности сельской местности Беларуси / Б. А. Манак, Е. А. Антипова. – Минск : Технопринт, 2002. – 224 с.
5. Антипова, Е. А. Демографическое старение в Республике Беларусь : пространственно-временная динамика и региональные тренды в контексте устойчивого развития / Е. А. Антипова // Белорусский экономический журнал. – 2017. – № 4. – С. 129–146.
6. Национальный статистический комитет Республики Беларусь (официальный сайт) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://belstat.gov.by>. – Дата доступа : 02.07.2022.
7. Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 5 мая 1998 г., № 154-З : в ред. от 31.12.2014 г., № 229-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
8. Алейникова, С. М. Ценностный портрет современного белорусского общества / С. М. Алейникова // Проблемы национальной стратегии. – 2021. – № 5 (68). – С. 1–13.
9. Алейникова, С. М. Ценностный портрет современного белорусского общества / С. М. Алейникова, О. В. Богомаз, Н. В. Надточаева [и др.]. – Минск : ОДО «Друк-С», 2021. – 56 с.
10. Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://economy.gov.by/ru/news-ru/view/tatjana-brantsevich-o-razviti-i-gorodov-sputnikov-i-derevni-buduschego-46650-2022/>. – Дата доступа : 05.07.2022.
11. Альбом типовых проектов Деревня Будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mas.gov.by/ru/tipovie>. – Дата доступа : 05.07.2022.

Ответственный секретарь: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *Е.Н. Федорова, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 28.03.2024. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 16,51. Уч.-изд. л. 14,38. Тираж 20 экз. Заказ № 199.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:
издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013;
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.